

О.Н. СКУБИЦКАЯ

ПРОЛОГ
БНЧ

12+

Ольга Николаевна Скубицкая

Тропою сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42400212

SelfPub; 2019

Аннотация

– Любите поспать?– Кто не любит.– А видеть обалденно красивые сны?– Ну еще бы.– Как насчет поселится в них?– Может не стоит, там же и кошмары бывают?!Замкнутая чудачка Эля тоже так считала, пока не потерялся ее ребенок. Жаль, иногда нет выбора, и судьба подкидывает безумные цели: найти сына в чужих сновидениях, подружиться с карманным ужасом и завести сумасшедшую гадюку. А вы уверены, что бодрствуете, или это только сон?

Книга была потрясающей: эмоционально насыщенной, затягивающей, оригинальной. Сюжетные линии извивались, словно клубок диковинных змей. Она заставляла сопереживать и смеяться вместе с ее персонажами, вдыхать новые запахи их таинственных миров, вместо бумажного переплета чувствовать под пальцами приятную прохладу аппаратуры космических кораблей, впитывать звездный блеск необъятного космоса. И конечно, до умопомрачения любить странноватую, необъяснимо загадочную девушку, потомка то ли кочевников Серой солнечной системы, то ли вождей блуждающей планеты. Страницы освещались светом ее глаз, сосредоточенный, немного безумный взгляд пробирался под кожу и оседал в крови, а сладковатый запах волос будоражил обоняние.

Перечитывая в который раз, он и сегодня никак не мог прерваться, слыша за шорохом листов звук ее голоса, и лишь накопившаяся усталость ослабила хватку судорожно сжимавших книгу пальцев. Учебники и медицинские справочники с превосходством и укоризной взирали на выскользнувшую из рук хозяина соперницу, мечтая отрастить конечности и выкинуть ее в окно.

Темнота сна засмеялась так задорно и искренне, как может смеяться только очень легкий, целостный и счастливый человек на стыке лет меж детством и шальной юностью.

Она сжала в жадную пригоршню все его силы, скомкала в

липком кулаке и сдула с ладошки в сизое море.

1

В детской его не было, на балконе тоже, в спальне лишь измятое покрывало намекало на его недавнее присутствие. Эля заглянула на кухню, заранее готовясь увидеть, как сын, вскарабкавшись на шаткий стул с хромированной спинкой, тянется к полке с конфетами, но и там его не оказалось. Страх не заставил себя долго ждать, в который раз показав Эле, что за себя бояться проще, чем за своего ребенка. Запертая изнутри дверь не оставляла сомнений: сквозь нее никто не выходил, не говоря уж о том, что не достигший еще и трех лет малыш попросту не смог бы отомкнуть хитрый замок.

– Кроха... – еле слышно захрипел не к месту осипший Элин голос, пока его обладательница металась по комнатам, в панике проверяя по второму кругу запоры окон, шкафы, ванную.

Уже не веря ни себе, ни элементарной логике, она трясущейся рукой дернула задвижку окна и, распахнув створку, боязливо глянула вниз с четвертого этажа. Но там колыхалась лишь непрямая трава и матерый дворовый котище пробирался по ней, маневрируя, как гондола в узких каналах Венеции. Растерянный взгляд девушки перескакивал с одной детали внутреннего двора на другую, она боялась,

что на этот раз ее маленький сынок не вернется.

Но тут со стороны прихожей раздался знакомый приглушенный звук и невнятное детское бормотание. Эля еще никогда так быстро не бегала. Механизм замка сухо щелкнул.

В тамбуре между двумя квартирами прямо на полу сидел хорошенький мальчик, он смеялся и жестикулировал, а еще бормотал что-то невнятное, глядя в стену, причем так осознанно, будто с кем-то разговаривал.

– Эмиль! – с облегчением выдохнула девушка и подхватила на руки мигом потянувшегося навстречу грязными ручками ребенка. – Как же ты меня напугал!

Крошечное сердечко радостно забилося ей в плечо; когда-то она и предположить не могла, что только это будет погружать ее в ощущение полного спокойствия и счастья. Малыш пах клубничными конфетами и пластилином, для Эли этот запах ассоциировался с беззаботностью.

– Ма-ма... – пробормотал он и обнял ее за шею.

От удивления девушка остановилась как вкопанная, так и не переступив порог квартиры.

– Зубиии... Зубббиии, – забавно коверкая слово, выдохнул ей в ухо ребенок и радостно засмеялся, тыча пальчиком в стену, у которой только что сидел.

– Какие зубы? – Эля шагнула за порог и через плечо обернулась в направлении, которое указывал сын.

– Там зубы и глаза, – указал ребенок на стену, частично покрытую облупившейся зеленой краской.

– Ты их боишься, мой фантазер?

В ответ сын только радостно засмеялся.

Целый день она не спускала с него глаз, порою, прервав дела, порывисто обнимала и чмокала в светлую макушку, – просто так, чтобы удостовериться, что он рядом, что никуда не делся.

Страх уже давно сплел клубок в ее сердце, еще с тех пор, как Эмиль научился говорить. Сначала ей казалось, что все его слова – выдумка разошедшегося детского воображения, многие малыши болтают несусветную чушь, но родители, естественно, не принимают ее всерьез.

Элин сын не только болтал. Он указывал пальчиком в совершенно пустые углы, будто видел там что-то недоступное маминому зрению, ни с того ни с сего начинал заливисто смеяться над чем-то, что слышал и понимал только он. Он пытался объяснить «бестолковой» маме, что вот там, где Эля видит шкаф, еще есть дерево с синими листиками, а внутри вон той игрушки прячется чья-то когтистая рука. Со временем девушка привыкла спокойно воспринимать заявления, что от печки на кухне начинается белая вода, а к вечеру там же стоит темный страшный человек. Может, оттого, что сама всегда была неисправимой фантазеркой и, прочитав очередную книгу, «селила» в человеческий мир то прекрасных вампиров, то отвратительных чудовищ, а то и прирученных василисков. Выдумки мальчика все время менялись, и чем лучше он говорил, тем четче становились описания видимых

только им персонажей и событий и тем больше укоренялся в Эле безотчетный страх, напоминавший то ли холодную змею, свернувшуюся в животе, то ли предчувствие грядущей беды.

Своими опасениями она могла поделиться только с двумя людьми, чем и занялась вечером.

Эмиль безмятежно спал в своей комнате: еще бы, на этот раз вокруг него махали крылышками разноцветные бабочки, чем он не преминул поделиться с Элей, прежде чем закрыл уставшие, но восхищенные глазенки.

Кухню освещал лишь мутный кружок желтого света, так что все предметы, кроме стола, прятались в тени. Мохнатый абажур лампы был опущен низко. Редкие гости давно перестали спрашивать о том, действительно ли он сделан из натурального меха, – и к лучшему, ведь хозяйка квартиры никогда не рассказывала, из чего и как мастерит свои экзотические аксессуары для интерьеров. На совершенно немислимой по цвету и форме полке стучали, сталкиваясь, шарики вечного двигателя Ньютона. А обтянутый мягким покрытием подоконник, расшитый стеклярусом, сверкал, как драгоценность из сокровищницы царицы Савской, на нем-то Эля и примостилась, свесив ноги и сложив руки на коленях, как прилежная школьница.

– В нашем мире бывает все что угодно, поэтому можно брать в расчет прохождение сквозь стены или даже телепортацию, – Лем говорил медленно, вдумчиво, растягивая сло-

ва, а порой глотая окончания. Его мыслительная деятельность всегда опережала вербальную.

Эля с легкостью представляла, как все гипотезы и предположения еле умещаются в кудрявой голове, иногда ей даже казалось, что серпантин волос, торчавших во все стороны, лишь закономерное продолжение его чересчур активного мозга. Однако ответить не успела, в замке входной двери повернулся ключ, и она с радостью соскочила с подоконника, направляясь в прихожую.

Молодой человек разувался в темноте у двери. Эля, как обычно, подавила желание повиснуть у него на шее, лишь тихо застыла, прислонившись виском к стене.

От него пахло трудным разговором и ветреной кокетливой девушкой – тяжелый запах сигарет и легкий флер цитрусовых духов. Пассивным курильщиком Янош становился только в кабинете начальника, ну а аромат парфюма явно зацепил при общении с новой поклонницей.

– Представляю, что он наплел тебе, – сказал Ян, пренебрежительно отпихивая в сторону новомодные кроссовки Лема.

– Я все слышу, – раздалось из кухни.

– Слышать – это неплохо, но порою надо еще и думать. В очередной раз подпитываешь ее фантазии своим неумным вниманием? – бросил Ян, проходя мимо девушки в кухню и присаживаясь на свой любимый стул.

Тот был такой же фундаментальный, непоколебимый и надежный, как и сам Янош, и в этой квартире, среди разно-

мастной, порой нефункциональной, а порой даже нелепой мебели, этот стул единственный не претерпел изменений от рук хозяйки. Он нравился Яношу, а значит, приукрашивать его на свой вкус Эле даже в голову бы не пришло.

– Так, фантазеры-шизофреники, – продолжил решительный баритон Яноша. – Хватит страдать фигней, а давайте-ка рассуждать логически.

Лем с усмешкой покосился на него и отвернулся к окну, их подруга снова заняла привычное место на подоконнике.

– Наверняка есть и разумное объяснение тому, почему ребенок оказался за дверью. Во-первых...

– Ты голодный? – спросила Эля, помня о ненормированности его рабочего дня.

– Перебивать людей некультурно. Сколько раз можно повторять? Ну когда я научу тебя элементарной вежливости?

Парень сидел в тени, и девушка не могла четко видеть его лицо, но почти физически ощущала, как он измотан. Не обращая внимания на ворчание, Эля предложила попробовать блюдо, которое впервые приготовила. Лем плотоядно облизнулся, несмотря на то, что свою пайку уже слопал и был невозможно сыт.

– Ну давай, – сдался Янош. – А то мать наверняка сварганила что-нибудь несъедобное.

Пока он ел, в кухне висела выжидающая тишина. Лем смотрел куда-то вдаль и молчал, а Эля наблюдала, как длинная челка Яноша занавешивает загорелый лоб и как он раз-

драженно откидывает ее в сторону. Фантазия девушки в данный момент называлась: «муж пришел домой, а любящая жена потчует его потрясающим ужином».

– Круто, да? – любопытствовал Лем.

– Нормально, – как всегда, ответил Янош. – Снова не расскажешь, из чего это?

– А зачем? Приходи в любое время и ешь сколько захочешь.

– Все еще думаешь, что путь к сердцу – через желудок? – любопытствовал Лем, когда Янош отправился мыть руки.

Эля только вздохнула:

– Тогда бы он еще в школе...

– О чем шепчемся? – повысил голос Янош, выходя из ванной.

– Для того и шепчемся, чтобы ты не услышал, – ответил Лем.

Эля понимала, что самая большая разница между ними в том, что один просто считает ее ненормальной, а другой, зная, что она ненормальная, считает, что это нормально.

– Так вот, ты могла, вынося мусор, к примеру, не увидеть, как Эмиль юркнул в дверь.

– А когда шла обратно, в тамбуре его тоже не заметила? – возразил Лем.

– Она же рассеянная, к тому же он мог спуститься этажом ниже, а потом вернуться обратно.

– Ну да, а дверь в тамбур Эмиль сам за собой закрыл? Не

дотянулся бы.

– Я вообще никуда сегодня не выходила, – прервала их девушка.

– Тогда другой вариант...

– Ян, не надо, я действительно невнимательная и задумчивая, но он для меня – самое важное в жизни, и ты не можешь обвинить меня в том, что я настолько плохая мать.

– Ты отличная мать, – вставил Лем, ерзая на низком пуфике, который походил на ежа из-за колючек (благо, мягких), торчавших из его боков.

– Кстати, он сегодня впервые назвал меня мамой.

– Как ты ни старалась объяснять, что его мама с папой «надолго уехали», маленькому ребенку это неважно, для него мама – ты.

– Хочется, чтобы он знал про Иру и Данила.

– Давно хотел спросить, в кого из них у него такое развитое воображение? – спросил Янош.

– Ни в кого, Иру ты знал, ну а Данил был таким же прагматичным, как и она.

– В тебя, как ни странно, – протянул Лем. – Хотя ты к его генетике имеешь лишь косвенное отношение.

– Он уже второй раз вот так непонятно исчезает и появляется. Мне... страшно.

Лем успокаивающе коснулся ее руки, а Эля тут же представила, что прикосновение принадлежит Яну, почувствовала сухую теплую кожу, чуть шершавые подушечки красивых

загорелых пальцев. Чтобы отвлечься, ей пришлось срочно сжать в кулаке кисточку от занавески.

– Ты знаешь, я в чудеса не верю, и то, что ты не хочешь принять логическое объяснение, еще не говорит о том, что его нет. Переутомилась, переволновалась, задумалась, не заметила. И не надо на меня так смотреть, ты – хорошая мать, но никто не идеален. – «Особенно ты», – добавил его взгляд. – Ребенок нашелся, и это главное, в следующий раз будешь меньше отвлекаться на свои фантазии.

– Фантазировать – моя работа, – нервно перебирая пряди своих волос, напомнила Эля.

– Да брось, – махнул рукой Янош, скептически приподняв бровь. – Твое увлечение, – по-другому и не назовешь, – даже денег толком не приносит, лучше бы подалась в повара, это у тебя хоть приемлемо выходит.

Эля и не подумала обижаться, во-первых, она знала Яна так давно, что уже перестала обращать внимание на его пренебрежительную манеру общаться, а во-вторых, именно так звучал комплимент в его исполнении, хотя молодой человек вряд ли бы это признал.

– Мы теряем основную нить разговора. Что конкретно ты можешь предложить? – спросил Лем, по привычке растягивая слова.

– А что тут предложишь? Отдохнуть и перестать себя накручивать на пустом месте.

– Ты, как обычно, не отличаешься оригинальностью. В та-

ком случае предложу я. А что, если обратиться к ненаучным методам анализа проблемы?

– Каким? – спросили одновременно Эля с Яношем, но тут за стенкой захныкал ребенок, и девушка поспешила в детскую.

– Предложишь ей обратиться к колдуну или гадалке? – скривился Янош, но это ничуть не испортило исключительной красоты его лица. Он был красив всегда: когда злился, когда надменно отчитывал друзей и коллег, когда взбирался по карьерной лестнице, невзирая на методы, и даже когда говорил страдающим по нему девушкам свое емкое и холодное «нет».

– Вообще-то к экстрасенсу.

– Не вижу разницы.

Лем ничего не ответил, и они долго сидели, глядя в разные стороны, пока не вернулась хозяйка квартиры.

– Так что за метод? – уточнила Эля, появившись в прихожей.

– Он передумал, – выразительно глядя на Лема, сказал Янош.

– Ну вообще-то нет, – чуть прокатившись на пуфике вперед и вернувшись обратно, сказал Лем. – Но пожалуй, это будет несвоевременно, оставим до критической ситуации.

Побледневшая Эля так и замерла в прихожей, обессиленно опершись о стену.

– Хватит пугать. Ты что, ее не знаешь? Напридумывает

черт знает чего.

Лем промолчал, явно придерживаясь своего мнения, поэтому вибрацию мобильного в наступившей тишине услышали все.

– Да, мам, скоро буду, только успокою парочку параноидальных психов, – сказал Янош в трубку и отключился. – Так, мальчики и девочки, срочно меняем тему. Чего он проснулся?

– Сказал, что в комнате много кричащих дяденек в синей одежде.

– И?..

– Потом они куда-то ушли, на их месте появилось что-то приемлемое, и он уснул.

– Интересно, – оживился Лем.

– Еще бы, судя по описанию – военные, только вот откуда он о них знает, да еще и в таких исчерпывающих подробностях, у нас даже телевизора нет, – девушка в напряжении морщила лоб.

– Да откуда угодно, например девочка в группе рассказала. Где-то я тут у тебя видел успокаивающий чай.

Янош встал и начал открывать все подряд дверцы полосатых кухонных шкафчиков, пока не нашел нужную упаковку. Щелкнув кнопкой чайника, он шагнул в прихожую и потянул Элю за руку. И только когда усадил на жуткое творение современного модерна из кучи блестящих металлических трубок и всучил чашку с горячим напитком, источавшим запах

валерьяны, продолжил:

– Детский психолог говорил тебе, что для ребенка это нормально, неокрепшая психика способна выдать любые неожиданности. Лучше подумай о том, что у Эмиля скоро день рождения, спланируй подарки, стол, список мероприятий в конце концов. – Янош старался всячески отвлечь друзей от совершенно нелепых, как ему казалось, мыслей; в их троице он еще с детства был отрезвляющим началом.

– Он только через две недели, – напомнил Лем.

– И что? Нужно все обсудить заранее.

Спустя полчаса, выжав из Эли, все еще находившейся в растрепанных чувствах, варианты возможных подарков, Янош успокоился. Разговор съехал с опасной темы на более земную и приятную. Ну а на этапе обсуждения плюсов и минусов различных украшений для детской молодой человек посчитал свою миссию выполненной.

– Ладно, я пошел. Ты со мной?

Лем, прервавшись, отрицательно покачал головой.

– Дай угадаю... – но хмурое выражение, появившееся на лице шатена, просило его не продолжать. Янош махнул рукой, а Эля кинулась заворачивать какие-то сладости собственного приготовления для женщины, которую еще со школы мечтала назвать свекровью.

Пока она шуршала пакетами, отвернувшись в сторону, Янош недвусмысленно жестикулировал Лему, чтобы он больше не поддерживал расстраивавшую Элю тему. Лем со-

строил равнодушную мину и развернулся к окну.

Эле так хотелось попросить двери не выпускать Яноша, но дверь, к сожалению, не понимала человеческой речи.

– Отец? – проводив Яна и вернувшись на кухню, спросила она.

Парень нахмурился.

– Тебе компьютер сегодня нужен?

– Нет, буду спать. Перетаскивай его в зал, только потише, Эмиль может проснуться. Пойду постелю диван, не забудь, там ножка шатается.

– Я же в прошлом месяце ее починил. Уже не помнишь?

– Угу. На нем же спишь только ты, да и то редко.

– Ну почему же, один раз спал Ян.

Девушке не нужно было долго вытаскивать из памяти на свет тот случай, он как раз относился к эпизодам жизни, которые Эля бережно хранила и порою любовно перебирала в голове, как олимпийский чемпион золотые медали, а еще снабжала деталями, не имевшими ничего общего с реальностью. Позже, лежа в постели, она вспоминала ночь, чуть больше двух лет назад, когда Янош единственный раз остался у нее. Переутомленный после рабочего дня, уснул прямо сидя на диване. Она осторожно сдвинула его красивую голову на подушку и просидела до утра, рассматривая классические черты лица, черные как деготь пряди идеально постриженных волос, атлетически сложенную фигуру. Вдыхала знакомый до мельчайших оттенков запах мужского тела и

мечтала, мечтала, мечтала...

Из прихожей пробивалась еле заметная полоска приглушенного света. Лем работал. Сон не шел, и даже привычные размышления о Яне, ранее способные при любых раскладах вернуть ее в приподнятое расположение духа, не могли отогнать другие – настойчивые, тревожные, изматывавшие. В мыслях девушки наравне с Яном уже давно царил и другой персонаж – маленький, голубоглазый, улыбчивый. С тех пор как Эля, едва живая, выбралась из горячей машины, прижимая его к груди, жизнь разлетелась на мелкие осколки, которые затем срослись в другом порядке в нечто, уже с трудом напоминающее прежнее. А сердце, которое всегда казалось переполненным только одним человеком, расширилось и впустило крохотное горько плачущее чудо. Чудо, даже не подозревая о том, оплакивало своих погибших родителей, а прибывшие на место аварии медики долго не могли вырвать из рук потерявшей сознание девушки рыдавший зеленый сверток.

Сегодня она намеренно осталась спать в детской и теперь слушала, как тихо дышит в темноте ребенок, лишь это слегка успокаивало и ободряло. Она знала, что происходит нечто странное, и пожалуй, могла бы обрадоваться каплям мистики, разбрызгавшимся по ее обыкновенной жизни, если бы это не касалось златовласого сокровища, которое давно стало для нее самым дорогим на свете.

Компьютер Лем выключил под утро, и приблизительно в

это же время Эля смогла закрыть измученные бессонницей глаза, которые, как показалось, сразу же открылись, и лишь через пару секунд Эля поняла, что проспала несколько часов. А разбудили ее не изменившееся дыхание Эмиля и не клацанье посуды за стеной, а мокрые ресницы и послевкусие пережитого страха. Она никогда не помнила своих кошмаров, но точно знала, если они приходили за ней.

Часов в комнате не было, и серость утра не давала не единого ориентира во времени. Одевшись и заглянув на кухню, Эля обнаружила бодрого Лема, тихо набивавшего рот едой под рэп из наушников. Она спокойно вынула у него из руки хлеб с маслом, обильно посыпанный сахаром, положила его на стол и принялась готовить душистую пшеничную кашу с персиками и корицей.

– После трудовой ночи нужно восполнить резервы организма чем-нибудь сладким, – продолжая жевать, изрек Лем. – Мои извилины попахали сегодня на славу.

Что правда, то правда, его гениальные мозги все время требовали подпитки. «Золотая голова, – частенько говорил Митрофанов-старший – отец Лема. Но в моменты ссор с единственным сыном непременно добавлял: – Только дураку досталась».

– В холодильнике есть тирамису, а сахар с маслом ассоциируется с голодным детством в детдомах, которого у тебя, мальчик из обеспеченной семьи, и близко не было, – улыбнулась Эля, помешивая ложкой в кастрюле.

Ее всегда ужасала любовь друга к сосискам, кетчупу и заваривавшейся в пакетиках полукартошке, особенно при том, что для его семьи последние лет десять готовил прекрасный повар. Но домашнюю пищу он не любил и исключение делал только для Элиной стряпни. Вот и сейчас, слямзив со стола остатки бутерброда, продолжил заниматься гастрономическим невежеством.

– Вкусно же, и ладно.

– Подожди, через пять минут будет готова нормальная еда.

По комнате уже распространился фруктово-пряный дух.

– Угу-м, – ответил парень, с готовностью усаживаясь на пуфик.

Поставив перед Лемом тарелку, Эля заглянула в детскую. Солнце пробивалось сквозь облака, и с потолка улыбался нарисованный заяц с задорно согнутым ухом. В противоположном углу солнечный луч прошелся по серпу эмульсионной луны, окруженной звездами, затем опустился к фотообоям во всю стену, изображавшим стилизованную под старину географическую карту мира, обласкал каждую из разноцветных подушек-стульев, разбросанных повсюду, и замер на детской кровати, украшенной необычным черным рисунком, – деревянную поверхность декорировала Эля, осваивая технику выжигания.

Мальчик улыбался во сне, демонстрируя миленькие ямочки на щеках, одеяло сползло в сторону, открывая ямочки и

на коленках. Эля вернула одеяло на место и тронула губами висок ребенка, думая о том, что ямочки – знаки Венеры, планеты любви.

Когда девушка вернулась, Лем одной рукой тыкал пальцем в телефон, а другая застыла с поднятой к губам ложкой каши.

– Ау, – позвала Эля.

– А?.. – ложка ляпнулась в тарелку. – Понимаешь, я тут написал одну изящную программную штучку, и если ее внедрить в рабочий процесс...

Дальше Эля не слушала, Эмиль позвал. Звонкий голосок действовал на нее, как изрядная порция бодрости. Вот уже почти три года утро для нее начиналось только тогда, когда просыпался Тимирчев-младший, причем неважно, что поначалу «утро» приходило четыре раза за ночь.

Она тут же развернулась и с улыбкой направилась обратно в детскую, но мальчик, как ни странно, мирно спал. Решив, что ей показалось, и бесшумно закрыв двери, девушка отправилась завтракать.

Лем, узнав, в чем дело, продолжил изливать подробности своей гениальной идеи. Эля редко понимала его, но пропасть между ними была не столько в уровне интеллекта, сколько в способе восприятия действительности. Впрочем, это никогда им не мешало: девушка прекрасно умела слушать, хотя порою настолько погружалась в свои мысли, что теряла ощущение реальности.

Пока друг сыпал заковыристыми терминами, Эля с аппетитом ела и, как только вылавливала в его речи что-нибудь понятное, утвердительно кивала. Вспомнив, что собиралась сесть на диету, она отодвинула тарелку, но, отвлекшись, вновь принялась за еду. Вдруг сын снова позвал ее, и девушка резко поднялась, но Лем успел поймать ее за руку:

– Ты чего?

– Эмиль зовет.

– Ничего не слышу.

Зато Эля отчетливо слышала детский голосок.

– Пусти, он проснулся.

Лем с растерянным видом разомкнул пальцы, а когда девушка спустя две минуты вернулась, его внимательные серые глаза излучали беспокойство, но во взгляде Эли беспокойства было не меньше.

– Спит, – еле слышно прошептала она и принялась разливать по чашкам ароматный травяной чай.

– Наверное, снова воображение шалит, – уголками губ улыбнулся молодой человек.

– Но я же слышала.

– Конечно, слышала. – Лем никогда бы не усомнился в словах девушки, его подруга врать не умела и поэтому даже не пыталась это делать. – Вспомни, что говорил психолог, ты очень чувствительна и восприимч...

– А сейчас? – снова встрепенулась Эля. – Ну он же разговаривает с кем-то.

В квартире было на удивление тихо, и даже отнюдь не спокойные соседи в данный момент никак не напоминали о себе. Лем замер, прислушиваясь, но слишком сонный для раннего утра дом безмолвствовал. Эля обернулась в сторону прихожей.

– Что-то рассказывает обо мне. А теперь зовет... – поспешно поставив чайник, девушка снова побежала в комнату. Жалобный голос так четко раздавался в ее ушах, что сердце защемило.

На полпути ее нагнал Лем, и дверь они тихо приоткрывали уже вместе. Мальчик мирно спал в той же позе на левом боку, и даже одеяло ничуть не сдвинулось.

Войдя в комнату, Лем прошел пару шагов и стал внимательно рассматривать ребенка, а когда обернулся к Эле, та, не отрывая взгляда от сына, опустившись на синюю подушку у двери, сжимала уши и одними губами шептала:

– Зовет... Плачет...

– Тише, успокойся, – медленно попросил Лем. – Сосредоточься, ты же видишь, с ним все в порядке. – Он подошел, погладил светлую макушку девушки и почувствовал, как она мелко трясется.

На размышления времени не было, поэтому Лем, не сводя обеспокоенных глаз с Эли, вернулся к кровати и легонько потряс малыша за плечо. Белесые реснички вместе с маленькими веками зашевелились, губки забормотали нечто сонно-невнятное, и одновременно Эля облегченно выдохнула и

опустила руки. Но окончательно успокоилась, только когда присела около кроватки и погладила теплую ручку сына.

Эмиль, судя по всему, был немного испуган, но, увидев маму, быстро отвлекся и легонько потрогал пальчиками прядку ее волос.

– Бея, касивая... – изрек младенец, устами которых, как известно, глаголет истина.

Эля только вздохнула, не к месту подумав о том, что будь так, то, может, у них с Яном все бы сложилось по-другому.

– Я его слышала, – не поворачиваясь, произнесла она.

Лем у нее за спиной беззвучно кивнул.

– А помнишь, летом после пятого класса ты слышала, как под окном эльфы играют на свирелях?

– Угу, – всецело занятая ребенком, рассеянно ответила она.

Перефразируя избитое выражение, можно сказать, что каждый человек – глубокий омут и иногда лучше не соваться к тем чертям, что в нем водятся. Лем знал, что Элины черти очень странные. Большую часть времени она была совершенно обычным, среднестатистическим человеком, трезвомыслящим и отвечающим за свои поступки, но иногда ее воображение перебиралось через границы реальности, в такие моменты психика теряла ориентиры возможного и невозможного, смешивая все в единое и порою шокирующее для окружающих. Большинство из тех, кто случайно сталкивался с этой ее особенностью, делали большие глаза и крутили паль-

цем у виска; старшая сестра когда-то даже пыталась водить к психоаналитику; и только друзья давно привыкли и любили ее такой какой она была. Лем обожал за то, что она всегда оставалась собой, при любых обстоятельствах, ее никогда не цепляли общественное мнение и стадный инстинкт, она словно плыла на своей волне, спокойно и размеренно, не обращая ни малейшего внимания на то, куда и на чем плывет остальное человечество.

Янош... Кто знает, что думал Янош! Наверняка считал слегка сумасшедшей, но вслух об этом никогда не говорил и другим не позволял. Он держал ее под своим крылом и сам себе не мог ответить на вопрос, чем его когда-то так прочно привязала к себе тихая, замкнутая, нелепая девочка.

Лем ушел, пообещав позвонить вечером, а Элин день вернулся в привычную колею, за одним-единственным исключением: она не оставляла Эмиля одного ни на минуту. Работать не получалось, хотя сроки по выполнению заказов растягивать было нежелательно, но она слишком беспокоилась за ребенка, и даже в подготовительном кружке для детского сада не смогла его оставить без личного присмотра. В результате в течение трех часов рисовала эскизы, держа на коленях блокнот, под аккомпанемент визга и писков веселой малышни. Впрочем, там она была не единственной гиперопекающей мамочкой: из разных углов помещения кидали на своих чад обеспокоенные взгляды еще несколько женщин.

Эля пыталась отделаться от навязчивого тревожного ощу-

щения, стараясь не заикливаться на слове «предчувствие», но оно не отпускало ее всю следующую неделю. Как и любая нормальная мать, она и раньше переживала за своего ребенка, но теперь не просто переживала – она панически боялась. Последним событиям можно было подобрать тысячу разумных объяснений и таким образом утешить себя, но Эля отдавала предпочтение ощущениям, холодный разум не был ее коньком.

– Логика здесь не живет, – неизменно констатировал Янош.

– Наличие логики не доказано, – рассеянно отвечала она, и парень хохотал, наслаждаясь абсурдностью фразы.

– Для твоих мозгов уж точно.

Хотя в чем-то Эля была права: связь матери и ребенка не всегда можно объяснить с научной точки зрения. Несмотря на то, что мальчик фактически являлся ее племянником, такая связь между ними установилась с самого начала, еще тогда, когда Ира ходила беременной. Он активней шевелился у сестры в животе, когда Эля приближалась, реагировал на ее голос. А Эля все никак не могла понять, почему Ира, всегда такая близкая и понятная, вдруг стала отдаляться, причем ей это удавалось делать даже в трехкомнатной квартире, в которой, казалось бы, далеко друг от друга не убежишь.

В то время Эля училась в университете и жила в оставленной родителями квартире вместе с сестрой и ее мужем. Сначала сестра, которая, несмотря на строгость и непроши-

баемость характера, всегда искренне интересовалась Элиной жизнью, стала все чаще запирается в своей комнате, когда девушка появлялась на пороге. А если Эля находилась в квартире долго, при любой возможности уходила. Исчезли долгие вечерние разговоры за чаем, правда, вместе с ними исчезли и постоянные упреки в глупости и легкомыслии, но оказалось, что даже по ним Эля скучает. Данил успокаивал девушку и бормотал что-то о причудах беременной женщины, но Эля все равно не понимала, и поведение сестры ранило ее сильнее, чем все насмешки однокурсников и все кратковременные влюбленности Яна. Ее можно было понять: при живых и вполне здравствовавших родителях, Ира заменила Эле мать.

Родители были успешными физиками; возможно, так получилось именно потому, что науку они любили больше, чем что-либо другое в жизни, они молились только ее идолам. И хотя наука не стала яблоком раздора для них, но зато легко позволила оставить десятилетнего ребенка на попечение окончившей институт старшей дочери и умчаться за границу работать во имя великих целей. По правде сказать, с их отъездом в жизни девочек ничего кардинально не изменилось. Ира привыкла заботиться об Эле еще с тех пор, когда ей надо было менять пеленки, так что разница заключалась лишь в том, что раньше они видели маму с папой раз в неделю и мельком, когда те возвращались из лаборатории, а теперь не видели годами.

И вот спустя двенадцать лет единственный человек, которого Эля считала по-настоящему родным, ни с того ни с сего тоже решил ее оставить. Девушка не понимала, в чем провинилась, и готова была просить прощения даже за то, чего не совершала, но Ира лишь награждала ее задумчивым взглядом и снова ускользала от разговора. При этом Эля была готова поклясться, что порою видит на дне карих глаз сестры страх. В те месяцы от отчаянья ее спасали только поддержка Лема и неусыпный контроль Яна.

Выяснилось все однажды вечером, когда Эля, вернувшись домой, услышала обрывок разговора, доносившегося из кухни.

– Она хочет его забрать, – бормотал совершенно несвойственный уравновешенной Ире плаксивый голос.

Эля так и замерла в прихожей, не успев даже обувь снять, а Ира, не зная, что ее слышит кто-то, помимо Данила, продолжала захлебываться слезами.

– Ты в своем уме? – Расстроенному мужу с каждым разом все сложнее было выносить абсурдные истерики жены.

– Каждый день сны, один за другим, без перерыва. И ведь раньше я снов в жизни не видела. И пусть, и ладно, но ведь в каждом из них, о чем бы он ни был, она беременна моим сыном.

Эля дернулась, как от пощечины, но не от невероятного обвинения, а от того, что вот уже третий месяц время от времени видела сны, в которых была беременна мальчиком.

Еле переступая ногами, девушка бесшумно вошла в кухню.

– Приди в себя. О чем ты вообще? Ты хоть понимаешь, в чем пытаешься обвинить человека?

Глаза жены удивленно расширились, и, проследив за ее взглядом, Данил повернул голову. В проеме двери стояла Эля, и они с Ирой смотрели друг на друга, не отрывая глаз, – это был разговор, который никто не смог бы услышать.

«Прости, ничего не могу с собой поделатъ». – «Я не хочу отнять, сама ничего не понимаю». – «Он только мой», – Ирина рука ласково скользнула по животу.

Данил с облегчением вышел, понимая, что на этот раз они точно разберутся. Но он ошибся, все стало только хуже.

Если бы на месте Эли была другая девушка, то она, скорее всего, попыталась бы успокоить и переубедить сестру, но Эля не умела лгать не только окружающим, но и себе:

– Я тоже вижу такие сны.

Стоявшая у стола Ира обессиленно опустилась на стул.

– Если бы только это...

«Что же еще?» – спросил Элин взгляд.

– Он слышит тебя, он реагирует, ему нравится, когда ты здесь... Даже сейчас. Прости, я, наверное, несу несусветную чушь, но хотя бы один раз в жизни можно, ведь обычно этим занимаешься ты, – уголки губ натянуто симитировали улыбку. – Мне тяжело находиться рядом. Он мой, понимаешь, мой.

В Ире проснулись характерные для нее упрямство и уверенность. Она, глотая слова вперемешку со слезами, говорила не о том, что думала, а о том, что осознавала, чувствовала, быть может, даже предчувствовала. Она то шептала, то переходила на крик, то долго молчала, то не давала вставить и слова. Впрочем, Эля не собиралась перебивать ни ее личную истерику, ни ее персональную тишину. Впервые в жизни видя в таком состоянии свою всегда такую разумную сестру, она как никто понимала и верила тому, что рассказывала Ира.

– Он мой, но почему-то он совершенно уверен, что его мать – ты, – Ирины глаза горели лихорадочным блеском.

Эля не думала о том, что все эти слова не что иное, как бред, связанный с глобальной перестройкой женского организма, она просто стояла в дверях и молча слушала, прильнув щекой к стене. Возможно, все бы закончилось относительным миром, если бы Эля не сделала несколько опрометчивых шагов навстречу и не прикоснулась кончиками пальцев к выпуклому животу сестры. Ребенок в чреве мамы немедленно задвигался, Элино сердце дернулось и забилось чаще. Ира резко отшвырнула руку сестры в сторону и поднялась. Ее щеки покраснели, а губы задрожали, она хотела что-то сказать, но не могла. Кто бы мог подумать, что между ними, такими разными и такими родными, когда-нибудь встанет еще не родившийся ребенок.

Внезапно Эля поняла, что не просто теряет ту, которая

всегда была для нее семьей, ту, что с детства ограждала от окружающего мира и от самой себя, а уже потеряла, и возможно, навсегда. Она не стала оправдываться и уговаривать, извиняться и обвинять, она тихо ушла и весь последний месяц Ириной беременностью жила у Лема, благо, его родители в тот момент жили во Франции. Ушла не от обиды, а из-за волнения за сестру, подумала, что так для нее будет лучше.

Целый месяц они не общались, и Эля видела привидения в чердачном окне дома напротив, слышала, как шуршат крыльями и скрежещут когтями по потолку отвратительные склизкие чудовища, вдыхала смрад тысячелетних гробниц прямо в опрятных и модных интерьерах дома Митрофановых. Все ее откормленные черти выбрались наружу и радостно танцевали джигу. Она едва слышала преподавателей на лекциях и с троек скатилась на двойки. А вечерами гипнотизировала телефон, ожидая очередного регулярного звонка. Правда, звонила не Ира, а Данил, он кхмыкал в трубку и, страдая от неловкости, подробно расспрашивал о делах, погоде, природе. Девушка понимала, что через него с ней говорит сестра. Несмотря ни на что, Ира ее любила.

А потом пришел он – тот самый день, в который жизнь решила, – кто-то бы сказал, – покарать, другой бы возразил – дать вечный покой, а третий – вернуть все на свои места.

Ира родила хорошенького мальчика, а спустя четыре дня сама позвонила до смерти испереживавшейся Эле. Данил забрал жену из роддома, и по пути домой они возбужденно

переговаривались в машине, вдвоем наперебой обсуждая самого нового члена их семьи, который тихо спал на руках у мамы. Эля старалась к нему не прикасаться, чтобы не тревожить сестру, но та, казалось, забыла обо всех своих страхах и находилась в состоянии абсолютной гармонии. Эля на всю жизнь сохранила в памяти глубокие умные глаза, худое лицо, обрамленное волнистыми каштановыми волосами, запах мягких ладоней, отдававших вишневым мылом (для Эли так пахла безопасность), и ту ее умильную улыбку, когда, склонившись над ребенком, она словно светилась изнутри. Это было последнее, что Эля запомнила из той, прошлой жизни, жизни до...

Отходить от пережитого шока, – страшной аварии, двух смертей и вытягивавших душу похорон, – ей не пришлось, ведь на руках у той, кого и друзья, и сестра всегда считали неисправимым ребенком, оказалось крохотное существо, которому Эля была не просто нужна – жизненно необходима. Только ради него она боролась с отчаяньем и сражалась с собой, сдерживая демонов своей больной фантазии. Это удавалось далеко не всегда, но там, где могло быть во вред ребенку, она раз за разом одерживала победу, уж если не в войне, то в сражении точно. Эмиль стал ее якорем в реальности.

Ах, какой это был смех! Он воспринимался не просто на слух, – казалось, его звонкую остроту можно попробовать на вкус, в нем таилось столько оттенков и полутонов, что невозможно было уловить переход из радостного в саркастиче-ский, из горько-обидного в сумасшедший, из умиротворен-ного в нервно-всхлипывавший. Кровь в венах будто превра-щалась в магнитную жидкость и тянулась за этим смехом. Который год, закрыв уставшие за день глаза, он отправлял-ся вдогонку за этим смехом, но, преодолевая барханы черно-го песка, падая в бездонные пропасти, ныряя в океаны кош-маров и стряхивая с плеч обманчивость счастливых снов, он никак не мог угнаться за его обладательницей. Лишь раз судьба наградила его за старания, и в разрушенных катаком-бах военной постройки мелькнули часть красного подола и изящный сапожок. Пробуждение застало, как всегда, не во-время, и он успел запомнить, только что ткань голенища ше-велилась и вздрагивала на ноге как живая, а вместо шпиль-ки-каблука из подошвы росла острая перьевая ручка.

Следующая неделя вернула растерянное в тревогах спо-койствие. Лето поспело, как сочный плод, прогибавший вет-ку своим весом, и радостно изливалось горячими солнечны-ми лучами на головы суетливых горожан.

Каждый из жарких дней приближал трехлетие Эмиля, и обычные заботы, работа и прогулки с мальчиком теперь пе-ремежались с подготовкой к празднику. И хотя, помимо ма-

мы и сына, его обычно отмечали только два человека, Эля каждый раз закатывала веселую вечеринку на четверых, на которой трое взрослых веселились по-детски. Этот раз не стал исключением, тем более что малыш, помимо игрушек, дорос до некоторых аттракционов из парка развлечений, детского кафе и нанятого клоуна.

Лем предложил связаться по скайпу с Тимирчевыми-старшими, но Эля глубоко сомневалась, что они заинтересуются тем, что их единственному внуку исполняется три года. Даже на похороны старшей дочери они не приехали, мотивируя это невозможностью в данный момент оторваться от значительной разработки в какой-то там сложно выговариваемой области физики. Ира еще при жизни так и не простила их, – не за то, что они бросили ее, самостоятельную и твердо стоящую на ногах, а за то, что оставили несмышленища – Элю, которая, по Ириному разумению, была совершенно не приспособлена к жизни в суровом человеческом мире.

Эля же не умела удерживать в себе злость подолгу, тем более что ее детство нельзя было назвать тяжелым. Несмотря на кукушечий характер, успешные мама с отцом каждый месяц перечисляли на счет сестер приличную сумму, которая не заменяла родительскую ласку, но помогала жить в достатке. Благодаря этому Эля с Эмилом и по сей день ни в чем не нуждались.

Просматривая через Интернет ролики о своих уже известных родителях, Эля думала о том, что их выдающиеся ка-

чества поделились поровну между дочерьями, только вышло из этого... ну, в общем, то, что вышло. Ира получила трезвый рассудок, железную логику и умение видеть скрытую от постороннего глаза суть вещей. Это, конечно, полезно для жизни, но талантливым ученым, как родители, она стать бы не смогла, да и не хотелось. Ей не хватало доставшихся Эле неумной мечтательности и веры в недостижимое. А по отдельности от этих черт было мало проку.

За день до праздника девушка с сыном провели чудесный выходной, устроив пикник. Эля расстелила покрывало на густой траве в парке, близь дома, а малыш, набегавшись вволю и оттаскав за хвост дворового кота, прилег к ней на колени. Девушка читала вслух очередную фэнтезийную книжицу и ела зеленое яблоко. Временами она прерывалась, чтобы выслушать Эмиля, который на этот раз настойчиво рассказывал маме о том, что, когда летишь, в лицо дует ветер и шевелятся кудряшки на голове, но все равно это здорово, только если тебя не догоняет синяя бяка с раздвоенным хвостом.

– Я тебе свои истории... – взвешивая книжку в руке, сказала девушка, – а ты мне – свои. Сказочники мы с тобой.

Мальчик засмеялся, будто понимал подоплеку слов мамы, и продолжал болтать, а Эля гладила золотистые волосы и смотрела в глубокое небо, в котором и сама бы не отказалась полетать. Ее мысли задвигались плавно, собирая из закоулков разума фрагменты фантазий на тему бескрайности и свободы, смешали их, как варево в большом котле, и вдруг

выпустили в летнее небо эфемерное полупрозрачное создание, оно трепетало и извивалось, ложась на воздушный поток, а еще звенело, как охалка разноголосых колокольчиков. Эля спешно затолкала создание обратно в мысли, зная, что таким образом может довести свой и так шаткий разум до опасного состояния, чего в присутствии ребенка никогда себе не позволяла. Но когда нечто напоминающее и полупрозрачные паруса и живого бумажного змея затянулось в котел, а тот в свою очередь рассеялся в тумане сознания, Эля почувствовала, что ее рука водит по воздуху. Там, где несколько мгновений назад под пальцами скользили шелковые завитки, теперь ничего не было, а колени больше не чувствовали тяжести детского тела.

Опустив взгляд и убедившись в том, что ребенка нет, она заозиралась. Сначала достаточно спокойно: подвижный Эмиль иногда становился просто неуловимым, – затем встревоженно. Но поблизости малыша не обнаружилось. По дорожкам гуляли мамочки с колясками, несколько карапузов оккупировали песочницу, но нигде не было видно яркого пятна желтой майки, которая сегодня была на Эмиле. У Эли в животе зашевелился ледяной страх, она вдруг поняла, что даже не почувствовала, как ребенок поднялся с ее колен.

Безрезультатные поиски длились долго, во всяком случае девушка потеряла счет времени. Она успела расспросить и мамаш, косившихся на нее укоризненно, и детей, которые последний раз видели Эмиля рядом с ней. Потом отправи-

лась искать его в соседних дворах. Страх, поднявшись вверх, сдавил горло, и Янош еле разобрал, что запыхавшаяся подруга пытается сказать ему в трубку.

Ошарашив начальника историей о внезапно пропавшем племяннике, Янош приехал быстро и еле нашел кружившую среди домов заплаканную девушку. На этот раз они вместе прочесали всю ближайшую к парку территорию, а когда планомерный обход района не принес никакого результата, Янош заключил, что такие поиски неэффективны и бессмысленны. Находившаяся в истерике Эля не сумела описать диспетчеру полиции сложившуюся ситуацию, и этим занялся Янош. А потом сообщил обо всем Лему.

Несмотря на поздний вечер, друзья не могли уговорить девушку вернуться в квартиру, даже тогда, когда прибывший молодой лейтенант записал показания и отправился то ли искать ребенка, то ли по другим делам.

В окнах зажегся свет, и ночь осела на двор темными пятнами. Освещение стоявших вокруг домов выдергивало из мрака лишь фрагменты детской площадки. Лем решил подключить «тяжелую артиллерию» и вполголоса разговаривал с начальником службы безопасности своего отца. Девушка, закутанная в пиджак Яноша, всхлипывала, уткнувшись в его грудь.

Неожиданно Лем оборвал разговор и, выронив телефон в траву, побежал куда-то в темноту. В той стороне едва виднелись очертания зонтика песочницы, а на нем, зацепившись

за металлический бортик, в метре от земли, висел Эмиль. Детский плач ворвался Эле в уши и прокатился по телу ударом тока, но Лем уже аккуратно снимал горько рыдавшего ребенка.

Чуть позже они сидели в Элиной спальне и молча наблюдали, как в свете ночника посапывает на кровати переодетый, накормленный и успокоенный малыш. Девушка наотрез отказалась оставлять его в детской без присмотра, поэтому разговор пришлось вести еле слышным шепотом.

– Эээ... – несколько раз пытался начать Лем, но обрывал себя на полуслове. Он задумчиво оглядывал стены, покрытые граффити, которые сам же два года назад расписал.

Янош терпеть не мог это помещение, оно ему казалось не просто неуместным, а нелепым до отвращения. Но в данный момент его раздражала еще одна деталь: он не мог понять, как в нескольких шагах от них, на зонтике песочницы оказался Эмиль. Это было совершенно необъяснимо, и мозги закипали от одних только абсурдных предположений. Сам залезть так высоко он бы не смог, ну не повесил же его туда кто-то специально, тем более совершенно бесшумно и незаметно.

Эля сидела на кровати рядом с сыном и ласкала взглядом каждую черточку хорошенького личика. Он совсем не был похож на Иру, да и на Данила, и уж тем более на Элю.

– Принеси чай, – сказал Ян, в упор посмотрев на Лема.

Тот в ответ только фыркнул, он с трудом переносил при-

вычку друга командовать, но на этот раз без комментариев встал и вышел из комнаты. Спустя минуту из кухни донеслось кляцанье, а потом звон разбитой посуды. Эля поморщилась, но не сдвинулась с места. И даже если бы в данный момент разваливался на кусочки окружающий мир, она бы осталась вместе с сыном на этом мнимом островке безопасности в виде кровати.

– Нужно позвонить и объяснить полиции, что ребенок нашелся, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Ян.

– Уже позвонил, – произнес Лем из прихожей и, закусив губу, старательно внес покачивавшийся в руках поднос с чашками. Половина чая выплеснулась, залив всю поверхность подноса, и забрызгала испеченные Элей кексы. Но на это никто не обратил особого внимания.

От нервов у девушки всегда разыгрывался аппетит, – может быть, именно поэтому она всю осознанную жизнь старалась похудеть и никак не могла.

– Ну и где сегодня ночуют твои разумные объяснения? – как обычно, не прожевав, осведомился Лем у Яна.

– Скорее всего, его кто-то посадил наверх, а потом он соскользнул и повис, – зло сверкнув глазами, ответил Янош.

– Вы слышали, как неожиданно раздался его плач, – подавала голос до того молчавшая Эля. – Словно он начал плакать где-то там, где мы его бы не услышали, а потом оказался на площадке, продолжая плакать.

Молодые люди отреагировали одновременно, только Лем

утвердительно кивнул, а Ян махнул головой отрицательно.

– Давайте все-таки сходим к... – девушка запнулась и умоляюще посмотрела на Яноша.

Он закатил глаза:

– Самое безобидное, чего можно ждать от мошенников из среды паранормальных эскулапов, – это уверений в том, что мальчиком завладели какие-нибудь духи. Зная тебя, не приходится сомневаться: поверишь, да еще и отдашь кучу денег. Ну а в худшем случае просто выкачают деньги, даже не побеспокоившись придумать причину.

– погоди. Эль, почему ты считаешь, что нужно обратиться не к детективам и психиатрам, а именно к людям с необычными способностями?

– Потому что это ты ей предложил. Запудрил мозг. И кстати, о психиатрах: сомневаюсь, что у нас был групповой припадок идиотизма, – не желал молчать Янош.

– Вот именно потому, что спятить сразу втроем мы не могли и видели то, что видели, и стоит...

– Я чувствую, что теряю его.

Два заинтересованных взгляда обратились к девушке.

– Он уходит из моей жизни, ускользает.

– Куда? Зачем? Да ему три года. О чем ты вообще? – не сдержавшись, повысил голос молодой человек, и Эля с Лемом одновременно на него зашикали.

Эмиль не проснулся, и Ян продолжил раздраженно шептать:

– Не городи ерунду, у тебя стресс... Тебе просто кажется. Как обычно.

– Зато меня ты не можешь обвинить в «кажется», – взглянув на помрачневшую девушку, вставил Лем. – Да и себя тоже. Или вноси конструктивное предложение, или хватит нагнетать, – и прежде чем Ян успел что-либо ответить, добавил: – Полиция не поможет, как и всевозможные спецслужбы, потому что ребенок здесь и никто не поверит, что он исчезал и внезапно появлялся уже несколько раз. Врачи? То же самое. И что ты им скажешь? А что они тебе ответят? Ну и последний вариант – это забить и понадеяться, что подобное больше не повторится, но, насколько я знаю, пассивные методы – не твоя стихия.

– Что же делать? – сквозь подкатившие к глазам слезы выдавила девушка.

– Ну ладно, только...

– Вот в этом я с тобой согласен.

– В чем это ты, интересно, со мной соглашаешься? Я еще ничего не сказал, – мрачно поинтересовался Ян, не переносивший, когда его перебивали. – Наверное, стоит начать действовать послезавтра, не нужно портить Эмилию день рождения незнакомыми и странными дяденьками и тетеньками.

Вообще-то Ян хотел сказать, что по всем колдунам и хироманткам он будет обязательно ходить вместе с ними, поскольку не верит в адекватность друзей по данному вопросу, да и вообще склоняется к мысли, что моментами они оба –

форменные психи. Но, взглянув на часы, произнес только:
– Кстати, завтра уже наступило.

– Вам пора домой, – грустно протянула девушка.

«Ее нельзя оставлять одну в таком состоянии», – недвусмысленно говорил взгляд Лема, и Ян утвердительно кивнул.

Утро понедельника друзья встречали разбитыми. Проведя ночь скрюченными в креслах, молодые люди еле продрали глаза и отправились на работу, пообещав, как и договаривались, прийти после обеда праздновать. Эля, как и ее «охранники», проспавшая около сына всю ночь в сидячем положении, не вышла из спальни даже для того, чтобы их проводить; благо, у каждого было по ключу от ее квартиры.

Девушка сидела на кровати, почти не меняя позы, пока ребенок не проснулся. Открыв глаза, мальчик первым делом убедился, что Эля рядом, и, забравшись к ней на колени, захныкал, сквозь слезы канюча на все лады слово «мама».

– Ну, что ты, кроха, не плачь, – гладила мальчика по голове готовая сама разрыдаться девушка. И когда ребенок успокоился, задала самый главный вопрос: – Где ты был, маленький?

– Упал, упал, упал, упал...

– Ты что, долго куда-то падал? – догадалась Эля, пока Эмиль, отвлекшись, потянулся за любимой игрушкой – сшитым из сиреневой кожи бегемотом. – А что было там, куда упал? – продолжала настороженный допрос девушка.

Мальчик, пятясь, уже слез с кровати и поволок бегемо-

та по полу, крепко держа за ухо. Эля, последовав за сыном в детскую, внимательно вслушивалась во все, что он говорил. Когда-то Ян намекал, что странности Эмиля могут объясняться галлюцинациями, но консилиум врачей заключил, что малыш совершенно здоров, а от фантазии своих деток иногда приходят в недоумение многие родители. Эля же верила своему ребенку беспрекословно, особенно сейчас, особенно после вчерашнего. Вот и теперь, сосредоточенно перебирая игрушки, Эмиль отвечал на вопросы настолько странно, что ни один нормальный родитель в своем уме не обратил бы на это внимание. Но только не Эля.

Автоматически переводя с «детского» на «взрослый», девушка узнала, что ее сын очень долго падал в темноте, что было холодно и страшно, что видел оранжевый снег. Название цвета он не помнил, и для подтверждения катнул к маме пестрый мяч и указал пальчиком на нужный сегмент раскрашенного бока. Потом было сумбурное описание страшных людей и тянувшихся колючими ветками живых деревьев. К тому моменту, как Эля одела и накормила сына, рассказ перешел к полупрозрачной женщине и очередной порции слез. Больше Эля расспрашивать не стала, а, наоборот, попыталась отвлечь ребенка всеми возможными способами. Но, всегда веселый и жизнерадостный, Эмиль снова начинал хныкать и говорить, что мамы там не было.

Все исправило только вручение первых за этот день рождения подарков. Вязаный медведь был потискан и благопо-

лучно забыт, а вот железная дорога завладела всем вниманием. Пока девушка возилась с угощением, малыш умудрился протянуть «пути» от комнаты до кухни и, пустив по ним поезд с вагончиками, потребовать от мамы положить вкусный груз. Впервые за день Эля улыбнулась, и большая шоколадная конфета по рельсам отправилась к поджидавшему ее в детской получателю.

Ради сына девушка решила отложить все дела и тревожные мысли до завтра, и полдня прошло в играх. Паровозное дело сменилось прятками, раскрасками, игрушечным хоккеем. Эля была почти счастлива, и немудрено: мать счастлива, когда счастлив ее детеныш.

Лем позвонил сказать, что подтвердил заказ в кафе, и попросил дать трубку имениннику. То, как умильно эти двое обычно общались, могло развеселить любого стороннего наблюдателя. Лем умел ладить с детьми, а Эмиля вообще обожал безмерно. С самого крохотного возраста он всегда говорил с мальчиком, как со взрослым, на равных, и ругал Элю, если та пыталась сюсюкать.

– Не порть будущего гения, у него же потрясающе умный взгляд. Он должен научиться излагать свои мысли хорошо поставленным голосом и безукоризненной речью.

Друг оказался прав, и, когда однажды Эмиль заговорил, было ощущение, что делает он это давно и успешно.

Вот и сейчас, сидя на ковре среди разбросанных игрушек, он, сжимая ручонками телефонную трубку, так серьезно и

сосредоточенно отвечал на вопросы дяди Лени, что Эля, не сдержавшись, прыснула от смеха. Вдруг ей показалось, что на майке сына появились странные разводы. «Опять чем-то заляпался, шкода», – подумала девушка и, достав влажные салфетки, потянулась к ребенку. Тот как раз делился с Лемом впечатлениями о новой железной дороге.

У Эли никогда не было проблем со зрением, но, прижав салфетку к майке, ей показалось, что перед глазами все расплывается. А потом произошло странное: в месте, где ее рука коснулась потеков на майке, словно образовалась пустота и пальцы на две фаланги исчезли из поля зрения, погружившись не просто в майку, а в мальчика. Девушка испуганно отдернула руку, пока сын, не обращая внимания на маму, болтал без умолку. Эля зажмурилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, определяя нормальность своего состояния. Часть разума, отвечавшая за ее безумные фантазии, находилась в запертом состоянии, как и всегда, когда Эмиль был рядом. Но, открыв глаза, Эля вдруг поняла, что больше не доверяет самой себе. Теперь она видела сына таким образом, что сквозь него можно было рассмотреть угол окна и часть итальянской портьеры. Он стал зыбким и прозрачным, как привидение. Она все еще видела контуры его лица и тела, слышала звонкий голосок, но с каждой секундой он становился все менее различимым, его словно стирали ластиком из пространства.

Твердо уверенная в том, что, несмотря на все старания,

ее психика все-таки вышла из-под контроля, она бросилась обнимать на глазах исчезавшего сына, но руки прошли его насквозь, не встречая препятствий, а телефон грохнулся на пол и разбросал по комнате свои внутренности. Там, где еще недавно сидел ребенок, поселилась жестокая пустота.

Эля не помнила, как пришел Лем, как поднял ее, дрожащую, с пола. Все чудовища, так долго маявшие в ее сознании, вырвались на свободу, искажая окружающий мир. Уродливые щупальца обвивали ее белые волосы и покрывали скользкой слизью паркет и ковер, лиловая плесень, свисавшая с потолка большими бесформенными шмотками, выплевывала в воздух жуткие зубастые создания, да и сам воздух загустел так, что им не то что дышать – им хорошо было бы вколачивать гвозди.

Реальность вернулась вместе с выплывшими неизвестно откуда желтовато-карими глазами Яна, они так строго и укоризненно глядели, что личный зверинец, созданный Элей, недовольно скукожился и уполз восвояси, за закрытые ограничители решеток, а сверху для надежности девушка еще и обрушила на него обломившийся кусок скалы.

Прохладная рука Лема сжала Элино запястье, а Ян, сидевший рядом на диване, облегченно выдохнул, но его лицо оставалось таким напряженным, будто последние минуты он и вовсе не дышал.

– Ты как? – спросили оба одновременно.

– Я?.. – с трудом приходила в себя девушка и вдруг заора-

ла, подскакивая с дивана: – Где Эмиль?

Голос резко охрип с непривычки, а парни от неожиданности дернулись. Эля кричала в первый раз на их памяти.

– Это ты нам ответь, где он? – сказал Ян, косясь по сторонам. Сине-желтые стены гостиной сейчас, как никогда, напоминали ему творения неврастеничного художника, и в памяти даже всплыл давно забытый урок МХК в школе, про творчество Ван Гога, и если память не изменяла, чем больше он сходил с ума, тем ярче становилось сочетание синего и желтого в его картинах.

Эля, соскочив с дивана и едва не падая, помчалась в детскую. Там валялся пузом кверху покинутый бегемот, с полок смотрели корешки старых сказок, в углу грудились стопкой коробки нераспакованных подарков, – судя по всему, принесенные Яношем и Лемом, – и только хозяина комнаты нигде не было, а вольный ветер, дувший из окна, не оставил Эле на память даже его запаха.

– Я знала, что так будет. Знала, – зашептали окаменевшие губы девушки.

– Опять, – выдохнул Лем и машинально посмотрел в окно на ржаво-синий зонтик песочницы, а потом обернулся к Яну: – Куда ты звонишь?

– В полицию, естественно.

– Не надо, – прошептала Эля и опустилась на пол прямо там, где стояла. – Они его не найдут.

– На твоём месте я бы не был таким пессимистом.

– Он исчез...

– В прошлый раз он тоже исчез, – возразил Лем.

– Я все видела, он растворился в воздухе у меня на глазах.

Молодые люди переглянулись. Они были не первый день и даже не первый десяток лет знакомы с Элей и привыкли к ее странностям. Но, помимо этого, они точно знали одно непреложное правило: все, что было связано с ее сыном, с самым ценным для нее существом на свете, никогда, ни разу за три года не обрастало непокорными фантазиями ее разума. Когда мальчик впервые, по словам девушки, исчез, парни решили, что теперь все изменилось и Эмиль больше не является запретной зоной для фантазий, но после вчерашнего происшествия даже Ян понял, что подруга ничего не выдумала.

Когда девушка все рассказала в подробностях, Лем мрачно посмотрел на рассыпанные по полу запчасти от сотового.

– В это время он со мной говорил?

– Да.

– А я подумал, что ты опять забыла зарядить телефон.

– В полицию я все равно звоню, – упрямо произнес Ян и вышел в прихожую. Он верил Эле, но одновременно был уверен в том, что все в жизни можно объяснить. Он, как и любой крайне реалистичный человек, встречая на своем пути что-либо неведомое, тут же отгораживался от этого стеной стандартных объяснений и действий. Его разум просто не умел выходить за строго определенные границы.

Лем с Элей остались вдвоем. Молодой человек подошел и, опустившись на пол, обнял девушку. Ее взгляд был пустым, она не рвалась искать ребенка, как в прошлые разы, она думала только о том, чтобы ее мальчик вернулся, твердя про себя это, как мантру. И одновременно была совершенно уверена, что этого не будет, он исчез навсегда.

От Лема пахло привычно – теплом и пониманием, но сейчас его футболка источала и еле заметный незнакомый Эле запах. В другой ситуации девушка бы заинтересовалась и расспросила друга на предмет появления в его жизни существа противоположного пола, но сейчас просто неспособна была думать о чем-либо, кроме сына.

Эля всегда была для Лема как сестра, и он лучше всех понимал ее. Она подняла голову и посмотрела другу в глаза, их серые глубины утешали без слов: «Он найдется». Эля попробовала на вкус эту фразу, и как ни странно, она не вызвала у нее отторжения в отличие от «он вернется».

– Отведи меня к кому-нибудь из них, – тихо попросила она.

– Хорошо, давай только дождемся, пока наш деятельный тип примет все нужные для его успокоения меры.

– Они скоро будут, – входя, удовлетворенно произнес Янош. – Сказали ничего не трогать и никуда не уходить.

Потом он укоризненно посмотрел на Элю, и от его пристального взгляда девушке, как ни странно, стало легче.

Он никогда не смотрел на нее как на объект восхищения

и любования; ее чуть полненькая фигура, вздернутый слегка курносый нос и далекие от совершенства черты лица не пробудили в нем даже детской любви в школе, не говоря уже о глубоком взрослом чувстве. Он был перфекционистом до мозга костей во многих областях, в том числе и в личной жизни, и обращал внимание только на тех представительниц женского пола, во внешности которых все стремилось к идеалу. Но тем не менее Эля была в его жизни константой в отличие от редко появлявшихся красоток, которых рядом с собой он долго не держал. Сейчас, глядя на нее, он переживал, что этот ненормальный несмышлениш совсем теряет связь с реальностью. Во избежание последствий ребенка нужно было побыстрее найти. Детей он обычно терпел с трудом, но вот Эмиля мог переносить относительно спокойно, и для его поисков собирался сделать все возможное.

– Только не надо им рассказывать подробности того, как он... исчез, – Ян недовольно поджал губы.

Эля в руках Лема утвердительно кивнула. На свою разумность она не могла полагаться, и поэтому там, где это было необходимо, полагалась на чужую: сначала на Ирину, потом – на Яна.

Вечер был долгим и утомительным. Эля непередаваемо устала отвечать на бесконечные вопросы сначала сотрудника полиции, а затем частного детектива, о необходимости услуг которого Янош даже спорить с друзьями не захотел. Девушка все время поворачивалась к окну и смотрела на площадку,

где вчера нашелся Эмиль. А то, извинившись, выбегала из комнаты и заглядывала в совершенно пустой тамбур между квартирами. Она чувствовала, что малыш не вернется, но, словно в забытьи, все время ходила его встречать. Лишь глубокой ночью они с Лемом, проводив Яна до машины, наконец заговорили о главном.

– Как ты думаешь, где он? – они шли по темной аллее, вокруг было расслабляюще тихо, и дурманящий запах цветов превращал жаркий воздух вокруг в дорогой французский парфюм.

– Здесь его точно нет, – сказала девушка и поежилась от безысходности.

– Да понимаю, что нет...

– Ты понимаешь не так. Мне кажется, он настолько далеко, что, боюсь, все детективы планеты не сумеют отыскать.

Лему вдруг стало не по себе, ему показалось, что подруга говорит о смерти. Он в отличие от Яна сознавал, что происходит что-то фантастическое, выходящее из ряда вон, но в душе был уверен, что мальчик, как и вчера, вернется.

– Ну ты что? Стоит ли впадать в крайности?

– На какое время ты договорился с той женщиной? – не слушая, спросила Эля.

– В три я приеду за тобой.

Девушка вздохнула, ждать так долго было выше ее сил. Сами мысли о том, что Эмиль не рядом, не носится вокруг как заведенный, не спит в своей кровати, неосознанно

держась за мочку уха, не отодвигает упрямо тарелку с кашей, приносили опустошавшую боль. Казалось бы, прошло немного, всего три года, но теперь она не понимала, как могла раньше жить без своего сына. Но истинный ужас в Элиной голове начинался следом, как только она представляла себе кошмарные сцены судьбы ребенка, не в силах помочь.

– А ты как думаешь, что с ним случилось? – снова поддаваясь неугомонным слезам, спросила Эля.

– То, что ты рассказала, может оказаться чем угодно.

Чувствовалось, что мозги Лема уже давно и усиленно работают над этим вопросом. Моментами девушке даже казалось, что она слышит, как скрипят шестеренки в лохматой голове друга.

– Знаешь, есть теории, что пространство, как и время, неоднородны и в них могут появляться дыры. Так вот, возможно, Эмиль случайно угодил в одну из таких дыр. Но тогда получается, что он попадал в них уже несколько раз и возвращался обратно. Вот это как-то не вяжется с известными мне сведениями о данных явлениях.

– А если так, то каким образом я могу его найти и вернуть? – спросила девушка, и на ее лбу появились напряженные морщинки.

– Это всего лишь теории. И даже если каким-нибудь невероятным образом мы найдем одну из таких «дыр», то нет гарантии, что попадем в то же место или время, что и мальчик.

– Может, поискать там, где он пропал и появлялся?

– Я уже провел некоторый эмпирический анализ тех мест и в квартире и во дворе. И ничего. Думаю, если это «дыры», то они не привязаны к определенной точке, а скорее всего кочуют и по пространству и по времени. В общем, этот вариант очень проблематично прорабатывать.

– Значит, есть другой? – девушка сгорала от нетерпения. Друг, как всегда, излагал свои мысли очень медленно.

– Есть-то есть, но он тебе не очень понравится.

– Только, пожалуйста, не надо говорить, что его похитили для того, чтобы требовать выкуп у моих родителей, – вздохнула Эля.

Они как раз дошли до дома и остановились. Лем слишком увлекся разбором ситуации, а девушке не хотелось подниматься в квартиру, зная, что мальчика там нет.

– Ну нет, не думаю. Эта версия ближе Яну и, как самая вероятная... – парень взглянул на Элю, отрицательно качавшую головой, и уверенно продолжил: – ... Должна быть тщательно проработана. Но оставим ее ему. Лучше его с этим никто из нас не справится.

– Если бы Ян видел то, что видела я, он не стал бы упорствовать, – возразила Эля и потянула молодого человека за край майки прочь от подъезда, туда, где еще вчера они так радостно проводили с сыном время.

– Уверен, все осталось бы по-прежнему, но дело не в этом, – продолжал размышлять молодой человек.

В таком состоянии его можно было беспрепятственно ве-

сти куда угодно, – в логово к бандитам, на эшафот, – он бы и не заметил. Когда Лем был поглощен размышлениями о чем-либо чрезвычайно интересном и занимательном, «мелочи» становились совершенно неважными.

– Я много думал о том, почему он вокруг себя видит и слышит те вещи, которых для других не существует. Иногда кошка моей мамы вот так же смотрит в пустой угол сосредоточенно, как будто видит что-то недоступное людям. Наверное, из-за этого их свойства бытует мнение, что кошки живут в нескольких измерениях одновременно.

– Ты думаешь, Эмиль такой же? – они дошли до двора, соединявшегося с парком, и Эля села на лавочку, подперев голову руками. Отсюда было очень удобно смотреть на ту самую песочницу.

– Если придерживаться этой версии, то мальчик – необычный человек, он дрейфует между двумя измерениями. И видит и слышит он одновременно то, что происходит в обоих.

– Хорошо, допустим, жил он три года и в нашем, и в другом измерении. Но что же произошло сейчас? – этот вариант почему-то взволновал Элю больше, чем предыдущий.

– А вот это самое неприятное. Я думаю, он начал пропадать, когда влияние второго измерения стало сильнее, чем влияние нашего, словно оно стало перетягивать Эмиля на свою половину реальности как магнитом. А в таком случае удержать его здесь, когда он снова вернется, мы вряд ли сумеем. Хотя можно попытаться найти...

– Если только его окончательно туда не затянуло, – перебила Эля, и слеза потекла по ее щеке.

– Да, именно так. Я говорил, что тебе не понравится этот вариант. Понимаешь, уже прошло гораздо больше времени с его исчезновения, чем в прошлые разы. Хотя, опять же, все возможно.

Лем оседлал лавочку, а девушка все гипнотизировала зонтик песочницы и про себя звала и звала сына, словно он мог услышать ее из отдаленной точки пространства или из другого измерения.

– погоди расстраиваться, – парень с деланным энтузиазмом смахнул слезы с щек девушки и продолжил: – Есть еще одно предположение, для проверки которого нам как раз и может пригодиться завтрашняя встреча. Предупреждаю, в нем мистика превалирует над научной фантастикой, – рассеянный взгляд Лема блуждал по темным деревьям и очертаниям гор и качелей. – Возможно, сам Эмиль обладает необычными способностями и не умеет ими толком управлять, к примеру, телепортироваться или становиться невидимым. И так как свои умения он, ввиду возраста, пока не контролирует, выходят всевозможные неожиданности вроде вчерашней или сегодняшней. Плюс этой теории в том, что он здесь, в этом мире, где-то на планете, и та женщина может помочь нам его найти.

Эля была готова прямо сейчас бежать на встречу, но ночь не желала отступить только потому, что какая-то девчонка

умирает от страха за своего малыша.

Ночевать Лем остался у Эли; он частенько находил пристанище в ее квартире, когда приходилось обходить опасные моменты в отношениях со вспыльчивым отцом или когда подруга, как сегодня, нуждалась в его присутствии. В такую жару он спал в гамаке на балконе, ему чрезвычайно нравился интерьерчик этого маленького помещения. В оконную раму заглядывали огромные июньские звезды; кирпичная кладка стен, покрытая лаком, слегка поблескивала в темноте; старинный кованый фонарь, висевший на толстой цепи, едва заметно покачивался от сквозняка, а с потолка смотрел огромный портрет Че Гевары. Расхаживая по шикарному дому своих родителей, он то и дело вспоминал этот уютный уголок чистой индивидуальности.

Эля не помнила, чтобы спала в эту ночь, но зато каждый час вскакивала, путаясь в плену мокрых от пота простыней. Если бы она запоминала свои кошмары, может, с ее состоянием было бы легче справляться, но они моментально испарялись из памяти, оставляя после себя только тошнотворное послевкусие опасности. Очередное резкое пробуждение облегчения не принесло, ночь все еще заглядывала в комнату, и ленивое утро никак не наступало, но в этот раз появилось кое-что новое – голос Эмиля. Эля отозвалась бы на него, даже находясь в коме. Он, еле слышный, жалобно звал маму, напуганный, плачущий.

Девушка соскочила с кровати и, включая во всех комна-

тах свет, обыскала каждый угол. Мальчика нигде не было, надежда на то, что он вернулся, увяла, как иссушенный солнцем росток. Но детский голос звенел в тишине ночи, кочуя за девушкой из комнаты в комнату, отражаясь от стен. Эля потеряла счет времени и все ходила и ходила кругами по пустой квартире в состоянии протрации. То ей казалось, что голос раздается со стороны кухни, и она спешила туда, то чудилось, что Эмиль, как и прежде, лежит в своей кроватке и зовет маму, и тогда она бежала в детскую, а потом все началось по новому. Она не могла остановиться, казалось, что стóбит хоть на миг перестать искать – и голос, единственное, что ей осталось, исчезнет безвозвратно.

Бесполезные гонки прервал Лем, который все же проснулся, несмотря на то, что обычно спал очень крепко; что в общем-то неудивительно: взволнованная девушка вбежала на балкон и случайно врезалась в кокон гамака.

– Ты что? – вцепился в Элю мертвой хваткой молодой человек. Со сна ему вдруг почудилось, что перегнувшаяся через балкон подруга хочет прыгнуть вниз.

– А? Я? – не сразу очнулась Эля. – Я слышу его, он где-то здесь.

– погоди, объясни подробно, – отчаянно зевавший, Лем ухватил Элю за край пижамы, и, не удержавшись на ногах, она шлепнулась на пол, голос мальчика тут же пропал. Коленкой девушка ударилась не сильно, но зато вернулась в более или менее адекватное состояние. Парень вывалился из

гамака и помог ей подняться.

– Извини. Больно?

– Я только что его слышала, – девушка тревожно смотрела на Лема широко распахнутыми глазами.

– Где?

Эля чуть помедлила, оглядывая балкон растерянным взглядом.

– Да везде. В комнате, в спальне, в детской, в кухне... и здесь тоже. Лем, ему плохо, он плачет, зовет меня. И я что-то видела, что-то непонятное.

Многозначительное молчание друга говорило лучше всяких слов, и Эля тут же добавила:

– Это не я, правда, не я. – Дрожавший голос сорвался на плач, и Лем убедился, что запасы женских слез воистину неиссякаемы. – Они не мои, не мои, – сквозь рыдания бормотала девушка, пока Лем вел ее в комнату.

– Теперь рассказывай все толком, – сказал молодой человек, усадив ее на кровать.

– Лем, я знаю, какая я, но это были не мои фантазии. Я слышала голос Эмиля, как тогда, помнишь, когда он спал в детской? А еще я видела очертания каких-то теней в комнатах, они были похожи на облака или сгустки дыма. – Плечи девушки затряслись, и она зарыдала с новой силой.

– Шшш... Спокойно. Я тебе верю. Ты же знаешь, я всегда тебе верю, что бы ни произошло.

Лем положил голову девушки себе на плечо и стал гла-

дить, как маленького ребенка.

– Ну пожалуйста, успокойся, потерпи до завтра. Еще немного, и мы отправимся к человеку, который сможет отыскать Эмиля. То, что ты его слышишь, говорит в пользу третьей теории, а значит, мы можем его найти.

Потихоньку судорожные всхлипы прекратились, и девушка задышала ровно.

– Расскажи мне о ней, – вдруг ни с того ни с сего попросила Эля, не отрывая головы от его плеча.

– Откуда ты знаешь? – удивился Лем, впрочем, не слишком сильно: Эля редко бывала предсказуемой.

– Ее запах время от времени вьется вокруг тебя уже несколько месяцев, словно ты пытаешься в него завернуться и не можешь удержать.

Лем только вздохнул. Эля иногда догадывалась о таких вещах, о которых никто в мире бы догадаться не смог, и обостренное обоняние, которым она при этом пользовалась как методом, больше походило на шаманство.

Он не хотел ни с кем говорить на эту тему, но Элю нужно было отвлечь хотя бы до утра, и молодой человек сдался:

– Она чужая.

Девушка чуть отстранилась и заглянула в его глаза, весь ее вид говорил о том, что она готова слушать что потребуется и сколько потребуется.

– Она ни на кого не похожа, словно гостья из другого времени, времени пышных балов и гордых, холодных, высоко-

мерных барышень. И знаешь, я ее уже раньше встречал, кажется в институте, точнее не припомню. Но то ощущение от ее взгляда вспомнилось как-то сразу. Она смотрит так, будто знает обо мне какую-то тайну, то, что никому не доступно, то, чего даже я сам о себе рассказать не смогу.

Лем говорил медленно, обдумывая каждое слово, и оказалось, что говорит он не столько для Эли, сколько для себя, впервые облакая в слова – отпуская на волю – те мысли, что давно не давали покоя. После бурной истерики Эля чувствовала апатию, но, находясь в каком-то полусонном состоянии, отпущенное Лемом освобождала повторно, по-своему.

– В ней есть легкая неуверенность, которую она старается скрыть всеми возможными способами, и это удастся: никто не замечает, только я все вижу...

Перед внутренним взором Эли замаячили сначала глаза серо-голубые и будто бы плоские, словно пуговицы, пришитые к телу, но не оттого, что за ними ничего не было, а оттого, что их глубины тщательно охранялись хозяйкой.

– ...и еще обида, детская, переросшая в ненависть, и может быть от этого ставшая такой страшной...

«Тонкие губы плотно сжаты, словно от боли, и выдают улыбку только в случае крайней необходимости, – решил конструктор Элиной фантазии. – Прямой нос и белая кожа достались от далеких предков с примесью голубой крови».

– ...она, словно пограничная застава на пути к той жизни, которую я никогда не проживу, потому что она меня в нее

не пустит. И может, хотела бы впустить, но ни при каких обстоятельствах этого не сделает.

Отпущенное на волю воображение девушки дорисовало упавшие на узкие плечи вьющиеся пепельные волосы, в которых солнце зажигало едва заметную рыжинку; казалось, они оттягивают голову назад своей непомерной массой и их обладательница все время борется с собой, стараясь держать шею и спину прямыми.

– ...как стеклянный шарик с падающими в сердцевине снежинками, внутри нее свирепствуют метели, и хочется среди них отыскать искорку живого тепла, если оно там еще осталось.

Очертания стройной фигуры выступили из небытия, словно только того и ждали, добавляя образу законченность, и Эля несколько удивилась: ее другу никогда раньше не нравились такие девушки. Слишком много никому не нужных тайн, чересчур наигранной злости и явный излишек хорошо завуалированной ядовитости.

Позже Эля склонилась к подушке, засыпая, а незнакомка, одетая в строгий деловой костюм, что-то говорила Лему взглядом, не произнося ни слова.

3

Сегодня он засыпал не один, черные локоны разметались по соседней подушке, а их обладательница размеренно ды-

шала рядом, но в ней, как и во всех остальных, был один критичный изъян: неумение задерживаться в его мыслях надолго, наверное оттого, что там вот уже много лет царила другая.

Что с собой принесут сновидения, никто не может предугадать, но на этот раз они его не разочаровали. Та, которая существовала только в его воображении, сошла со страниц книги и прильнула к его плечу. А вокруг был океан, и в его нежных вздохах можно было разобрать слова колыбельной. Вместе они плавно погружались все ниже и ниже в теплой ласкающей воде, он боялся ее разбудить и только слегка приобнимал почти невесомое тело, затянутое в гладкий скафандр. Пряди ее длинных фиолетовых волос стремились вверх, в обратную сторону от движения, напоминая плети диковинных водорослей. Жаль только, что ее лица он не мог видеть, по блажи сна глядя только вперед. Держа свободной рукой снятый с ее головы шлем, он мечтал никогда не просыпаться.

Вскочила с кровати Эля очень рано и, убедившись, что друг снова спокойно спит в гамаке, быстренько оделась и тихо улизнула из дома. Возможно, Эмиль был в смертельной опасности, и она не могла ждать ни минуты. Уже на улице отыскав контакты одной из клиенток, она, несколько раз попадая не на те цифры, все же набрала нужный номер. Еще в предутренней дреме в голове девушки всплыл разговор

двухлетней давности: очень экстравагантная особа, когда-то заказывавшая у Эли дизайн броской настольной лампы, говорила о своей необыкновенной родственнице, умевшей лечить больных и находить пропавших. Получив у недовольной утренним звонком женщины адрес провидицы, и вместе с этим однозначный отказ от дизайнерских услуг в будущем, Эля чуть успокоилась. Она нуждалась в действиях, немедленных действиях.

Улица находилась на другом конце города, там, где новомодные высотки последних лет перемежались с грустными хрущевками. Но оказалось, что Эле нужно не в те и не в другие. Тротуар заканчивался захламленным проулком, открывавшим жалкий вид на самые старые строения города, из которых, как это водится, уже порядком сыпался песок. Неказистые домики жались друг к другу так плотно, словно испуганные или замерзшие, и каждый провожал Элю мутными стеклами окон и облаивал своей персональной озверелой дворнягой, честно отработывавшей свой хлеб.

В шестом по счету жила та самая женщина. Она без особых расспросов открыла скрипучую калитку и провела девушку в дом с весьма специфическим антуражем. Каждая вещь здесь говорила о занятиях хозяйки. Бесчисленные склянки с жидкостями всевозможных оттенков невзначай нашептывали о том, каких «принцев» можно к себе приворожить, не заботясь о последствиях. Пучки трав, свисавшие прямо с потолка, шуршали о злых духах и невзгодах, кото-

рые способны отпугнуть, а разнообразные талисманы, разложенные на всех горизонтальных поверхностях, заверяли в своем таланте привлекать счастье, удачу и деньги.

– Боишься? – слегка щуря глаза, спросила пожилая неопрятная хозяйка в намотанном вокруг головы цветастом платке.

– Нет, – поспешно ответила Эля, не поняв истинного смысла вопроса. Дом пах бедностью, старым, так и не зажившим до конца горем и, как ни прискорбно, глупостью, сложившей жизнь; но удушающего запаха опасности в нем отродясь не водилось.

– Тогда чего пришла? – недружелюбная женщина плюнулась в старое, отчаянно скрипнувшее кресло-качалку.

Эля осторожно примостилась рядом на расшатанный табурет.

– За сына боюсь, – нашлась она.

Женщина сверлила ее тяжелым взглядом, и на миг Эле показалось, что рентгеновское зрение встречается не так редко, как говорят. Она все ждала, когда в действие пойдут карты или осмотр линий на руке, но «колдунья» только пристально ее рассматривала да что-то шептала себе тихо под нос:

– ...погибнет, но останется жива... ейный ребенок, а пуповины-то и нет... а он-то не сможет отпустить, глазами черными вопьется и всю жизнь будет в себе носить, полный по горлышко...

Мысли девушки блуждали, как пьяные, цепляясь за стран-

ные бессвязные слова хозяйки, пока не выловили что-то про мужчину, что-то совершенно бредовое, Эли не касавшееся. Слова вырвались сами собой, будто за язык кто дернул:

– Вы не правы, глаза у него каре-желтые. – Взгляд Яна всплыл из памяти, не заставив себя долго ждать.

– А мы с тобой о разном, девонька, о разном, – вдруг неприятно хихикнула женщина, но тут же помрачнела. – А сына твоего нет среди людей.

– Как? – вскочила Эля и тут же обессиленно опустила обратно; одна из шатавшихся ножек жалобно хрустнула, и девушка рухнула на пол.

– А так, – подавая не слишком чистую руку, ответила хозяйка, – не вижу я, а значит, нет его.

– Не может быть, – зашептала помертвевшая от страха Эля, прекратив тереть ушибленное место. – Он же не ...?

– Я и не говорю, только жизнь, она разная бывает. Ребенок у тебя есть, твой, только твой, но не кровь от крови, не плоть от плоти, как у людей.

– Его моя сестра родила, – понимающе кивнула Эля.

– Да знаю, – раздраженно махнула рукой женщина. – Не о том я толкую. Как объяснить, если сама не пойму.

От волнения Элино сердце заколотилось о ребра, и этот звук слышала не только она, но и «колдунья». Казалось, еще немного, и девушка узнает нечто важное, то, за что и стоит цепляться в поисках, но хозяйка дома одним махом развеяла всякие надежды:

– Ты иди, ничего больше не скажу. Его вижу хорошо, тебя вижу, но недолго, а мальчик твой – он даже не дышит, ну как я его найду?

Внутри Эли все похолодело, с трудом передвигая ногами, она еле добрела до двери, опомнившись, вытащила из кармана купюру и положила на серую от пыли полку. Сеанс ясновидения не занял и десяти минут.

У самого выхода ей вдогонку бросились слова:

– Мало времени, ох как мало. Жаль, он только вдохнуть тебя успеет, а ты уж неживая поди...

Эля едва ли обратила внимание, последняя фраза не касалась Эмиля, а значит, была абсолютно неважна. Очень хотелось снова расплакаться, но на это не было времени, ее сын нуждался в помощи. Переступив порог, девушка приблизила к лицу руку в перчатке без пальцев и вдохнула знакомый аромат кожи, чтобы прогнать из памяти запахи обреченного дома и стряхнуть с себя его энергетику. Она была уверена, что сын жив, и искала ответы совсем на другие вопросы, – ответы, которые тут, к сожалению, не водились.

Обдумывать сказанное женщиной у Эли не было желания, но слово «шарлатанка», в сердцах брошенное Лемом, когда он наконец до нее дозвонился, тоже не было принято как истина. Женщина не лгала, она видела то, что видела, вот только признавать ее реальность Эля не просто отчаянно не хотела, а не могла физически.

В половину третьего она уже сидела в машине Лема, гото-

вая к новой встрече. Друг мягко ее отчитывал за неразборчивость в выборе нужных людей.

– Прощу тебя, ну пожалуйста, не надо посещать в одиночку всех претендующих на паранормальные способности жителей города. Ну, во-первых, это лишняя трата времени, а во-вторых, можно нарваться на неприятности. Давай ко всему подходить разумно, насколько мы вообще способны на это. Если с тобой что-нибудь случится, Ян мне голову откусит.

– Лем, я не могу ждать. Мне нужны ответы сейчас. Ему плохо там, понимаешь? Он зовет, он ждет меня. Он беззащитная трехлетняя кроха, а я тут прохлаждаюсь.

Пока светофор неумолимо горел красным, Лем задумчиво выстукивал по рулю пальцами.

– Хорошо, мы постараемся действовать как можно быстрее, но для этого пообещай, что без меня ты не будешь ни к кому ходить. Эмилю не поможет, если с тобой что-нибудь случится.

Это был самый веский аргумент, и девушка кивнула. Она отрешенно смотрела в окно, стискивая свое дикое, не желавшее подчиняться воображение, в противном случае могли привидеться окружавшие Эмиля ужасы, а это было выше ее сил.

Впервые в жизни даже пробки на дороге нервировали, ей все казалось, что они едут слишком медленно и что, если не дай бог опоздают, встречу придется переносить на неопре-

деленный срок. Пока доехали, Лем успел решить по телефону тысячу вопросов, а Эля замучилась ожиданием и искусала тонкие губы.

В отличие от утреннего адреса это был престижный район города с шикарными многоэтажными пентхаусами и манящими торговыми комплексами. Но сам сеанс, так сказать, ясновидения не только Элю разочаровал, но и Лема заставил задуматься о более качественном отборе экстрасенсов. Нельзя сказать, что ухоженная женщина лет сорока пыталась их облапошить, оперируя пространными и многозначительными фразами, как это делают например цыганки. Напротив, она очень четко отвечала на некоторые из поставленных вопросов, но конкретики о мальчике добиться от нее было невозможно. Казалось, она может рассказать Эле абсолютно обо всем: о прошлом, о настоящем и даже фрагментарно о будущем, – но вот тема Эмиля ей никак не давалась, она плавала в ней, как умный, но ленивый студент на экзамене. Как только девушка пыталась поподробней расспросить о сыне, мадам-экстрасенс, чуть подумав, переключалась на то, что видела более четко. В конце концов Лем решил по-своему проверить ее профпригодность.

– Расскажите, пожалуйста, как проходили Элины роды, – прервал он подробное описание собственного детства. – Помнишь, дорогая, как тяжело тебе пришлось? – подмигнул он подруге, пока экстрасенс отрешенно смотрела в пол, сжав виски напряженными пальцами.

– Роды? – женщина заколебалась, но лишь на секунду. – Позвольте, но у вас родов не было... – и затем продолжила, с каждым словом сама поражаясь тому, о чем говорила: – Он сам к вам явился, по собственной воле...

На столе лежала карта России, которой, судя по некоторой затертости, пользовались часто. Женщина время от времени проводила над ней рукой, а затем словно стряхивала с кисти нечто невидимое гостям, при этом смотрела она куда угодно, только не на карту. Экстрасенс оторвалась от созерцания пола и впиалась в Элю полубезумным взглядом.

– Вы не можете родить ребенка. Там закрыто все, – женщина указала пальцем на Элин живот, а потом перечеркнула в воздухе крест-накрест.

Эля плотней прижала к себе сумку, инстинктивно закрываясь.

– Нас не интересуют такие подробности, – поморщился Лем. – Просто ответьте, где наш сын?

Женщина некоторое время комкала в руках выхваченный из ящика платок, затем долго терла им стильные очки в качественной оправе и наконец сдалась:

– Не знаю. Извините, впервые такая незадача. Плату я с вас, естественно, не возьму.

Она приподнялась, собираясь проводить неудачливых клиентов, но Эля не хотела так просто сдаваться. Она сразу поверила женщине и легко представила, что Эмиль для ее способностей как нечто закрытое, но необязательно же смот-

реть прямо, можно же описать, что вокруг.

– Подождите.

Женщина снова опустилась в кресло, хотя по раздосадованному лицу отчетливо читалось, как не хочется ей продолжать беседу: осечка в работе собственных способностей давалась ей тяжело.

– Давайте попробуем подступиться через другие вопросы, – предложила Эля. – Вы видите меня в прошлом одну?

Экстрасенс задумчиво потерла ладонь о ладонь, словно согревая руки.

– Нет, вы никогда не были одна. Сначала девушка старше, очевидно сестра, и друзья, – в подтверждение своих слов она взглянула на Лема. – Затем появился еще один мужчина...

– Вот, – напряженно подался вперед Лем.

– Какой-то вид родственной связи, но не кровной...

– Данил, – одними губами прошептала Эля.

– Дальше, я уже вам говорила, автомобильная катастрофа и смерть... две смерти и...

– Что?! – одновременно спросили Эля с Лемом, подавшись вперед.

– Еще одна жизнь, маленькая, ребенок. Только он появился еще до аварии, чуть раньше, – от напряжения женщина закрыла глаза, и ее немолодой уже лоб собрался складками.

Она надолго затихла, но, когда Лем решился прервать молчание, Эля жестом попросила его остановиться. Молодой человек пожал плечами и стал разглядывать скучную об-

становку комнаты, больше всего напоминавшей рабочий кабинет какого-нибудь профессора.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем экстрасенс, не открывая глаз, снова заговорила:

– Не хочу пугать, но ваш ребенок не принадлежит миру людей.

– Значит, вы все-таки его увидели! – обрадовалась девушка.

– Вы действительно хотите это услышать?

– Иначе бы мы не пришли, – хмыкнул Лем. Последние полчаса он только и думал, что сидят они здесь совершенно напрасно.

– Ну хорошо. В вашем прошлом ребенок действительно есть. Сразу я его не обнаружила только потому, что искала так, как ищу обычно людей, – по человеческой ауре, тепло. Но его я увидела совсем по-другому. Приблизительно так я обычно вижу души, не желающие после смерти покидать наш мир.

– Вы о привидениях? – не удержался от вопроса Лем.

– Это слишком грубая и мало объясняющая трактовка данного явления.

– Он жив, – упрямо замотала головой Эля, и ее глаза ментально наполнились слезами.

– Я и не говорю, что он мертв. Я лишь сказала, что вижу его в вашем прошлом приблизительно таким образом, как вижу так называемые привидения. Но он не один из них, как

и не один из нас. Это сложно объяснить, я столкнулась с таким впервые. Он не призрак и не совсем человек, он словно изображение человека, очень качественное отражение самых распространенных черт, которые могут быть в ребенке. Как бы вам это поточнее объяснить... Представьте, что наш мир – это плоская картина, и несмотря на то, что каждый изображенный на холсте персонаж может отличаться палитрой цветов, все же всех их объединяет состав красок, текстура холста, наконец, рука творца-художника. Вы следите за моей мыслью?

Лем задумчиво выгнул бровь. Эля лишь напряженно молчала, боясь пропустить хоть слово.

– А теперь предположим, что на картину сверху наложили прозрачную пленку, на которую уже не художник-авангардист, а, к примеру, профессиональный мультипликатор нанес маркерами еще одного персонажа, но в той же цветовой гамме. С виду он похож на всех остальных персонажей картины, но по факту не имеет к ним никакого отношения, да и к миру их картины тоже. Понимаете?

– Смутно. Но предположим, что так. Как он оказался здесь, а главное, куда пропал?

– Затрудняюсь ответить, но, похоже, теперь кто-то убрал изображение мальчика с поверхности нашей реальности. Снял прозрачную пленку с картины.

– Что с ним сейчас происходит?

Экстрасенс только пожала плечами.

– Может быть, вы увидите, что его окружает? Опишете место, предметы вокруг? – с надеждой спросила Эля.

– К сожалению, я вижу только наш мир – картину маслом, и несмотря на то, что могу чуть больше, чем остальные персонажи, все же до другого мира мои способности не дотягиваются. Я смогла разглядеть тот период прошлого, когда ваш сын соприкасался с нашим миром, но теперь у него с нами нет ничего общего и мне не за что зацепиться.

Лем не особенно удивился, это удачно вписывалось в некоторые из его предположений, а вот в Элиной голове никак не укладывалось то, что ее маленький мальчик не просто трехлетний ребенок.

– Но самое интересное в другом. Еще когда вы только озвучили свой вопрос и упомянули о наличии сына, я увидела, что вы приемная мать; как я уже говорила, в вашей ауре не просто нет доказательств того, что вы рожали, но и нет указания на то, что такое для вас вообще возможно. Но при этом вы действительно его мать, на вас есть печать материнства, которую я не сразу заметила. И вот что удивительно: она бывает только у рожавших женщин, а вы совершенно потрясающее исключение.

От экстрасенса друзья ехали молча. Лему не давали покоя просчеты теорий с учетом новых сведений, а Эля чувствовала только всеобъемлющую пустоту, она безумно тосковала по сыну, несмотря на то, что с его исчезновения прошло чуть больше суток, а еще страдала от разрушительной безысход-

ности. Казалось, что она тонет в бездонном желтом море зыбучего песка и не за что ухватиться для того, чтобы не погрузиться с головой, не говоря уже о том, чтобы выбраться.

Временным спасением могло быть только одно, – и она набрала знакомый номер:

– Мне очень нужно тебя видеть, давай в нашем месте.

На том конце не стали задавать лишних вопросов, а Лем, услышав, круто сменил маршрут и вместо севера города направил машину в сторону юга.

Когда они приехали в любимую кофейню, Янош уже сидел за столиком и пролистывал тоненькое меню, причем делал он это явно от безделья, список предлагавшихся десертов друзья уже давно знали наизусть. Молоденькую официантку словно пригвоздило к красавцу-посетителю, и Эля еще в дверях успела пожалеть бедняжку. Ян смотрел на нее приблизительно с тем же интересом, с которым рассматривал знакомый до мельчайших подробностей дизайн уютного зала.

Увидев приближавшихся друзей, Ян озвучил заказ, а присмотревшись к подавленной Эле, добавил к нему малиновый чизкейк. Присевшая напротив него подруга благодарно улыбнулась. Официантка напряглась и, записывая, принялась украдкой рассматривать прибывшую блондинку. Но, быстро заключив, что такой красивый парень просто не может встречаться с этой безвкусно одетой нелепой особой, расслабилась и в мыслях сделала блондинку и кучерявого

шатена любовниками.

– Как совещание? – бросил Лем.

– С потерями, – устало ответил Янош, не отрывая взгляда от Эли.

Она смотрела в его глаза, и пустота, перемешанная с безысходностью, временно отступила. Он был таким сильным, таким непоколебимым, таким надежным в своем неизменно идеальном костюме и галстукe, что Эле захотелось взять немного его уверенности взаймы. Не медля ни секунды, она зачерпнула неполную горсть и долго пересыпала в руках, толком не зная, что с ней делать, а потом поднесла к сердцу и ощутила, как медленно она впитывается под кожу с едва заметным покалыванием.

Когда девушка очнулась, парни уже всю поглощали сладости. Лем пододвинул Эле блюдце с десертом, и она принялась заедать разочарования и тревоги этого дня.

Официантка обхаживала Яна, как назойливая женушка, и Эля отсчитывала четыре минуты: именно на столько обычно хватало его терпения. Когда они истекли, Ян не терпящим возражений голосом попросил девушку удалиться, та мгновенно побледнела и, расстроено опустив плечи, ушла.

– И почему тебя еще не презирает половина женского населения города? – удивился Лем.

– Потому что у этих прилипчивых дур туго с чувством собственного достоинства.

– Ну а те, у кого с этим все в порядке?

– У таких выдрессированные провалы в памяти. Их самолюбие просто не воспринимает отказов, и поэтому мозг резко вычеркивает меня из событий дня.

– Удобно, – развеселился Лем, на что Янош только отмахнулся и потребовал отчета о походе к экстрасенсу.

Эля рассказала. Друг, не изменяя себе, раскритиковал от и до и на том успокоился.

Они частенько собирались в этом месте и даже столик по возможности выбирали один и тот же, поэтому можно было на секунду забытья и представить, что все как обычно, но ни у кого из троих это не получалось. Все темы неминуемо сходились в одной точке.

– А помнишь, когда он только появился, ты не знала, что и как нужно делать, и мы в три часа ночи искали в Интернете схему заворачивания ребенка в подгузник?

– Да уж, Ян нас еще обозвал бездарями, а утром привел свою маму, как эксперта со стажем по вопросу пеленок и распашонок, – вспоминая, улыбнулась Эля.

– Да вы только благодаря мне тогда не угробили ребенка, – насупился Янош. – А когда у него резались зубы, ты доказывал, что налицо все симптомы вирусной инфекции, и Эльку чуть до инфаркта не довел.

Во всех разговорах этого дня правила деланная веселость, и в беззаботном смехе парней сквозила фальшь: они лишь хотели на время отвлечь Элю. Янош пока не получил утешительных новостей из полиции и от частного детектива, а

Лем, наметив пару встреч с экстрасенсами на завтра, пытался украдкой продумать список самых правильных в данной ситуации вопросов. И оба не сводили глаз с девушки, серые и карие глаза следили очень внимательно, стараясь уловить в поведении подруги малейшие поводы для беспокойства, и каждый сканировал ее по-своему. Ян скользил взглядом по желтым шароварам, красному расшитому топу и черным перчаткам без пальцев, анализируя, не переходит ли сегодня всякие границы даже такая привычная для Эли взбалмошность в выборе одежды и не связано ли это как-либо с ухудшением ее душевного состояния. Лем же предпочитал смотреть глубже: сегодня Эля старалась ни на секунду не выпустить Яна из поля зрения, а это значило только одно: ей было очень тяжело справляться с самой собой.

– Когда ты закончишь эскизы? – спросил Ян, воспринимая как должное повышенное внимание девушки. Только лишь ее ничем не прикрытое обожание раздражало его, в отличие от беспрерывного волочения других представительниц женского пола. – Я видел твои наброски. Это что-то вроде этажерки?

Эля оторвалась от созерцания любимого лица и сосредоточила внимание на вопросе.

– Ммм... нет, это стилизованный под современность идол, олицетворяющий плодородие. Не могу сейчас работать.

– Жизнь не закончилась, – начал Ян.

Подавленный взгляд стал ему ответом.

Но молодой человек не собирался смягчать смысл слов, он в принципе не умел делать плавнее острые углы:

– Рано или поздно его найдут, а за это время ты растеряешь всех и так немногочисленных клиентов.

– Переживу.

– Нет, не переживешь, пока его ищут, тебе надо чем-то занять свои мысли и руки. К тому же, несмотря на всю свою нелепость и нерентабельность, это дело доставляет тебе радость.

Лем в эту часть разговора не вмешивался, его мысли внезапно приняли неожиданный оборот и теперь витали слишком далеко. Он что-то усиленно искал в Интернете, казалось, еще немного – и его телефон заискрит от напряжения хозяйина, затем кому-то звонил, задавал странные вопросы, долго вдумчиво слушал на них ответы и даже что-то записывал. Друзья не обращали особого внимания на его поведение: когда Лема осеняла очередная занимательная идея, он вел себя так, будто окружающий мир переставал существовать. И только когда парень сорвался со стула и устремился к выходу, Эля с Яношем прервали разговор. В дверях Лем обернулся и, подняв на прощанье руку, скрылся в неизвестном направлении.

Янош пренебрежительно хмыкнул. Поведение друга никогда не вписывалось в его понимание приличного.

На пути к Элиному дому Ян продолжил лекцию о том, как

и почему подруге нужно себя вести. Она сняла сабо и, поджав под себя ноги, удобно устроилась на сиденье старенькой машины. Несмотря на отсутствие кондиционера и прочих благ современного автопрома, здесь она чувствовала себя комфортней, чем в броской иномарке Лема. Ян еще не заработал на хорошую машину и поэтому весьма агрессивно рассекал на подержанном российском «монстре» своей матери.

Молодой человек все говорил и говорил, азартно маневрируя на улицах большого города, и с каждым словом понимал, что его никто не слушает. Не то чтобы Эля его игнорировала, напротив, она, как всегда, смотрела с немислимой теплотой и ловила каждое слово, но одновременно было видно, что смысл сказанного до нее не доходит.

– Тебе не кажется, что наш друг влюбился? – вдруг ни с того ни с сего завела она, как раз когда Ян исчерпал логические доводы и собирался завершить все жирным выводом. Ян отличался удивительной способностью оставаться всегда правым.

– Ему можно, он взрослый, – стиснул зубы молодой человек. Как он и подозревал, Эля не уловила ни единого слова. – Вот уже полчаса я пытаюсь втолковать, что тебе необходимо продолжать жить, как жила, а значит, заниматься делами.

– Наверное, она совершенно удивительная и необычная, – как ни в чем не бывало продолжила девушка. Но ее воображение никак не хотело подстраиваться под такое описание,

выдавая нечто холодное, невыразительное и скованное, как кукла.

Ян стукнул по рулю.

– Значит так, ты в ускоренном режиме доделываешь заказ, а затем сразу принимаешься за следующий.

Он с детства был центральной фигурой в ее жизни и поэтому долго привыкал к появлению Эмиля; от того странного ощущения сродни извращенной ревности давно не осталось следа, но если Эля вдруг, глядя в упор, переставала его видеть и слышать, Ян выходил из себя.

– У меня пока нет заказов, – с трудом переключаясь, ответила она.

– Уже есть. Придумаешь моей матери подарок на... да просто так. То, что ей придется по душе, только не очень громоздкое и поменьше выкрутасов, пожалуйста.

– Ей не понравится, – вздохнула Эля. – Как и тебе, вы с ней так похожи.

– А ты сделай так, чтобы понравилось. В процессе и новые клиенты появятся. Лем вроде недавно обновлял твой сайт. Посоветую тебя парочке знакомых, – парень стиснул зубы сильнее.

Сделанные Элей безделушки вызывали в нем как минимум недоумение и как максимум отвращение, и советовать уродливые предметы интерьера он никому бы не стал, не будь на то крайней необходимости. Но сейчас девушка балансировала на очень шаткой поверхности, и он намеревал-

ся любыми способами не дать ей упасть, – более того, удержать в рамках своего «правильно».

– В конце концов, может, тебе удастся извлечь из этого хоть какой-нибудь стабильный доход.

– Нам с Эмилем хватает денег, – попробовала вставить слово Эля.

– Подумай о том, что будет, когда твои спонсоры... – он пренебрежительно скривился, – перестанут вам их присылать. Ничто не вечно под луной. Тебе нужно будет как-то обеспечивать себя и ребенка.

– Ира бы тебя похвалила за эту проповедь, – вымолвила Эля и тут же помрачнела. – Господи, представляю, что она обо мне думает, видя оттуда, что я не уберегла Эмиля.

На последнем слове ее голос дрогнул, и, когда Янош припарковался, слезы уже всю стекали по порозовевшим щекам. Планы молодого человека на вечер резко изменились, он не мог оставить ее в таком состоянии.

Квартиру, темную и пустую, больше не наполнял детский радостный смех, и у Эли даже свет включать не было желания. Разувшись, она, не задумываясь, отправилась в детскую и, остановившись у окна, уперлась лбом в стекло. Слезы высохли, но это не имело значения, сердце и душа продолжали плакать. Вечер приглушил яркость красок ее одежды и завернул покатые плечи в кисею легкого полумрака. Ян последовал за ней и, споткнувшись о запчасть железной дороги, тихо ругнулся.

Теперь, находясь в квартире, Эля все время неосознанно прислушивалась, ждала, что сын снова ее позовет, но на этот раз мертвенно тихо было даже в ее воображении, поэтому звук пиликнувшей эсэмэс показался оглушительным. Ян читать ее не стал, удалил, как всегда, лишь взглянув на телефонный номер.

– Эта тебе тоже не подошла? – спросила Эля, не сводя глаз с погружавшейся в ночь детской площадки.

Последняя пассия Яна была идеальна, по мнению почти всех, как это ни странно, но молодой человек был не «всеми», и до его эталона красоты, ума, чувства юмора и сексуальности она не дотягивала.

– С ней скучно.

– А со мной? – тихо спросила Эля. Друг удивился до глубины души. Невзирая на то, что они оба знали, кто кого боготворит и кто кому не отвечает взаимностью, ни разу за многие года их общения это не стало темой для разговора, они всегда обходили ее, словно были совершенно уверены в том, что слова не могут выразить реальное положение вещей. На этот раз в безобидном вопросе таился глубокий подтекст.

– Ответь, мне нужно знать, – попросила девушка; ей вдруг показалось, что у нее очень мало времени и что этот разговор, для которого в их жизнях никогда прежде не находилось места, состоится либо сейчас, либо уже никогда.

Ян подошел к окну и оперся на подоконник руками. Зная о своей иногда убивающей прямооте, он не хотел обидеть Элю

– этого вечного взрослого ребенка; кого угодно, только не ее; но ничего не мог с собой поделаться.

– Ты вне конкурса. Я не могу тебя оценивать так, как их всех.

– Попробуй, – шепнула она уже еле слышно.

Он повернул голову и посмотрел в ее черные глаза, только их цвет темнота не могла изменить, они сами были темнотой.

– С тобой страшно.

– Что?! – Эля много лет проговаривала про себя этот разговор и давно создала несколько вариантов его развития, но реальность не попала ни в один из сценариев.

– С тобой я словно балансирую на канате. Ты отбираешь равновесие жизни, а для меня самое важное – твердо стоять на ногах.

Она всегда видела «нет» в его глазах и думала, что самое страшное – это «нет» услышать, но теперь оказалось, что, прокрученное в многолетних фантазиях, оно больше не приносит боли.

– В тебе все настолько изменчиво и зыбко, только любовь ко мне стабильна, может поэтому лишь от тебя я могу ее терпеть. – Ян впервые испытал потребность до нее дотронуться и легонько провел по Элиным волосам. – И так будет всегда.

– Всегда, – в ответ шепнули губы девушки.

Когда он ушел, Эля еще долго куталась в знакомый до мельчайших оттенков мужской запах; она думала о том, что ничего не имеет; что все, что для нее дорого, растворяется

в воздухе, как облачко от выдоха в морозную погоду. Что, может быть, все, за что она так долго держится, – только видение; и Эмиль и Янош – лишь порождения ее воображения; а вот этот удушливый лиловый туман, собравшийся под толчком, и есть реальность.

А когда пол детской стал зарастать колючим вьющимся растением с листьями в виде рук Яноша, позвонил Лем.

Телефон показывал второй час ночи, а Эля все никак не могла сообразить, что друг так настойчиво пытается ей втолковать. Он говорил о каком-то древнем ритуале и о вопросах, на которые всегда можно получить ответ, но она не дослушала. Просто заснула, свернувшись калачиком прямо на одной из подушек, разбросанных по полу, и обняв игрушку сына, причем не самую мягкую, а когда ее щеки коснулась чья-то морщинистая рука с паутиной между пальцами, девушке было ничуть не страшно. Напряжение последних суток дало о себе знать, и Лем, приехавший через час, с трудом смог ее добудиться.

Глаза парня горели безумным огнем – так бывало, когда он находил решение для казалось бы нерешаемых задач. Мысли, как всегда, опережали слова, и из-за этого Лем, запинаясь, вывалил на Элину голову то, чем занимался во время и после встречи в кафе. По его словам, когда-то давно в Интернете он наткнулся на упоминание об одной книге, она то ли Шумерской цивилизации принадлежала, то ли этруски приложили руку к ее созданию. Книга включала в себя на-

бор ритуалов и заклинаний, способных сделать человека абсолютно счастливым. Лем с юношеской горячностью еще в десятом классе пытался найти источники, говорившие о содержащейся в ней информации, но, ничего не найдя, быстро охладел и переключился на что-то более правдоподобное. По мнению ученых, книга являлась всего лишь мифом, но вчера Лему удалось случайно найти в глобальной сети описание части текста из нее. Фрагмент относился к ритуалу, нацеленному на нечто значительное, но проведение даже его части, описанной в отрывке, гарантировало получение ответов на три любых вопроса.

Сонная Эля, босиком прошлепав на кухню, включила чайник. Лем находился в жутком нетерпении и уже хотел предложить подруге кофе для бодрости, но вовремя вспомнил, что данный продукт в этой квартире никогда не водился: вкус черного напитка Эля не понимала и не любила. «От него обжигающе неприятно на языке и пакостно на душе», – так она говорила.

Притащив из комнаты тяжелый плед и зябко в него завернувшись, девушка поставила дымившуюся кружку на стол и стала цедить цитрусовый чай, не прикасаясь к глиняным бокам руками. Только когда дрема чуть сошла и пришло осознание того, что ритуал может помочь ей в поисках сына, она внимательнее стала вслушиваться в подробные объяснения друга.

...Если бы каким-нибудь неведомым образом Ян решил

заглянуть к Эле в гости в три часа утра, он бы сначала обалдел от того, что там творилось, а потом срочно сдал бы в психушку участников так называемого ритуала.

На полу комнаты фосфоресцирующим мелком были выведены странные символы из сплошных завитков. Эля свисала из раскрытого окна, крепко держась за руку стоявшего рядом Лема. Парень, вцепившись в руку девушки, медленно опускал ее за окно таким образом, что она, не отрывая ног от подоконника, верхней частью тела нависала над землей. Стоило ему чуть ослабить хватку – и она бы полетела вниз с четвертого этажа.

Строчка из ритуала переводилась приблизительно так: «Находясь на краю смерти, держась за жизнь только в двух точках, наполни дыхание пьяным пеплом и впусти чужую боль в свое сердце». Исполнение всех пунктов друзья продумали заранее, приложив удвоенное воображение.

Рядом с окном в темной спальне смердела плашка с подожженной бумагой, пропитанной коньяком, – по счастью, этот вид горящего спиртного нашелся легко, Эля использовала его для приготовления сладостей. А вот с «болью» оказалось сложнее: от порезанного пальца, по мнению Лема, боли бы было недостаточно, а ударить его так, чтобы боль длилась, пока она не сумеет ее «впустить в сердце», у девушки бы не хватило ни сил, ни решимости. Не говоря уже о том, что держать ее при этом парню было бы проблематично. В итоге они решились на порез, но достаточно глубокий и болезненный,

и сейчас свободную руку Лема расчерчивала тонкая струйка густой крови, начиная свой путь с предплечья.

Лем дунул в сторону плоски, и пепелинки закрутились перед глазами, вылетая в окно. Эля не медля их вдохнула и, стараясь не закашляться, попыталась сосредоточиться на боли друга. Там, где другой человек вряд ли бы справился, девушка, отпустив свое буйное воображение, легко добилась нужного эффекта. Ей моментально показалось, что кровь из чужой раны течет по ее руке, и более того – как кислота, пузырясь, разъедает кожу с мерзким шипением. Едва не закричав от такой правдоподобности, Эля, закусив губу, слегка кивнула, и два голоса, мужской и женский, громко завершили ритуал прилагавшимся заклинанием на каком-то древнем диалекте.

Если бы на такое безумство решился кто-то более адекватный, скорее всего ничего бы не вышло, но данная парочка не отличалась стандартностью мышления и настолько верила в то, что делает, что результат не заставил себя долго ждать. Впрочем, ощутила это только Эля, а Лем, пересиливая нудящую боль в плече, ждал, стараясь не уронить за окно подругу.

Это был сильный удар в спину. Девушка только и успела подумать, что после такого толчка Лем ее не удержит. Но вытолкнули ее не на мягкую траву у дома, а на замшелые камни и оставили не только живой, но даже непокалеченной. При том что приложилась головой и локтем она серьезно, боли

не чувствовалось. Осматривалась Эля уже совсем не там, где ожидала. Вокруг царила не поздняя ночь, а мягкий сиреневый полумрак, – такой обычно следует за закатом. Дикий ветер обвевал кроны раскидистых деревьев и въедался в трещины осыпавшихся от времени древних статуй, – судя по всему, они здесь стояли не один десяток лет. В неестественно близком небе клубились разгневанные тучи, а под ними парили голодные гарпии. Все место было пропитано до боли знакомым страхом. Она точно знала, что если повернется направо, то произойдет что-то, о чем она хорошо осведомлена, но вспомнить, что именно, не успела. Ненавязчивую жуть пейзажа дополнили громкий рык, а затем последовавший за ним утробный голос. Он звучал с разных сторон, будто его обладатель находился сразу в нескольких местах. Слов было не разобрать, но общая интонация помогала выделить смысл: возникшее за спиной Нечто буйно радовалось Элиному появлению, ровно до той поры, пока не убедилось, что девушка пришла не насовсем, и тогда рык перешел в оглушительный рев. До смерти испуганная, Эля инстинктивно сжалась и, присев на корточки, желала только слиться с пейзажем, превратиться в одну из бесчисленных статуй.

– Тыы... при-ш-ла... снова... – в раздиравшем барабанные перепонки голосе стали вычленяться членораздельные слова.

Эля пыталась разглядеть в полумраке обладателя голоса, но казалось, что он принадлежит всем статуям одновремен-

но.

– Я пришла получить ответы, – девушка дрожала, но, невзирая на страх, она ни на одну минуту не забывала, с какой целью участвовала в ритуале, выкинувшем ее в это кошмарное место.

– Что-о-о-о-о-о-о-о?! – гаркнул невидимый собеседник.

Одна из гарпий спикировала и полоснула Элю по спине острым крылом. Девушка вздрогнула от боли. Перед глазами замелькало что-то быстрое настолько, что разглядеть очертания не было возможности, и это «что-то» стремительно приближалось. Эля в ужасе попятилась и, оступившись, шлепнулась на ледяные камни. Зная, что еще мгновение – и ее настигнут, она закрылась руками, твердя про себя, что это лишь одна из ее многочисленных фантазий. Холодное дыхание коснулось ее лица, и девушка, совершенно от себя не ожидая, выкрикнула вопрос:

– Где Эмиль?

Время будто замерло. Открывать глаза было страшно. Эле на мгновение показалось, что ее агрессивный собеседник борется с собой, лишь бы не отвечать на вопрос, и проигрывает в этой борьбе. Но девушка рано обрадовалась.

– Только когда отпустишь, – рявкнуло ей в лицо, обдавая запахом гнили.

– Где Эмиль? – повторила она, не желая вдаваться в подробности непонятого требования. Ритуал был создан для того, чтобы получить ответы на вопросы, а значит, она их

получит во что бы то ни стало. И откуда только взялась решимость?

Перед глазами больше ничего не металось, зато небо то и дело рассекали молнии, а голос рычал, хрипел, ревел, словно несказанно мучился, а потом выдохнул на пределе слышимости:

– В с-с-с-с-с-н-а-а-а-а-а-х.

После кошмарных звуковых эффектов Эля плохо расслышала ответ, но повторять ей никто не собирался.

– Что с ним?

– Не надейс-с-с-с-с-с-с-с-я с-с-с-с-с-пасться. Ты все равно вернешься, – то ли угрожал голос, то ли шуршал ветер в кронах деревьев.

Девушка обернулась, ища глазами того, с кем разговаривает, но какой-то живой полумрак таил все, что ему было неуютно показывать.

– Что с моим сыном? – крикнула Эля неизвестно кому.

– Он вернулся домой... Он лишь неумное сновидение, проникшее в твой мир. Без тебя ему снова в своем мире не прижиться. Да и времени осталось не много, сны иногда рассеиваются, – обладателю голоса явно доставляло радость такое плачевное положение вещей.

Эля пыталась переварить и понять как могла, но ждать ее никто не собирался.

– Третий. Последний. Задавай.

– Почему он пропал?

В ответ так ужасающе захохотали, что Эля поняла, что ошиблась с вопросом.

– Ему всегда три года, никогда больше. Три года в твоём мире прошло, мир снов притянул его обратно.

У Эли тут же возникло море дополнительных вопросов, но порыв ветра с силой толкнул ее в грудную клетку и с воплем «Про-ч-ч-ч-чь!» вышвырнул прямо в детскую на ничего не ожидавшего Лема. Друзья ввалились в комнату и прокатились по полу.

Для Лема прошло не более минуты, поэтому рассказ девушки не сразу уложился в его кудрявой голове, а когда уложился, радости не было предела. Оказывается, пока он ее, как ему казалось, держал, подруга успела побывать в загадочном месте. Он в возбуждении нарезал круги по комнате, бормоча что-то невнятное.

Элю же накрыло невообразимое разочарование – она вдруг осознала, что не задала главного вопроса: как ей спасти сына?

4

Сначала он рассмотрел лишь очертания: она сидела на заросшем какой-то плетущейся гадостью пригорке посреди ядовитого леса, из тех, что на Земле не найдешь. Густые сумерки окутывали обнаженное тело, создавая вокруг нее иллюзию божественного свечения. Поджатые ноги походи-

ли на хвост сказочной русалки, и пожалуй, такого восхищения он не чувствовал никогда. Ему захотелось взглянуть в ее глаза, но напряженный женский профиль был обращен в далекое небо, которое уже подсвечивали первые искорки. Долгожданная безмятежность правила сновидением недолго. Сверху стали срывать звезды, как осколки ярких елочных игрушек, они осыпали ее жалящим дождем, оставляя на нежной коже кровавые царапины. Он дернулся, стремясь защититься, отгородиться от жестоких небес собой, но его не пустили, утянули в гущу покрытых шипами деревьев. Просыпаясь, он все еще кричал ее имя, пытаясь дотянуться, помочь.

С момента проведения ритуала прошло два дня. Девушка перестала вникать в ежедневные отчеты Яна о поисках ребенка правоохранительными органами. Она точно знала, где ее малыш, только это не особо приближало к нему, разве что теперь, помимо порождений своей собственной фантазии, она стала видеть сны наяву, – оксюморон, не иначе. Замечала на улице и в квартире, как иногда на реальный мир накладываются очертания невообразимых животных, ужасающих событий чужого прошлого и настоящего, невысказанные страхи и желания, укоренившиеся в тысячах подсознаний. Она понимала: так сын зовет ее. От помешательства Элю уберегали только длинные беседы с Яном, который в эту

чушь, естественно, не верил ни на грош, для него подруга таким своеобразным способом отгораживалась от стресса.

Лем погрузился в поиски всей возможной информации о природе сновидений, но ответа на вопрос, как вытащить из снов загулявшего там ребенка, не было ни в одном из перелопаченных им источников.

Ночь была такой изматывающе длинной, что казалось, ее черной, вышитой печалью тканью можно обернуть не только одно полушарие, но и всю планету. Хорошо, что друзья не знали, что половину той ночи девушка провела, гуляя по спавшим улицам. О таившихся в каждой подворотне города опасностях она не думала. Что могло быть страшнее чудовищ, которые переполняли отчаяньем ее собственный разум? В залитую гулкой пустотой квартиру она вернулась только под утро, и неправда, что там ее никто не ждал. На этот раз в безжалостной темноте детской чувствовалось чье-то присутствие, как и в прихожей, как и в кухне, куда Эля зашла в последнюю очередь. Где бы девушка ни останавливалась, пространство словно заполнялось кем-то еще, помимо нее. Пытаясь отвлечься, Эля включила освещение над плитой и, выбрав из холодильника нужные ингредиенты, принялась за приготовление самого сложного блюда из тех, что знала. Руки работали сами по себе, но голову никак не хотели освободить изматывающие мысли.

Вдруг стало очень холодно, и это посреди душного лета, да еще поблизости от разогретой духовки. Что-то находилось

не просто рядом, а там же, где она, может быть даже внутри нее, и это что-то было ледяным до отвращения. Девушка выронила ложку, и кафельный пол украсили потеки жидкого теста.

– Уходи, – прошептала Эля, дрожа всем телом.

А в ответ – замораживающая тишина. Шаг в сторону не спас, стало только холоднее.

– Чего ты хочешь?

Едва различимый смех в ответ показался громоподобным.

– Ты же приходишь без приглашения. И без разрешения уходишь, – зашуршал знакомый голос, в этот раз он, слава создателю, не кричал. Он не был похож ни на мужской, ни на женский и шелестел, как сухая листва под сминающими ее пальцами. Эля думала, что он остался там, среди полуразрушенных статуй под раздираемым молниями небом, но нет.

– Что тебе нужно? – клацая зубами от холода, нашла в себе силы спросить девушка.

– Неправильный вопрос, – рыкнуло в ответ. – Спроси лучше, зачем я нужно тебе.

– Как мне найти Эмиля? Как спасти его? – нашла Эля, преодолевая лед чужого присутствия. Все вопросы, которые она не успела задать, проходя через ритуал, тут же всплыли в голове.

– Догадливая. Сначала ты освободишь меня.

– Не понимаю, о чем ты, еще в прошлый раз не пон...

– Хватит!!! – рявкнуло Нечто.

Девушка попятилась и уткнулась спиной в подоконник. Движение было совершенно бессмысленным: что толку скрываться от того, кто находится внутри тебя.

– Ты держишь так долго, так изматывающе, мне надоело, все одно и то же, одни и те же кошмары. Вокруг столько прекрасного, а я таскаюсь, как прокаженное, по твоим глупым страхам.

– Ты что, из моих снов? – догадалась она.

– Хватить придуриваться! Я тебя слишком хорошо знаю, мы давненько знакомы. Ты можешь породить только тьму и ужас. Отпусти меня сейчас же, и я не буду больше вариться в этом беспросветном мраке.

– Прости, я не помню ни один из своих кошмаров.

– Не пытайся меня обмануть. Все люди, порождающие сны, помнят их, хотя бы частично.

– Не все, – возразила девушка. – Яну... моему другу, например, они вообще никогда не снятся.

– Это другое, но ты видишь сны, значит, должна их помнить. Отпусти-и-и-и-и-и... – голос доносился словно из могилы. – Сейча-с-с-с-с-с-с-с-с...

На глазах Эли выступили слезы.

– Сделаю все что угодно, только помоги найти сына.

– Я ж-ж-ж-ж-д-у-у-у-у-у-у-у...

– Что мне нужно сделать?

– Ж-ж-ж-ж-д-у-у-у-у-у-у-у...

– Но я же не знаю, как, – девушку проридрал страх.

И если только голос из ее кошмаров способен был порождать такие эмоции, то какие еще ужасы могли в них умещаться?

– Ты – Бог, ты создаешь, значит должна знать, как изменить, – все больше накалялось Нечто, а Эля совершенно не понимала, о чем идет речь.

– Да пойми ты, – уже не сдерживаясь, плакала девушка, схватившись неверными руками за подоконник, – сны приходят и уходят сами, они не зависят от меня. Говорят, они каким-то образом отражают наше подсознание, но эта тонкая материя еще не изучена людьми. Я вообще не понимаю, как ты здесь очутилось, если являешься персонажем сна. Ведь я не сплю?

Нечто замолчало, над чем-то раздумывая, казалось, оно мечется между «верю» и «не верю», но в конечном итоге склонилось к первому.

– Ты призвала меня, вынудила отвечать на вопросы и таким образом притянула к себе часть моего мира, между нашими мирами сейчас очень тонкая граница, и поэтому ты слышишь и чувствуешь меня... Значит, ты не можешь освободить... – продолжило оно еле слышно, скорее для себя, чем для Эли, но она старалась вникнуть в каждое слово.

– Приведи к этой границе Эмиля. Пожалуйста! – взмолилась девушка.

– Нет! – резко, отрывисто, злобно. – Ты сама придешь за ним.

– И что, я могу прямо сейчас пройти через эту границу? Тогда скорее объясни, как, – слезы на ее щеках моментально высохли.

За последние несколько дней она впервые получила реальную надежду на то, что найдет своего ребенка, и ей даже в голову не пришло подумать, с чего бы жуткое существо из ее кошмаров вдруг решило этому поспособствовать.

– Ты – человек, в мире снов живут только сны, отражения людей, их фантазии, эмоции, желания, но никогда они сами. Сейчас ты в сны попасть не можешь.

– Ты говорило, что Эмиль – сон, но он три года жил в моем мире – мире людей. Значит, сны могут входить в мир людей и он может вернуться.

– Не знаю, каким образом он проник в мир богов, а если бы узнало, давно бы пришло за тобой, только снова ему это врядли удастся.

– Но...

– Много текста! Слушай и не перебивай. Раз ты не можешь меня освободить из своего мира, приходи в мой мир сама, и там сочтемся, – последовавший хохот прокатился ледяной крошкой по Элиным венам. – Для этого ты должна перестать быть человеком и стать настоящим сном. Должна умереть здесь, в своем мире, и остаться в мире снов. С первым пунктом ты справишься легко, если так хочешь найти ребенка, как говоришь, но со вторым есть некоторые условия. Кто-то должен тебя настолько хорошо воспроизвести

(сматрицировать) в своих снах, чтобы ты стала полноправным жителем этого мира. Чтобы, умирая, ты, как на кальке, отпечаталась в нашем мире, со всеми своими желаниями, иначе твое отражение в мире снов, может, и останется, но это будет вялое подобие тебя, из тех, что и так бродят время от времени по сновидениям, порождаемые твоими друзьями или знакомыми.

– То есть кто-то должен видеть меня во сне такой, какая я есть в реальности? – Эля залезла с ногами на подоконник, душный ветерок из распахнутого окна немного согревал ее озябшее тело.

– Да, и дело не во внешности. Вы, люди, часто переносите в свои сны персонажей из реальной жизни, только вот они такие, как вы их видите, а не какие есть на самом деле. Кто-то должен знать и понимать твою душу до мельчайших уголков, чувствовать тебя насквозь, тогда матрицирование получится до нужной степени точным.

– Но разве такое возможно? Даже я не знаю себя настолько хорошо. Как я найду человека, который меня знает лучше, чем я сама?

– Это твои проблемы. Не могу сказать, что будет легко, но я слышало, что в мире снов есть персонаж из мира богов, когда-то очень удачно сматрицированный, это должно тебя обнадеживать. Правда, он такой всего один, но ты же готова отдать все для спасения собственного ребенка? Как насчет пожертвовать жизнью? И помни, если тебя сматрици-

руют недостаточно четко, ты просто умрешь, но в мир снов не переселишься.

Нечто снова хохотнуло, отступая, уводя сковывавший Элю холод за собой, но девушка инстинктивно потянулась следом, – столько еще вопросов было не задано.

– Но где мне искать такого человека? Может, кто-то из моих друзей уже сматрицировал меня? – девушка находилась в крайнем возбуждении, почти на пределе шатких нервов. Она тянулась за смеявшимся Нечто прямо за окно, а кухня уже кишмя кишела ее пробудившимися монстрами. С их клыков капали слизь и кислота, их шипение заставляло содрогаться, а саблевидные когти оставляли на стенах глубокие борозды...

Белый потолок качнулся раз, другой; открыв глаза, Эля никак не могла сообразить, почему он такого невыразительного цвета, во всяком случае ее кухня всегда радовала ярко-лимонным оттенком. От руки тянулась трубка капельницы. Зрение быстро вычленило из всего ненужного хмурое лицо Яна. Он стоял у ее кровати, скрестив руки на груди, и покрикивал на суетившуюся вокруг Эли медсестру.

– Голова болит? – голос Лема принес с собой звуки и краски мира.

– Немного, – повернулась к нему девушка.

Парень сидел на стуле около изголовья, и взлохмачен-

ность кудрявой шевелюры рассказывала о крайней нерво-трепке последних часов.

– Ну давай, спроси, как ты здесь очутилась, и я прибью тебя на месте, – выпроводив медсестру из палаты, зашипел Ян.

Девушка не помнила, в чем провинилась, но, судя по голосу друга, грехи ее были страшны.

– Янош, подожди, не стоит ее сейчас волновать. – Внимательные глаза Лема пристально смотрели на Элю, и в них поселилась искренняя жалость. Теплая ладонь гладила ее руку.

– Да я ее бить буду, да, буду бить, ничего другого не останется. Она же повела себя, как последняя эгоистка, у меня в двадцать восемь чуть седые волосы не появились.

Эля умоляюще посмотрела на Лема, от Яноша сейчас не стоило ждать объяснений: он так злился, что готов был сожрать ее живьем.

Лем вздохнул.

– Тебя нашли соседи под окнами квартиры без сознания, они вызвали врачей и позвонили ему, – он кивнул в сторону друга.

– Не смей так поступать с нами! Ты слышишь, даже не думай, иначе придушу тебя своими руками. – Ян не мог сдерживать гнева, разъяренный голос было слышно и в соседних палатах.

До Эли наконец стал доходить смысл происходившего и, преодолевая непослушность губ и языка, она попыталась

прояснить ситуацию:

– Я не покончила с собой.

– Ага... – бушевал Ян. – Конечно, не покончила, тебе не повезло, быстро нашли и привезли в больницу, а вот если бы выбрала этаж повыше, то точно бы удалось.

Лем попытался остановить друга, но тот ничего не хотел слушать, и Эля уже приготовилась к долгим переубеждениям, как вдруг в дверь влетело нечто стремительное. Ветер, не иначе, во всяком случае девушке так показалось. На самом деле это был всего-навсего врач, но ходил он так быстро, а двигался так порывисто, что бежавшая следом медсестра едва за ним поспевала.

– Итак, Темирчева Элеонора Аркадьевна, – остановился он, не поднимая глаз от папки с историей болезни.

– Если можно, просто Эля, – девушка села в кровати, подняв подушку.

– Как пожелаете, наша бесплатная медицина позволяет все за ваши деньги, – выдлив презрением слово «бесплатная», буркнул врач.

Ему было чуть больше тридцати, и Янош окинул его недоверчивым взглядом. Эле вдруг стало жарко, ее тело почему-то отреагировало на ехидный громкий голос учащенным сердцебиением. Врач был высоким, худым, светлые волосы чуть короче Элиного аккуратного каре. Ему было явно неуютно в новеньком белом халате, и он сутулил плечи. Высокие скулы, слегка приплюснутый нос и необычный разрез

глаздоказывали, что татаро-монгольское иго по Руси не прошло бесследно.

Наконец дочитав, он поднял взгляд на пациентку, и папка тут же выскользнула из его рук, а медсестра принялась поднимать высыпавшиеся из нее результаты анализов.

– Ихтер! – произнес врач непонятное для присутствовавших слово, больше подходящее на ругательство.

Только Эля догадалась, что это имя и что этим именем называли именно ее. От пристального взгляда под кожей девушки распустились огненные цветы, обжигая кровь раскаленными лепестками.

– Я Эля. Помните? Моих оригинальных родителей угораздило назвать меня Элеонора, Элеонора Аркадьевна, – мерзость какая, причем сестре досталось просто «Ира», тогда родители находились в редкой стадии обостренной банальности, – девушка выпалила все это на одном дыхании и даже не поняла, зачем.

Мужчина улыбнулся.

– Скажи, тебе понравилась Серая Туманность в системе Кермала?

Элино воображение тут же залил прохладный серебряный свет, кровать под телом стала зыбкой, но пружинистой, как желе, а в душу заглянуло пучеглазое трехпалое существо, концентрировавшее вокруг себя потоки прирученного воздуха. Девушка улыбнулась, ей стало так легко и радостно, как бывало только в детстве или когда детство в виде Эмиля

снова вернулось к ней. И последовавшие слова уже сопровождались ее теплой улыбкой:

– Понравилась.

– В следующий раз возьми меня с собой. Кстати, я Олег, – мужчина подошел и пожал руку девушки.

И Элины пальцы жутко не хотели упускать это короткое прикосновение, она удивленно на них посмотрела, а потом подняла взгляд и заглянула в глаза мужчине.

– Могу даже сказать свое отчество.

Эля отрицательно покачала головой, продолжая улыбаться.

Янош с Лемом впали в легкое обалдение. Во-первых, врач говорил очень странные вещи, а во-вторых, их замкнутая подруга, обычно только в крайнем случае выдавливавшая из себя слова для посторонних людей, впервые на их памяти свободно заговорила с совершенно незнакомым человеком. Глаза медсестры вообще расширились настолько, что норовили выпрыгнуть из глазниц, а значит для врача такое поведение тоже было нестандартным.

Лем заметил порозовевшие щеки Эли, а Ян очнулся, распознав искры любопытства в черных глазах подруги.

– Зато меня интересует ваше отчество, ак нему и фамилия, – непременно он вклинитья в задушевный разговор двоих, который с каждым словом приобретал какую-то неуместную в данных обстоятельствах интимность.

– Вы муж? – тут же впился в него взглядом странный док-

тор.

– Да какая вам...

– Нет, – сказала Эля.

Глаза незнакомца быстро оттаяли.

– А я лечащий врач – Серебряков Олег Викторович, – представился он.

– В таком случае сообщите, что с ней. Каково ее состояние?

Доктор как ни в чем не бывало взял из рук медсестры папку и, бегло просмотрев документы, ответил:

– В общем, состояние стабильное. Но есть легкое сотрясение, вызванное падением, растяжение связки, несколько синяков. Вывихнутую лодыжку мы вправили. Вот и все.

– В таком случае, ее можно забирать? – раздраженно осведомился Ян.

Его поведение Эля никак не могла понять, но зато она знала, что уезжать сейчас домой она точно не хочет.

– Не торопитесь. Сотрясение, несмотря на свою легкость, – весьма коварная вещь, самые безобидные последствия – тошнота, рвота, головокружение... – и, обратившись непосредственно к Эле, добавил: – Вам нужно побыть под наблюдением еще несколько дней.

Ян был явно недоволен таким положением, будь его воля, он бы сгреб подругу в охапку и увез подальше от этого типа, но молодой человек тут же пресек мысли, устремившиеся в таком неожиданном направлении.

– Прекрасно, если вы здесь пока не нужны, оставьте нас наедине.

Ни капли раздражения не промелькнуло на лицах медперсонала, из чего Эля сделала вывод, что клиника, в которой она очутилась, явно не из дешевых. Оглядев большое светлое помещение, она благодарно посмотрела на Лема и тихо попросила Яна, чтобы врач остался.

– Ты в своем уме? Это наши, можно сказать, внутрисемейные дела. К чему ему все это слушать?

Медсестра беззвучной тенью выскользнула в дверь, ей не улыбалось попасться под руку красивого и горячего родственника пациентки.

Доктор скрестил руки на груди и отошел к окну, позволяя друзьям спокойно обсуждать свои проблемы. Эля с трудом оторвала от него взгляд, она видела этого человека впервые, но почему-то была уверена, что ему нужно знать до мельчайших подробностей все, что с ней связано, а значит, нет разницы, рассказывать при нем сейчас или ему отдельно позже. Глубоко вздохнув, она поведала друзьям обо всем, что узнала прошлой ночью, несколько раз прерывалась, следя за реакцией Яноша. Недавний рассказ о проведенном совместно с Лемом ритуале вызвал у него такой гнев, что Эле пришлось затыкать уши, чтобы не оглохнуть, и теперь она боялась даже представить, что будет, когда он осознает, что все это имело еще и последствия. О том, что для спасения ребенка она должна пожертвовать своей жизнью, умнее было бы умол-

чать во избежание препятствий, которые наверняка начнут чинить ее мужчины, но девушка оставалась собой всегда, что уж тут поделаешь.

– Охренеть!!! – воскликнул Лем, когда она закончила, и запустил пальцы в свою шевелюру.

Ян, сделав два стремительных шага, зло прикрыл ему рот ладонью.

– Тебе все это приснилось, слышишь меня, и не более, – он смотрел на девушку так выразительно, что не поддаться его версии событий было трудно.

Лем оттолкнул руку и только собрался рассказать другу о его дремучести, как их прервал телефонный звонок. Ему очень не хотелось уходить посреди такого дивного разговора, но дела требовали немедленного присутствия, поэтому он, чмокнув Элю в щеку и шепнув, что вечером заглянет, покинул палату.

– А вы, доктор, как считаете, возможно ли такое? – со скрытой издевкой обратился к Олегу Ян.

– Я еще недостаточно разобрался в предмете разговора, чтобы делать какие-то выводы.

Эля сейчас находилась не в том состоянии, чтобы спорить, да и знала наверняка – Яна переспорить невозможно.

Олег же, не выпуская ее ни на секунду из поля зрения, заметил, как побледнели щеки, опустели еще недавно переполненные надеждой глаза, и продолжил:

– Думаю, моей пациентке нужно отдохнуть. Перенапря-

жение в ее состоянии чревато...

Ян смерил его уничтожающим взглядом и, подойдя к Элиной кровати, твердо сказал:

– Не впадай в маразм. Эмиля скоро найдут, я поднял на уши всех нужных людей. От тебя требуется только не потерять окончательно связь с реальностью. Ты слышишь меня? – Ему хотелось хорошенько встряхнуть подругу, но пришлось сдержаться.

Четкость и уверенность слов Яноша, как всегда, действовали на Элю отрезвляюще, хотя она всю свою жизнь не могла понять, как можно отрезветь от того, что для нее существует на самом деле, пусть даже это недоступно другим.

Эля утвердительно кивнула, ничего больше не оставалось; а когда Ян ушел, ей стало совсем плохо. Нужно было каким-то образом узнать у него, не снилась ли она ему хоть когда-нибудь, несмотря на его убеждение, что сны он вообще не видит; может, когда-то раньше, в детстве. Конечно, самым простым спасением для нее и ее ребенка мог бы стать Лем, уж его сны всегда отличались особой красочностью, и он не будет переубеждать, а только поможет.

Сестра умерла, и двое парней давно стали для нее не просто единственным кругом общения, но и семьей. Другие варианты отпадали, все ее знакомства были весьма и весьма поверхностны, она никого не подпускала к себе близко, да и окружающим ее общество было без надобности, обычно ее сторонились, человеческая стая в основном воспринимала

Элю как бракованный элемент системы, который, при полной невозможности починить, лучше игнорировать.

Только взгляд Олега отвлек ее от неутешительных мыслей. С первого мгновения их встречи он смотрел так, будто она – восьмое чудо света. На нее еще никто так не реагировал.

– Расскажи мне, где ты так долго была? – попросил Олег и, совершенно не смущаясь, к тому же игнорируя врачебный этикет, сел к ней на кровать, будто они не только познакомились, а находятся в родственных отношениях всю жизнь.

И она рассказала совершенно все, и это было так легко, как дышать, несмотря на то, что он постоянно перебивал и требовал прокомментировать тот или иной эпизод ее жизни. На исходе второго часа она свыклась с его пугающей привычкой делать все чересчур быстро и уже не обращала внимания, если он, стремительно вскинув руку, поправлял катетер ее капельницы или, как фокусник, доставал неизвестно откуда новомодный прибор и измерял ей пульс.

Олег же чувствовал себя абсолютно счастливым от того, что стал причастным к полному тайн миру, отраженному в ее зрачках, тому, за которым раньше мог подсмотреть только через одну замусоленную от непрерывного чтения книгу. Медсестра приходила за ним уже несколько раз; Эля, естественно, не была единственным его пациентом, и продолжать выполнять свои обязанности врачу все же пришлось. Но позже, когда он совершал обход, производя массу отра-

ботанных до автоматизма действий, перед ним стояло только круглое лицо с персиковой прелестью щек, чуть вздернутым курносым носом и крохотной родинкой над тонкими губами. Его окликали, с ним здоровались и просили высказать его мнение, но из сегодняшнего дня он запомнил только то, что было связано непосредственно с черными как деготь глазами.

Ближе к обеду он заглянул в опустевшую Элину палату, и недолгие поиски привели его в столовую. Девушка сидела за одним из дальних столов и тихо радовалась тому, что народу в зале немного и не нужно делить с посторонними личное пространство, которым она так дорожила.

– Дашь попробовать, как расстарался сегодня наш повар? – Олег приземлился на соседний стул. – Наш главный переманил его из одного очень хорошего ресторана. Приятно, что ты можешь позволить себе лежать в такой клинике?

Эля зачерпнула из своей тарелки аппетитно пахнувшее варево и протянула Олегу ложку, он с удовольствием прожевал. Клиника действительно радовала современностью оборудования, богатством обстановки и до зубовного скрежета предупредительным персоналом.

– Мое пребывание здесь оплатил Лем, а еще это блюдо можно сделать гораздо лучше, добавив толченый розмарин и немного орегано.

– Могу позвать нашего «гуру», поделитесь кулинарными работками.

Эля только поджала губы.

– Ну нет так нет.

Олег кивнул на ложку, требуя еще одну порцию, и следующие пятнадцать минут девушка с удовольствием кормила его, в связи с чем посторонние зрители только по белому халату могли определить, кто тут врач, а кто – выздоравливающий.

– Однако ручным становлюсь, – пробормотал мужчина, удовлетворенно щурясь, и заметил, как из-за соседнего столика им помахала только что присевшая девица.

Олег было решил, что это одна из бывших пациенток, но она громко произнесла Элино имя, причем полностью и очень неприятным образом. Девушка тут же погрузилась и как-то вся сжалась, мысленно умоляя только о том, чтобы бывшая сокурсницак ним не подходила, но та уже оказалась у их стола.

– Привет, блаженная! Как не стыдно не узнавать старых друзей? Белые халаты все же пришли за тобой? – ее смех неприятно резанул уши.

Она попыталась отодвинуть свободный стул, но Олег удержал его рукой, не позволяя незнакомке сесть. Элино отвлечение пронеслось по его нервным окончаниям, как свое собственное. Но долгий взгляд по-змеиному опасных глаз он в отличие от своей собеседницы выдержал с легкостью.

– Я узнала... – Элин голос стал едва различимым.

Наглая девица уперлась ладонями в столешницу, демон-

стрируя идеальный маникюр и не желая понимать намеков.

– И где же твои верные песики? Ты же всегда у них под присмотром. Или даже им уже надоело с тобой нянчиться?

Эля уставилась куда-то в район лацканов белого халата.

– Да ладно, не пугайся, твоя персона меня не интересует. Дай телефончик Яноша, я так давно его не видела, – и тут же обратилась к Олегу: – Вы видели, какой Аполлон всегда с ней рядом? Наш идеальный Олберг следует за ней попятам. И что он в ней нашел?

– Что вам нужно? – профессиональный этикет едва сдерживал Олега.

– Вы, что, глухой? Телефон! – обрезала девица.

Эля тяжело вздохнула:

– Его личный номер я никому не даю.

Девица, собрав всю свою желчь, уже начала скандалить, но терпение Олега было весьма эфемерным понятием.

– Женщина! – произнес он, и звучало это так, будто той, к кому он обращался, минимум пятьдесят. – Моя пациентка больна тяжелой формой вирусной инфекции...

Бывшая Элина однокурсница тут же отпрянула и только потом сообразила, что не особо верит противному мужику в медицинском халате.

– ...и если вы пробудете в зоне поражения больше двух минут, то, боюсь, лечить вас придется долго и упорно, – и с серьезной миной на лице он закончил: – Уходите немедленно, не забыв сообщить номер своей палаты, я поговорю с ва-

шим доктором насчет профилактических мер.

Девушка процедила что-то о жалобе главврачу, но все же удалилась, напоследок наградив Элю с Олегом презрительным взглядом.

– М-да, – откинулся Олег на спинку стула, – есть что-то расхотелось. Олберг?

– Его отец венгр.– Эля все еще не пришла в себя, выкарабкиваясь из ощущений, сопровождавших ее все пять лет учебы.

– Эмиль – необычное имя, и тоже нерусское.

Девушка слабо кивнула:

– Я назвала его венгерским именем в честь Яна.

– Больше такого не повторится.

– Чего? – не поняла Эля, но Олег не ответил.

– Давай прогуляемся. – Врач Серебряков сегодня впервые в жизни игнорировал любимую работу.

Сад у медицинского учреждения был таким же шикарным, как и все остальное. Между подстриженных деревьев и ухоженных клумб можно было спокойно затеряться и на время забыть о своих недугах. Здесь дышалось легче, думалось проще и нужные слова возникали сами собой. Олег рассказывал повеселевшей Эле о себе и сопровождал все это забавными подробностями на медицинскую тему. От небольшого фонтана веяло прохладой, только он и спасал от жары, опустившейся на город душным покрывалом. Но Эля и это сейчас едва замечала, может оттого, что пальцы Олега, имевшие

немного желтоватый оттенок, как и вся кожа, чуть касались ее запястья. Он, даже полностью погруженный в разговор, все время прислушивался к ее пульсу, словно боялся, что девушка растает, как и те сновидения, из которых она для него вышла. И как раз когда он поймал себя на этой мысли, Эля задала вопрос:

– Тебе снятся сны?

– Да.

Он знал, куда она клонит. Не зря так внимательно вникал в ее разговор с друзьями.

– Жаль, что мы встретились впервые и я тебе еще не снилась, – вздохнула девушка, и зря: с первого мгновенья их встречи он был полон решимости никуда ее не отпускать. И речь не шла о встрече в больнице.

Он просто наклонился и, заправив за ухо прядку ее волос, коснулся губами виска.

– Как долго ты носилась по своим отдаленным галактикам.

Элины губы тронула улыбка. Олег пах тополиной листвой, промокшей под дождем, – один из самых любимых ее запахов. Она вдохнула его настолько глубоко, чтобы запомнить, а потом воспроизводить в памяти там, где его уже не будет.

– Тебе не достанется за то, что оставил работу?

– Ну, во-первых, я предупредил коллегу; милейшая женщина – медсестра, но опыта и знаний побольше, чем у многих из наших светил; а во-вторых, я же занят пациенткой.

Он продолжал что-то говорить, а Эля поймала себя на ощущении полной гармонии, будто Олег был с ней всегда. Несмотря на то, что он ворвался в ее жизнь чем-то новым, казалось, что его присутствие одобряется не только ее обонянием, но и всколыхнувшейся с новой силой фантазией.

И теперь, для нее, вместо чудного сада они сидели на перилах свисавшего над туманным заливом моста и мокрая взвесь холодила похожую на восковую кожу мужского лица. А позже вздрагивавший аэроплан топил их в глубоких воздушных ямах.

Его голос донесся издалека, пробуждая в голове неуместное гулкое эхо:

– Расскажи мне, я хочу быть там, где ты.

Его глаза оказались близко, но Эля никак не могла запомнить их цвет.

Она, встав на цыпочки, приблизилась щекой к его щеке и, прикрыв веки, зашептала на ухо:

– Там, за моей спиной, где брызги фонтана ударяются о тень липы, видишь? Вращается туманный шарик с молниями внутри – он не просто издает звуки, он музицирует только для нас, я слышу это божественную мелодию, и ты, если захочешь, услышишь.

Он прикрыл глаза вслед за ней и, наклонившись, добровольно поддался мягкому гипнозу ее голоса.

– А за кромкой облаков плещется в вечеряющем небе стайка розовых дельфинов. Аккуратней, не двигайся, иначе

заметят и забрызгают.

Она прикрыла рукой его плечо, словно заслоняя от расшалившихся рыбин, а он провел ладонью по ее спине, стряхивая звездную пыль, оставшуюся на память от долгих путешествий. А потом пауза, которая растянулась чуть ли не до возраста вселенной, заполнилась его губами, на них было так тепло, так сладко, что можно было с легкостью забыть, как говорить, как думать, как дышать, и оставалось только чувствовать, чувствовать, чувствовать. Его дыхание носилось по ее венам, ее сердце выстукивало завораживающий ритм в его груди, и больше не было ее, не было его, а что появилось, никто толком бы не смог объяснить.

...Лем долго не мог дозвониться и, когда извелся окончательно, Эля все же выковыряла из кармана неумный телефон.

– Он скоро придет, – вздохнула девушка. – Как думаешь, нас тут найти вообще возможно? – Сад был большой.

– Пусть заблудится, – горячо пожелал Олег, а Эля засмеялась.

Она мягко выскользнула из его объятий, и, когда Лем их насилу нашел, о том, что происходило между ними, намекали только покрасневшие щеки и губы девушки, впрочем, подобные намеки Лем читать не умел.

Врач с трудом оставил Элю на попечение друга и, хотя понимал, что ведет себя, как влюбленный юнец, идя к зданию поликлиники, все время оборачивался, будто ища подтвер-

ждений тому, что сегодняшняя встреча – не его очередной сон и что девушка не уйдет в рассвет, как делала всегда.

Весь вечер Эля с Лемом разбирали все вспомненные им сны, в которых она так или иначе фигурировала. Вечер остудил воздух до температуры теплого чая, жара отступила, позволяя вздохнуть основательно прожаренной природе. А в телефоне Лема уже набрался приличный список и появился набросок схемы, от которой тянулись стрелки указателей и комментарии.

– А вот тот, где людоед ел мое мясо? – Эля указала пальцем на один из пунктов.

– Ну ты чего? Там только твое безжизненное тело, точнее то, что от него осталось, и никаких намеков на личность или душу.

Девушка вздохнула. Последние два часа показали, что сны друга удивительные, порой шокирующие, иногда отвратительные, но ни один из них не обладал нужной информативностью о ней. Оговорочек по Фрейду там была тьма-тьмушая, и где-то среди них можно было разглядеть Элину беспомощность и странность, но только очень и очень вооруженным взглядом. Парню пришло в голову, что, может быть, необязательно, чтобы ее четко сматрицировал только один человек, а при таком раскладе вместе с Яношем они, возможно, создали в снах точную Элину копию, если предположить, что он просто не помнит своих сновидений. Но, во-первых, о совместном подходе Нечто из кошмаров девушке

ничего не рассказало, а во-вторых, даже в этом случае часть Лема явно не давала нужных сведений о личности Эли.

Ян звонил поделиться новостями – ему наконец доверили должность, за которую он грызся не один месяц, и теперь он организует маленький банкет с коллегами, отвертеться от которого просто нет возможности. Но зато завтра он придет, как только сможет, и выскребет из цепких лап хамоватых врачей Элю: дома выздоравливать лучше, чем в пропахшем медикаментами заведении. Едва загрустившую от отсутствия Яна девушку тут же взбодрила подружка-фантазия, в которой, вот ведь странно, для обожаемого брюнета не осталось даже скромного уголка, – с недавних пор там все дышало только запахом освеженных дождем тополей.

«Олег?» – спросила она мысленно, и откуда-то из глубин подсознания пришел хоть и не вполне вразумительный, но ответ.

Ночью в отдельной палате было комфортно – физически, естественно, поскольку душевному состоянию девушки до этого было далеко. Слух раздирал плач Эмиля, и Эля бормотала какие-то утешительные слова, будто он мог ее услышать. Ноги комкали тонкие простыни, пальцы до боли сжимали углы подушки, и некуда было бежать, и не было возможности помочь, только шептать и шептать его имя в надежде докричаться через два мира до своей кровинки.

Бесшумно открылась дверь, впуская быструю тень, которая не пугала, а скорее вызывала облегчение; легкий сквоз-

няк принес с собой запах тополей, и Эле показалось, что вокруг нее колышется зеленая листва. Прохладная ладонь прижалась к щеке, матрас просел под чужим весом, и худые жилистые руки приподняли ее, посадили в подушки, прислонили спиной к мужской груди.

– Если тебе плохо, прогони их.

– Это не фантазии, это сын меня зовет.

– Нет, это они генерируют в тебе его голос. Представь, что вместо него трепещут крыльями стрекозы, лает собака, гудит мотор машины.

– Не могу, – всхлипнула Эля, сгибаясь от рыданий в кольце непоколебимых рук.

– Прекрати, ты сильная, ты справишься. – В его голосе была злость, и он не желал считаться с Элиными слабостями.

– Откуда сила? – слезы жгли щеки, сочась по его коже, стекая на комок простыней. – Я даже своего ребенка не смогла сберечь.

– Хватит жалеть себя! Ты поднимешься с колен и будешь жить дальше, потому что вставала всегда, даже будучи тряпкой. – Каждое слово, как пощечина, которые, как известно, тоже обладают целебным эффектом.

Девушку словно швырнули в стену, будто птица разбилась о закаленное стекло, у которого и в мыслях не было ее выпускать. Рыдания застряли где-то в горле, и она закашлялась, а чуть придя в себя, выдавила:

– Ничего не трепещет, не лает и не гудит.

– Твои предложения? – он зарылся носом в ее макушку.

– Луна...

– Прочертила дорожку по морю?

– Нет, глупый, от этого же нет звуков. Луна серебрит кроны тополей, и листья трутся друг о друга, разделяя лунный свет на всех поровну.

Так они и сидели, вдвоем слушая то, что слышать могла только она.

– Почему ты не ушел домой?

– У меня была сложная операция.

– Страшная у тебя работа.

– Поверь, все не так страшно, как бывает у тебя здесь, – провел он легким движением по ее лбу.

– И ты всегда хотел стать хирургом?

– Нет, когда-то мечтал быть анестезиологом-реаниматологом. Но врачом – да, всегда. Я из семьи потомственных медиков и хирург в третьем поколении. Мой дед шутит, что вырезать что-нибудь ненужное – с детства мое призвание.

– А ты не боишься, что, перестаравшись, заденешь что-нибудь важное? – спросила она, и к медицине этот вопрос имел мало отношения.

– Тело ломается – это да, но душа – душа заживает всегда, только если не позволить ей медленно гнить от какого-нибудь очень опасного нарыва.

– И ты хочешь содрать этот нарыв, даже не спросив моего разрешения? А если это жизненно необходимая часть моей

души?

– Ты ничего не смыслишь в медицине, – хохотнул он, пытаясь вернуть разговор в безопасное русло: она была слишком проницательна. – И не можешь отличить благо от болезни, вот поэтому я не спрашиваю разрешения.

– Господи, ну откуда ты взялся?

– Я был с тобой всегда. Помнишь?

И Эле было странно и легко в плену вдруг ставших родными рук, хотя, когда ее ребенку так плохо, ей легко не должно быть ни в коем случае, и она понимала это, Олег тоже понимал, но не собирался облегчать ее душевные метания.

Из-за облаков вышла луна, и плавные тени деревьев зашевелились на полу. Они лежали в обнимку на узкой кровати. И Олег решил, что в их спальне никогда не будет огромного ложа размером с аэродром, а всегда будет стоять такая же узкая кровать, на которой можно спать, только тесно прижавшись, как единое целое. Эля закрыла глаза и задышала ровно, а Олег, глядя на подрагивавшие в полумраке комнаты веки, проводя пальцами по гладкой коже, думал о том, что все в его жизни было лишь для того, чтобы сегодня она уснула на его плече. По-настоящему.

5

За стеной кто-то плакал, и девушка тут же открыла глаза, по привычке подумав, что в детской проснулся ее мальчик. Но ослепительно белая палата, в которую уже прокра-

лись красноватые лучи рассвета, жестоко вернула ее в реальность. Эля села и провела рукой по той стороне подушки, на которой ночью лежал Олег, он ушел давно, и даже простынь не сохранила его запаха, но это было и не нужно, девушке казалось, что она насквозь пропиталась тополиным духом.

Кто-то снова захныкал на пределе слышимости, а ведь Эля решила, что это были всего лишь остатки сна. Накинув халат, она вышла в почти пустой коридор. На своем посту за белой конторкой дремала дежурная медсестра. Тихие всхлипы раздавались из-за соседней двери. Ни минуты не раздумывая, Эля вошла внутрь. Там в точно такой же, как у нее, палате спала женщина средних лет, и все бы ничего, но по ее щекам стекали дорожки слез и дышала она так прерывисто, будто убегала от погони. Но не это привлекло внимание девушки – всю комнату окутывал дурной запах, и Эля знала: так пахли только угрызения совести – ее неустанные муки, с этим запахом она уже однажды столкнулась, когда встретила на улице отца Яна, тогда он, задрвав голову, смотрел на два окна квартиры сына и бывшей жены.

Женщина заметалась на кровати, и Эля даже понять не успела, как оказалась рядом. Ее надо было бы разбудить, но это девушке даже в голову не пришло, она догадывалась, что следующей ночью все повторится. Она замерла и пыталась сравнить этот запах с уже известными. В нем было что-то от удушающего смрада паленой шерсти; девушка протянула руку над кроватью и вытянула эту часть запаха из тела жен-

щины, а потом стряхнула в бадью с водой, тут же подставленную недремлющей фантазией. Дышать стало чуть легче, но ненадолго. Следующим из гремучей смеси мук Эле удалось выделить кислое зловоние сродни тухлой капусте. Его можно было завернуть только в герметичный пакет, но даже плотная упаковка давала отсрочку лишь до очередной ночи. Как его нейтрализовать полностью, она придумать не успела, женщина проснулась и, заметив посетительницу, завизжала и замахала руками. Эля попятилась, но в палату уже влетела медсестра и, вколов женщине успокоительное, не проронив ни слова, увела Элю в ее палату.

– Что с ней? – спросила девушка, когда медсестра уже практически вышла.

Та обернулась.

– Все нормально, не волнуйтесь, скоро выпишем, – и, помедлив, добавила: – Вы бы к ней не заходили вот так неожиданно по утрам, да и к другим пациентам тоже. Мало ли что можно подумать, проснувшись и увидев незнакомое лицо.

Эля опустила на кровать. Она не понимала, что творила в соседней палате, а главное, для чего. Но в ее действиях было столько уверенности и азарта, словно в ней скрывался еще один человек, который уж точно знал, что делал.

А потом вернулось ощущение собственного горя, и целый день Эля вспоминала все пережитые моменты, связанные с Эмилем, оказалось, что ее память сохранила их в мельчайших подробностях.

Когда к обеду валившийся с ног от усталости Олег резко распахнул дверь и вошел в палату, девушка сидела на стуле и пустым бессмысленным взглядом смотрела в окно. Ее щеки горели нездоровым румянцем, и усталость врача моментально исчезла. Он тронул ее лоб, подхватил на руки и уложил в кровать. Следующие часы Эля едва замечала, как вокруг нее суетятся какие-то люди, что-то в нее вливают и вкалывают. Иногда из этой круговерти выплывало лицо Олега, и тогда Эля на пару мгновений отрывалась от своей тоски о сыне, в которую погружалась все глубже. Физически она ничего не чувствовала, вот только в голове все плакал и плакал ее мальчик.

Потом появился Ян, и по перекошенному лицу вкупе с живой мимикой Эля определила, что он кричит, причем кричит на Олега. Врача мало волновали вопли молодого человека, в его глазах поселилось колкое беспокойство. Он не спускал с девушки глаз и лишь отрывисто и сухо отвечал на вопросы ее взбешенного друга.

– Выйдите, я хочу поговорить с ней, – донеслось до Эли словно из плотного, почти полностью поглощавшего звуки тумана.

– Я никуда не уйду, она в тяжелом состоянии, мы с трудом сбили температуру.

– Ты даже не знаешь, что с ней, бездарь!

Эля слышала все лучше и лучше, будто в магнитофоне накручивали и накручивали переключатель звука.

– Закрой рот, иначе я тебя вышвырну не только из палаты, но и из больницы.

«Боже, зачем так громко», – думала Эля.

– Еще вчера она, по твоим словам, была практически здорова, а сегодня едва не сгорела от температуры. Да я засужу тебя и твою гнилую клинику, гаденыш!

«Тише, ну пожалуйста», – молила девушка, у которой в голове уже как в рупоры гремели два мужских голоса.

На самом деле ее мужчины не кричали, они старались говорить по возможности тише.

– Не трясись тут бицепсами, если не заткнешься, мне придется свернуть тебе шею, и, поверь, тогда они тебе не помогут. – Глаза врача искрились злобой, а барабанные перепонки Эли были на грани разрыва.

– Пожалуйста, – еле слышно прошептала она, – громко...

Олег тут же оказался рядом, но беглый взгляд на приборы не принес ему облегчения. Он задал несколько коротких вопросов, на которые она ответила, толком не осознавая, что говорит. Ян вцепился в спинку стула напряженными руками. Ему показалось, что Эля молча спрашивает его о чем-то.

– Мы нашли ниточку, судя по всему, его вывезли из города. – Но с вопросом он не угадал.

– Скажи...я... снилась тебе... в детстве? – Элятак плохо себя чувствовала, что не была уверена, задала ли этот вопрос вслух, но Ян бурно отреагировал, и сомнений не осталось.

– Кто о чем, а она все о том же.– Его тон, как обычно,

отличало снисходительное превосходство, но красивое лицо отразило невероятное облегчение от того, что она заговорила.

– Ян, пожалуйста.

– Не надо меня впутывать в твои фантазии. Приди в себя, тебе сейчас не о глупостях надо думать, а о том, как выкарабкаться.

– Какая глубокомысленная глубокомысль, – протянула девушка, кривя губы. – Ты мне не веришь, – добавила она, а затем с трудом повернулась к Олегу:– А ты веришь, но не поможешь.

Впору было расплакаться, но организм и так обезводила высокая температура, и препараты еще не восполнили ее баланс, поэтому в глазах стояла степная сушь. Ян не хотел говорить при свидетелях, а Олег был занят делом, вколол Эле шприц с лекарством, и она не к месту подумала, что его зеленоватый цвет так приятен в белом безжизненном пространстве палаты.

– Что с женщиной за стенкой? – Голос потихоньку возвращался.

– Она здорова, я ее выписал, – судя по тому, как быстро врач ответил, его посвятили в подробности Элиной утренней прогулки.

– Я не об этом.

Олег глубоко вздохнул.

– Она выбралась из страшной аварии почти без единой

царапины, а вот ее муж и двое детей – насмерть. Она была за рулем.

Эля прикрыла глаза от ужаса, но, прежде чем Ян успел зашипеть на врача за неуместные разговоры, в палату зашел как всегда всклокоченный Лем. В его глазах еще не было торжества победы, но уже плескалось небольшое удовлетворение. Эля вдохнула от него запах удачных решений и слабо улыбнулась. Зато он увидел опутывавшие ее трубки приборов, и довольное выражение лица стекло с него, как грим под напором воды. Когда его ввели в курс дела, Ян предложил перевести Элю в другую клинику.

На лице Олега заходили желваки.

– Эта лучшая, – ответил Лем.

– Значит, передать другому врачу, – не собирался отступать Ян.

Олег уже еле сдерживался, и то только потому, что Эля слабой рукой коснулась его пальцев. Ее глаза говорили что-то вроде: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», хотя в данной ситуации скорее бы подошло: «Чем бы Ян себя ни успокаивал, лишь бы не кричал».

– Он лучший. Я проверил по двадцати трем показателям.

Олег насмешливо присвистнул.

– Лем, рассказывай, я слушаю. – Девушка еле-еле сжала мизинец Олега в своей ладони, не желая отпустить, и он присел рядом с ее кроватью.

– Может, отложим, – неуверенно предложил Лем, – до-

ждемся, пока ты придешь в норму?

Но Элино лицо говорило лишь о том, что норма для нее – совершенно неподходящее слово, тем более теперь.

– Впрочем, я вспомнил один из снов, в котором ты, пожалуй, больше всего похожа на себя настоящую. Ты мне приснилась в день, когда... – он с опаской взглянул на Яна, – когда стала мамой, я как раз уснул прямо на экзамене.

В рассказанном сне девушка действительно походила на себя: те же страхи, те же нелепые действия, то же неумение жить по установленным правилам. Лишь внешность совершенно другая, но Нечто упоминало, что это не имеет никакого значения.

Но когда он закончил, зародившуюся в Эле с новой силой надежду тут же растоптал Олег:

– Это не она.

Лем непонимающе вытаращил на него серые глаза. А Ян, который не собирался участвовать в этом нелепом разговоре, а намеревался провести с подругой обычную отрезвляющую беседу, когда все удалятся, все же не выдержал:

– Да как ты вообще можешь судить? Ты ее едва знаешь.

– Вы идиоты. Если она видит то, что не видите вы, если поступает так, как вам и в голову бы не пришло, – это еще не значит, что она уязвимый младенец, которого надо оберегать от каждого необдуманного шага.

– Да если бы не мы, неизвестно, что бы с ней вообще стало и в каких психушках она бы проходила лечение, – впервые в

жизни перешел проведенную когда-то им же черту Янош.

– Если бы не твоя опека, она бы итак выжила, поверь мне. И справлялась бы со всеми неурядицами ничуть не хуже, чем другие люди, может, не так изящно и легко, но на свой лад точно. Да позволь же ей быть тем, кто она есть, а не тем, кем должна, по-твоему, быть.

– Постороннему человеку не понять, – пренебрежительно кинул Ян. – Но я не могу ей позволить покончить с собой в надежде на то, что она попадет в какой-то нереальный мир, где, по ее собственному заблуждению, затерялся Эмиль. Она будет жить, я сказал! – снова сорвался на крик молодой человек.

– Будет, согласен, но для этого она должна быть сильной и смириться с потерей.

На протяжении всего этого разговора Эля смотрела в стену и старалась ничего не слышать.

– Ничего, что она здесь? – не выдержал Лем. – Вы не забыли спросить у нее, чего она сама хочет?

Мужчины прервались и уставились на него.

– Она хочет остаться со мной, – уверенно ответил Олег, и Янош захлебнулся словами от такой наглости.

– А давайте-ка все успокоимся, – предложил Лем. – Доктор, ей, наверное, надо поесть?

– Никакой еды, – обрезал Олег, снова возвращаясь из состояния самоуверенного мальчишки в статус профессионала. – Только глюкоза внутривенно.

Эля прикрыла глаза от усталости, и ее любимые мужчины со своими спорами и поучениями растворились в небытии сна, где жил самый любимый и самый маленький из них; жаль, что, когда она проснулась среди ночи, он рассеялся, оставив ее одну.

На стуле рядом дремал Ян. Несмотря на возражения Олега, они договорились дежурить у девушки по очереди.

Эля чувствовала такую слабость, что казалось, там, под простыней, вместо ее тела лежит нечто бесхребетное и студенистое, но ее это по уши устраивало, в ней будто что-то сломалось. Олег был прав: сны Лема не могли ей помочь перейти барьер между мирами; она чувствовала, что на самом деле совсем не такая, как в них, а другого человека, подходившего на роль проводника, в ее жизни попросту не существовало. Мимолетная мысль о возможных сновидениях Олега скользнула и пропала – мужчина слишком мало ее знал. Решения не было, а посему она не хотела возвращаться в реальность, хотела только спать и спать, чувствуя рядом своего малыша.

Она перевернулась на бок и закрыла едва открывшиеся глаза, но чутко спавший Ян услышал, вскинул красивую голову и, взглянув на приборы, заговорил:

– Не делай вид, что спишь.

Черные глаза девушки тут же уставились на него. Залитый лунным светом из окна, молодой человек походил на бога. Пару дней назад Эля бы четко представила, что она безумная красавица, а он Зевс, спустившийся с Олимпа, чтобы ее

похитить, но теперь в ее голове стоял только непрерывный детский плач, а на его фоне шуршали, прощаясь, мокрые тополя.

– Как ты себя чувствуешь? – спросило «божество».

– Разбитой, – ответил человек, понявший наконец, как нелепо любить бога, а может, просто встретивший своего человека. – Что со мной?

– Они не знают. Твой врач... – выделив презрением первое слово, сказал Ян, – собрал консилиум, но, кажется, ты всех их завела в тупик.

– Пить хочу.

Ян наполнил водой стакан и помог ей сесть в кровати. Слабая рука девушки с трудом держала пластиковую емкость, и молодой человек поддерживал стакан, пока она пила.

– Ты выздоровеешь, – уверенно сказал Ян. – Лем уже вызвал лучших врачей.

– Это из той же песни, в которой пелось, что Эмиль найдется. К тому же Лем сказал, что Олег лучший, – ответила девушка в перерывах между глотками. От звучания этого имени по ее слабому телу разливалось тепло.

– Как быстро ты стала его называть по имени, – Ян и сам не понимал, почему этот факт раздражал его до невозможности. – Твое дело выздороветь, а с поисками мальчика мы разберемся сами. И твой Серебряков не пуп земли, профессиональная подмога ему не помешает.

Напившись, Эля тяжело откинулась на подушке.

– Иди домой, ты, наверное, устал вот так сидеть. – Бескрайняя нежность, питаемая к божеству, никуда не делась.

– Не говори глупостей, лучше расскажи, что у вас с ним? – задавая вопрос, Ян смотрел в сторону, его никогда не интересовала Элина личная жизнь, может, просто оттого, что раньше она крутилась только вокруг него.

– Кажется, он меня любит, – сказав это, девушка сама удивилась органичности и естественности звучания слов, они и для нее самой стали откровением.

– Что за чушь! Это он тебе сказал? Да он тебя знает третий день.

– А зачем говорить? – не поняла Эля. – И с ним, похоже, все произошло гораздо раньше. У меня такое чувство, что он меня любил еще до того, как встретил вот в этой палате.

– Да, действительно, к чему слова, – отвернувшись к стене, зашипел Янош. – Ну прямо как в сопливом женском романе. И что же ты?

– К сожалению, это уже неважно.

– Он лучше меня?

Молодого человека чрезвычайно злило то, что происходило на его глазах с двумя до этого незнакомыми людьми. Элина любовь всегда была для него как нечто само собой разумевшееся, и, когда он почувствовал, что она рассеивается как дым, в его циничной душе что-то дрогнуло, естественно, не часть, отвечавшая за взаимность, а та, что заведовала са-

молюбием.

– Ну что ты, солнышко, – попыталась улыбнуться Эля, но слабость не позволила толком это сделать. – Ты же самый красивый, самый умный, сильный, уверенный, сексуальный.

– Утешаешь меня как малое дитя.

– Да нет, просто пытаюсь объяснить, что на твой пьедестал не взобраться никому и никогда.

– Но что же он тогда такое?

– Он?..– девушка помедлила, подбирая слово.– Он – мое, – слова подсветили сердце, как светлячок зажигает ку-сочек темноты. – Я это чувствую всем существом. Каждая клеточка меня вибрирует в унисон с ним. Понимаешь?

– Нет. Я всегда говорил, что вы с Лемом ненормальные.

– Значит, я была права, он тоже?

– Да, только с ней он не будет, она замужем.

– Ян, не злись. Мы просто умеем любить.

– А я, значит, нет? Да вы и еще половина человечества просто верите в утопию.

– Как ты можешь не верить в то, что постоянно пробуждаешь в женщинах? – девушка удивилась, Ян разговора о чувствах в жизни не заводил.

– Судя по тебе, какой-то слишком короткий срок у того, что я способен пробуждать.

«Здравствуй, Ян», – поприветствовала про себя Эля друга, вернувшегося в свое обычное состояние неудержимого скепсиса.

– Понимаешь, он вошел и заглушил собой все, даже на время плач Эмиля.

– Мои аплодисменты, прямо не мужик, а панацея ходячая. Ну, значит, он тебя точно вылечит, и уже завтра ты будешь скакать по палате на одной ножке.

– Не сможет.

Голос девушки снизился так, что Ян еле расслышал, а когда все же расслышал – рассвирепел.

– Ты знаешь что-то, чего не знаем мы? Отвечай сейчас же. Ты что-то выпила?

В ответ ни слова.

– Не молчи. Что ты с собой сделала? – он подскочил со стула и стал мерить комнату шагами. – Я так и знал, что ты пыталась покончить с собой еще в первый раз, а вот теперь повторила.

Обозленный молодой человек приблизился к кровати и, наклонившись, навис над Элей свирепой грозовой тучей.

– Отвечай, – потряс он ее за плечи.

Но в это время чей-то сон наложился на Элину реальность, и она, отвлекшись на венский бал полупрозрачной тенью, разворачивавшейся под потолком, с трудом соображала, что происходит. Но и от этого ее резко отвлекли.

– Не смей умирать, глупая, – выдохнул Ян и впервые в жизни поцеловал ее.

Вот это был поцелуй так поцелуй. Ни он, ни она кроме физического прикосновения ничего не почувствовали. Ко-

гда он выпрямился и снова сел на стул, Эля, не сдержавшись, тихо засмеялась, хотя смех отдавался болью в легких. А его самолюбивая натура почему-то ничуть не обиделась, и он тоже хохотнул в ответ.

– Понравилось?

– М-м... нет, – ответил Ян. – Да я вообще не люблю сие действо. И кто только придумал этот идиотский ритуал?

Эля замолчала, вспомнив, как время останавливалось в объятьях Олега.

– Я ничего не делала, просто мое место рядом с сыном, без него не останусь.

В ответ последовала пламенная речь на обычную тему о глупых фантазиях и больном воображении, но на полпути к победе оратор уснул прямо перед кроватью слушателя. А следом и Эля погрузилась в забытье.

Затем ей на мгновение показалось, что она проснулась, но бодрствовавший мозг никак не мог пробудить обездвиженное тело и лишь улавливал обрывки разговора.

– ... собираетесь делать дальше?

– ...

– Жизненные показатели снижаются с каждой минутой. – Голос Олега был сухим, как выжженное ангиной горло.

– Но надо же что-то делать. – Этот явно принадлежал Лему, только вот Эля не сразу поняла, откуда в нем столько черной безысходности.

Девушку тошнило от химических запахов, и она никак

не могла от них отгородиться. К тому же от Лема разило страхом и смешанной с болью безнадежностью. «Я так задохнусь», – захотелось крикнуть, но губы не подчинялись. И снова под звуки падавших капель лекарства, похожих на булыжники, сверзавшиеся на металлическую крышу, разум сбежал в спасительную тишину дремы...

Опять не открыть глаз, и снова родные голоса, подбадривавшие друг друга, но в душе уже хоронящие ее.

– ...они ничего не понимают, как и я. Мы держим ее на критической дозе препарата. Она ходит по лезвию бритвы, и следующий шаг... Впервые сталкиваюсь с таким.

– Она должна жить, ты слышишь меня?

«А вот эта закипающая злость так знакома».

– Ты же говорил, что знаешь ее лучше нас. Так ответь, что с ней?

– Она не хочет жить... И медикаменты не заставят биться сердце, если его хозяйка всеми силами желает его остановить.

И снова туман, в котором можно бродить, не помня о боли...

Прохладная рука по коже.

«Странно, я еще что-то чувствую?»

– Я расскажу тебе сказку на ночь. Только учти, в детском отделении после демонстрации моих ораторских способностей начинался групповой рев.

Эле никогда не рассказывали сказок, все их прочитала она

сама. Мамы рядом не было, а Ире казалось, что они пагубно влияют на ее шаткую психику.

– Ну, значит, так, по телу бегала разъяренная банда вируса, и никто не мог ее остановить, и клетки в ней были веселыми и буйными, сметали все, что находилось на их пути, а тех, кто не желал покоряться, превращали в себе подобных. Армия росла, и бескрайние поля целостных клеток уменьшались на глазах... Тьфу, в смысле, на глазах, снабженных микроскопом.

– Грустная сказка, – выдавила Эля, из последних сил цепляясь за исходивший от Олега запах, она все старалась связать его с каким-нибудь знакомым ощущением, но все они были сами по себе, а он сам по себе.

Руки коснулся поцелуй, принесший с собой облегчение.

– Не уходи, пожалуйста. Остайся со мной. Я так хочу тебя удержать, ну почему ты не оставляешь мне шанса?

– Ты знаешь... Ты все знаешь...

Поцелуй коснулся лба, исхудающих щек, дрожавших, неспособных открыться от бессилия век.

– Он из другого мира и не смог долго цепляться за человеческий. И ты не нашла того, кто способен провести тебя в его мир, тогда к чему эта жертва? Остайся со мной, в моем, в нашем мире. Ты ведь просто умираешь, пойми, без надежды с ним снова встретиться.

– Прости... Я только гостья, заглянувшая к тебе на огонек, один вечер, один поцелуй – и я продолжаю свой путь

в никуда... И тропа, заросшая вереском, изгибается и зовет меня. Здесь я чужая, может, в «нигде» буду своей.

Желанное дыхание обдало лицо девушки свежестью, и в ложбинку ключиц упала единственная соленая капля.

– А я ему говорил, что ты сильная и упрямая. И даже блуждая в потемках, двигаешься в нужном только тебе направлении.

– О чем ты?

В данный момент Олег был готов пойти на что угодно, лишь бы она продолжала говорить, продолжала дышать.

– Помнишь, я рассказывал о книге, в которой о тебе читал? Думаю, многие задавали себе вопрос – можно ли влюбиться в персонажа истории, красочно описанного на плоских листах бумаги, так вот я, тридцатилетний хирург, вот уже двенадцать лет как знаю ответ. Можно. Я был с тобой в убивающем вакууме космоса, в окружении сгустков антивещества, в геометрических лесах поющей планеты. А ты была со мной и тогда, когда я засыпал с книгой в руках, ты – моя ночная гостья...

– Снилось, – шепнули губы, а разум снова погрузился в бездну, далекую от реальности, а когда в последний раз пробудился, в комнате дышали уже трое.

И Эле даже показалось, что ей стало намного легче, но эта мысль подействовала угнетающе: теперь, когда она узнала, что все же может добраться до сына, ей нельзя выздоравливать. Но ее опасения оказались напрасными, это был все-

го лишь краткий всплеск перед неминуемым вечным затишьем.

Она открыла глаза, и режущие ощущения показали, что не видела она ими очень давно. Ее мужчины находились рядом. Лем бродил по палате, обкусывая ногти, и, как только заметил ее пробуждение, подскочил и встал рядом, силась что-то сказать, но так и не вымолвив не слова. Ян стоял в ногах, повернувшись в профиль, и вся его поза выражала злость и обиду на глупую девчонку, которая решила его покинуть навсегда. А у кровати прямо на полу сидел Олег, и его белокурая голова лежала рядом с Элиной рукой. Какой-то прибор пронзительно пискнул, оповещая всех о пробуждении девушки, и три пары глаз вонзились в нее с жалостью, болью и укором.

Последний взгляд на такие родные до спазмов в душе лица – и все стало отдаляться. Эля стала опускаться вниз, куда-то за пределы своего тела, очень плавно, размеренно, как в жидкости, словно медленно тонула в глубоком колодце. А с поверхности колодца в немом бессилии наблюдали, как она тонет, три таких разных, таких близких ей мужчины: красивый, как изображения на иконах, Ян, излучавший необъяснимую потребность в ней; талантливый и увлекающийся Лем, с неиссякаемой преданностью и верой, цветущей в душе редким цветком; и ее, только ее Олег, порывистый, непредсказуемый и влюбленный. Проем колодца стал раздваиваться, теперь она жадно прощалась с жизнью, загля-

дывая и боясь потерять из виду все более уменьшавшиеся два отверстия, два проема, отделявшие смерть от жизни, — ее глаза, а скорее уже ничьи глаза. И одновременно она желала сократить секунды прощания.

Застывшие лица над Элей перекошились гримасами страха и потери, они что-то говорили, но отсюда их уже нельзя было услышать. Боль ковырнула сердце ржавой железякой, и, когда проемы в жизнь уменьшились до двух светившихся точек, кто-то, пахнувший тополями, протянул руку и поочередно прикрыл ей веки, обрывая моральную агонию, будто притворил створки окна.

«Боже, надеюсь, его матрица достаточно правдоподобна!»

6

Трудно сказать, чего ожидала Эля. Падения в пропасть или прорыва в небо, а может, полета по темному тоннелю, к свету в его конце? В любом случае это было совершенно не то. Это был бег, причем такой быстрый, что девушке показалось — невероятное сопротивление воздуха сдирает с нее кожу. И так ли уж показалось? Скорость все росла, и слабо развитая физически Эля никак не могла уяснить, как может бежать так быстро, да еще и ускоряться с каждой секундой. А потом сила трения достигла апогея, и стало горячо, до умопомрачения, до дикого крика. Тело выгорало, как рисовая бумага, и потоки воздуха сбивали с него куски жирного пеп-

ла.

Эле казалось, что от нее уже ничего не осталось, даже выжженного остова из костей, но потом навстречу рванул синий квадрат, и оказалось, что она бежит в его обволакивавшем пространстве, а вырвавшись из него— уже по вертикали, в чем-то аморфно-черном, а затем куда-то вниз и по диагонали. Периферическое зрение улавливало какие-то очертания, фигуры, движения. Цвет и консистенция пространства вокруг быстро менялись, словно девушка стояла на конвейере завода, производящего кондитерские изделия, и ее пропускали то через белую тянущуюся нугу, то под льющимися потоками горячей карамели, а то и сквозь ряды острейших ножей.

В конце концов она запнулась обо что-то жесткое и ввалилась в многогранную фигуру замкнутой комнаты без окон и дверей. Сверху просачивался странный свет, оставляя размытые блики на оказавшихся шершавыми стенах.

Эля подняла голову и окинула помещение мутным от пережитого взглядом. Вместо потолка была вода, но она не стекала вниз под воздействием гравитации, а бугрилась небольшими волнами и позволяла себе ронять крохотные капли лишь в многочисленные углы комнаты.

Из воды выглянула размытая морда, и Эля испуганно дернулась, ударившись головой, в ответ стена прогнулась как резиновая и в негодовании оттолкнула Элино тело, с вполне вразумительным шипением. Морда рванула вниз, прямо на

девушку, окатывая взявшимися из ниоткуда холодом.

Но Нечто она узнала не по этому, а по заполнившему комнату до краев запаху несдерживаемого ужаса. Оно оторвалось от девушки и пронеслось по замкнутому помещению порывом шквального ветра, человеческое зрение едва успевало фиксировать затейливую траекторию. А затем застыло где-то за плечами, и приторный голос раздался прямо над ухом:

– Какая долгожданная встреча.

И тут оказалось, что смертоносный холод Нечто имеет не только температуру и запах, но и плотную консистенцию. Элино тело подхватило и понесло сквозь потолок воды, сквозь такие же мрачные, как и недавняя, комнаты, а затем через лес растущих прямо из земли, как деревья, людей, через потоки неоднородного света, через гущу таких незнакомых и неожиданных запахов...

И наконец выкинуло посреди поля потрясающе красивых цветов. Они покачивали своими розовыми венчиками и тянулись в наливавшееся красным цветом небо, словно в нервном возбуждении или предвкушении чего-то. В первое мгновение даже показалось, что Эля попала в обворожительную детскую сказку и здесь, среди этих цветов, можно прилечь на пригорке и, вдыхая терпкий аромат, погрузиться в вечный покой, окруженный со всех сторон настоящим счастьем.

Но подсознания людей так изменчивы и непредсказуемы, и кто знает, каким кошмаром может обернуться чудное сно-

видение. Алое небо решило вдолбить эту истину в голову девушки раз и навсегда и разрыдалось частыми красными каплями. Вязкая жидкость упала на Элину кожу, и душный запах свежеразделанной человечины ударил в чувствительные ноздри. Девушка шарахнулась в сторону, но от кровавого дождя некуда было скрыться, а недавно казавшиеся прелестными цветы стали вытягивать вверх свои соцветия, жадно всасывая, стараясь не пропустить ни одной вязкой капли.

Эля вскрикнула и сорвалась с места, стараясь убежать как можно дальше, но безграничное поле цветов-вампиров заполняло километры вокруг. Только почувствовав нестерпимое жжение на собственной коже, девушка остановилась, размазывая по лицу последствия кровавого ливня. Поры ее кожи расширились и старались напиться, также как цветы вокруг. Она вся покрылась словно мелкими беспрестанно разеваемыми голодными пастьями. Упав на землю и прикрыв липкую от крови голову руками, Эля старалась не думать о том, как кожа на ее спине неустанно заглатывает жуткий подарок небес. К ужасам ей было не привыкать, но на этот раз в кошмарные шалости ударилось не собственное воображение, а пространство вокруг.

А затем, уподобившись порыву ветра, Нечто подхватило закрывшую от страха глаза девушку и швырнуло на берег огромного моря. Открыв глаза, Эля встала на колени и с остервенением стала омыwać в теплой водой покрытое липким красным налетом тело. Она дрожала так, что зуб на зуб

не попадал, и, только окунув пропитанные душиной кровавой вонью волосы в подкатившую волну, заметила, что они очень длинные, к тому же насыщенного фиолетового оттенка, и каждая прядка шевелится сама по себе, как живая, старательно бултыхаясь в воде, смывая с себя остатки жуткого дождя.

Но и от этого открытия ее резко отвлек очередной странный запах, и источала его в первый момент показавшаяся такой живительной вода. Эля прислушалась к своим ощущениям и огляделась. Здесь не было видно неба, море спряталось под сводами гигантской пещеры, ее матово-черную поверхность словно осыпала мерцавшая в темноте серебряная крошка. Благодаря этому в закрытом от солнечного света помещении было достаточно светло. Но не это привлекло внимание девушки, а плотный запах сокрушительного горя, он заполнял все вокруг, витал под потолком и горчил на языке знакомым привкусом.

Эля еще раз зачерпнула ладонью прозрачную жидкость, и брызнувшие из глаз слезинки защекали щеки. Откуда они взялись, едва кто-либо понял бы, но Эля догадалась с легкостью: они потянулись к таким же слезам, пролитым когда-то над могилой сестры. Море наполняли слезами, которыми оплакивали мертвых, и там, в его прозрачных бездонных глубинах, где-то хранилась и Элина доля. Картинки воспоминаний напрыгнули на девушку, как убийцы из подворотни: день, наглухо оплетенный траурными лентами, без-

жизненные тела омерзительно землистого оттенка, не лезшая в горло еда с поминального обеда. Живот скрутило спазмом, в груди заколыхалась необъятная пустота, а слезы все лились и лились, пополняя запасы мертвого моря. И она мучилась не одна, вместе с ней мучились все те, кто испокон веков заполнял этот страшный резервуар своим горем.

Но Нечто и на этом не собиралось успокаиваться: выдернув рыдавшую девушку из пещеры, оно втолкнуло ее в узкое пространство башни. Внутри своей собственной жизнью жила бесконечно длинная винтовая лестница, по которой теперь бежала Эля. Продавленные мраморные ступеньки скользили под босыми ногами, а стены и потолок сужались с каждым поспешным шагом так, что становилось все труднее дышать, все тяжелее думать, и только бояться, бояться, бояться того момента, в котором жестокие объятия башни сомкнутся и раздавят хрупкое человеческое тело. Башню откровенно забавляли глупые попытки девушки вырваться, лишь она одна знала, что количество ступенек равно бесконечности, и с удовольствием душила рвавшуюся к свободе Элю. Каменные стены сжали словно тисками живую плоть, дробя ребра, и девушке показалось, что ровно секунда ее отделяет от смерти, но потом возникла спасительная мысль, что она и так уже мертва.

Если ты уже лежишь на асфальте, то, казалось бы, падать больше некуда, зато можно мучиться от боли, и девушка мучилась жесточайшим удушьем в каменном корсете, пока

Нечто с упоением наблюдало за ней. А потом все закончилось, оборвалось, и девушку с чавкающим звуком продавило куда-то вверх.

– Тебе понравилось наше маленькое путешествие? – издевательски шепнул знакомый бесполоый голос.

Эля обернулось, но Нечто предпочло снова спрятаться за ее спину.

– «Маленькое»... – выдавила Эля, откашливаясь.

– Ну конечно. А вот если не сделаешь то, что нужно, то я проведу тебя через множество пыток, ты будешь вечно ходить по кругам своего собственного ада. Ты его создала, тебе в нем и жариться.

– И это создала я? – оглядевшись вокруг, спросила девушка и получила тяжелый толчок в плечо, а мужчина, так неаккуратно с ней столкнувшийся, как ни в чем не бывало продолжил свой путь.

Это место Эля узнала без труда. Она стояла в центре одного из древнейших итальянских городов, только площадь перед старинной ратушей, предназначенная для скачек, сейчас была заполнена сновавшими в разных направлениях людскими фантомами. Именно так, людьми их назвать было сложно, полупрозрачные очертания создавали лишь иллюзию идущих фигур, впрочем, иллюзию вполне осязаемую. Казалось, вся эта человеческая масса движется в каком-то затайливом, известном лишь ей ритме и при этом никто в упор не видит стоящую в центре девушку. Получив еще

несколько тычков локтями и стерпев топтание чужих ботинок по ногам, Эля наконец очнулась и попыталась найти более безопасное место, но такого здесь попросту не было.

Колокола на башне заполнили все пространство площади до самого небосвода раскатистыми звуками, и под них ненормальные полупрозрачные горожане задвигались еще быстрее, нанося Элиному телу все больший и больший урон.

Она попыталась кричать, но звон колоколов не пропустил столь жалкого звука. И тут ее снова накрыл страх, инстинктивный, животный, не такой, как в башне, и непохожий на тот, что был под кровоточившим небом, другой, но еще более сильный. Среди множества людей она оказалась совершенно одна, никто ее не видел, не слышал и не чувствовал, зато беспрестанно на нее натыкались и пихали со всех сторон. А потом она уже лежала на камнях, и множество ног топтали ее беспомощное тело.

В голове мелькнула робкая надежда на то, что сон на этом закончится, но еле слышный детский крик, словно хлопок перед лицом, отвлек Элю от всего, что окружало. Она подскочила, не обращая внимания на жуткую боль, и побежала на голос, который даже взбесившиеся колокола заглушить не могли. Судя по холоду на лопатках, Нечто следовало за ней, более того, что-то пыталось кричать ей прямо в уши, но она уже не слушала. Она расталкивала окружающих, она пробиралась под их руками, падала на колени и пролезала между сновавшими повсюду ногами, а у края площади провалилась

куда-то...

Тут было тепло и безопасно, и даже металлические стены очень маленькой комнаты излучали уравновешенность и покой. Но женщине, стоявшей около панели, заполненной кнопками, этот покой претил, она раздумывала над тем, какую кнопку лифта надо нажать, чтобы он повез ее непременно на самый верх, причем сразу минуя все остальные этажи.

– Ну что, довольна? – Нечто проскользнуло по Элиному телу струйкой продиравшего до костей сквозняка.

Здесь не было слышно голоса Эмиля, и девушка разочарованно обмякла в углу узкой кабины. Она пыталась отдышаться, украдкой поглядывая на свою соседку. Та в нерешительности нажала одну из кнопок. Лифт понес их куда-то вверх, набирая скорость, а затем резко остановился, и блестящие двери разъехались, открывая обзор на ледяную красоту иссиня-черного космического пространства. Но, пока женщина раздумывала, шагать наружу или нет, лифт, на ходу закрываясь, рванул вниз и остановился. Эле даже показалось, что теперь они находятся еще ниже, чем были до этого. Лицо женщины выражало недоумение и напряжение.

– Почему больше не слышно Эмиля?

– С чего ты взяла, что я буду отвечать? Выбирайся!

– Откуда?

– Ты сдуру ввалилась в чужой сон. Мало того, в замкнутый. – Нечто было в бешенстве, все пошло совсем не так, как оно планировало.

– Ты же переносило меня по снам, перенеси и из этого, мне нужно найти Эмиля, а здесь его нет.

– Идиотка, я переносило тебя между твоими кошмарами, ты должна была убрать их, стереть навсегда, а это чужой, и даже не кошмар, а просто бесконечный сон, не имеющий конца. Посмотри, даже его хозяйка не знает, как из него выбраться.

Эля еще раз взглянула на женщину. От нее отчетливо струился запах неудовлетворенности, но покидать лифт, пока не достигнет цели, она и близко не собиралась.

– Сны же заканчиваются, закончится и этот, она проснется, а мы выберемся.

– Ты, что, глухая?– взревело Нечто.– Я же говорю, этот сон бесконечный, снится ей на протяжении многих ночей, если не лет, он закоксовался здесь надолго, и нам из него не выбраться.

Эля поднялась с покрытого ковровым полами пола. Женщина ткнула в одну из кнопок, и они снова куда-то поехали. Странно, впервые в жизни девушка себя ощущала уверенно, словно не была заточена в замкнутом пространстве чужого сновидения, а стояла на твердой земле, причем опиралась на нее даже не двумя, а шестью или восьмью конечностями, может оттого что здесь ее мальчик был гораздо ближе, чем там, в реальной жизни, когда-то реальной... И она могла его найти.

Фиолетовые пряди волос мелькнули перед глазами, трепещущая словно на ветру, а затем сами собой стянулись где-то

на затылке. Эля ощупала идеальный пучок на своей голове и скосила глаза в сторону, желая услышать объяснение от Нечто, но то мало того что пряталось за ее спиной, еще и продолжало что-то вопеть и возмущаться, используя Элины уши на манер рупора. Напрасно: девушка уже с трудом воспринимала что-либо, кроме скользнувшей в голову мысли.

От женщины пахло ядом, эдаким химическим наборчиком, недоступным ни одной человеческой лаборатории. Отравление налицо, а точнее на Элино обостренное обоняние, вот только испорчена была не кровь женщины, а ее душа, она смердела прошедшими через множество рук шуршащими банкнотами.

Эля подошла и притронулась к изящной руке, в очередной раз зависшей над кнопками лифта в нерешительности. И надавила пальцем женщины на самую нижнюю. Кнопки не имели опознавательных знаков этажей и располагались не четким рядом, а вразброс, но для Эли это имело мало значения, она хотела увидеть все возможности женщины.

Там, где открылся лифт, медленная речка плавно несла в своих объятьях хрупкую лодочку. Одной в ней спокойно и легко будет двигаться неторопливым течением, вдоль живописных, но, пожалуй, слегка однообразных берегов. Женщина замерла и порывисто вздохнула, будто узнала это место или когда-то давно мечтала о нем, она почти сделала шаг наружу, но лифт уже закрыл двери, видимо выражая презрение к чужой нерешительности.

Эля направила руку женщины чуть выше, и она безропотно подчинилась, нажимая следующую кнопку. Лифт рванул куда-то высоко, а открывался с поистине выматывавшей неторопливостью, словно желал, чтобы пассажиры насладились медленно выползавшей из-за металлических границ двери... темнотой. Женщина резко отшатнулась к задней стенке и воззрилась на черное непроницаемое пространство. Она мысленно уже поселила в него такую массу монстров, что бесполезными бы были убеждения, что темнота не всегда бывает злой и опасной, иногда она, напротив, добра и чрезвычайно милосердна.

На этот раз лифт почему-то не стал проявлять своеволия и стоял как вкопанный, никуда больше не двигаясь, а темнота тем временем неторопливо вливалась в кабину. Эля не испугалась, но заставить лифт двигаться не могла, кнопки поддавались только непосредственно хозяйке сновидения, которую, судя по выражению лица, затопил животный ужас.

– Мне надо выбираться, – обратилась Эля к женщине, уже едва видя ее сквозь темноту, почти окончательно завоевавшую пространство лифта.

Та отрицательно мотнула головой и, опустившись по стеночке, сжалась на полу, обхватив себя руками.

– Боишься темноты?

– Нет. – В голосе женщины прозвучала растерянность.

– Тогда чего мы тут ждем?

– Я боюсь того, что она прячет.

– Если сейчас не нажать кнопку, то мы уже никогда отсюда не выберемся, темнота поглотит нас навсегда.

Женщина думала недолго, Элин довод произвел должное впечатление. Она встала, сделала несмелый шаг и протянула руку туда, где еще недавно виднелась панель с кнопками. Темнота всосалась в закрывавшийся проем двери, и лифт понесся куда-то, казалось даже не вверх или вниз, а наискосок.

Открывающиеся створки с силой шваркнулись о железный косяк. Кажется, лифт был совсем не в духе и ему осточертело возить людишек, которые толком не знают, куда им нужно ехать.

Дальше дело пошло легче, женщина, кажется, смирилась с тем, что все многочисленные кнопки придется нажимать и, затаив дыхание, ждать результата. И в следующие бесконечные часы Эля вместе с ней повидала всякого. Лифт был и окном небоскреба, и дверью в клетку с пантерами, и проемом в узкий каменный лабиринт. Какие-то из предложенных этажей шокировали, другие манили к себе, как, например, большой кабинет с панорамными окнами и шикарным кожаным креслом, в который женщина решительно пыталась попасть, но лифт ни разу не дал возможности из него выйти.

Нечто, устроившись на Элиной спине, только беспрерывно шипело какие-то гадости. Временами Эля уставала наблюдать за сменой картинок за дверьми лифта и отворачивалась, пытаясь сосредоточиться и понять, чего же хочет от

женщины странное изобретение человечества, кочевавшее между этажами. Но понимание пришло лишь тогда, когда, совершенно обессилив, женщина попыталась выйти из лифта ну хоть куда-нибудь. Ее уже не смущали слизи, облепившие пол за дверьми, пропасть с острыми шипами на дне, теперь она хотела выйти куда угодно, но лифт неизменно закрывался прямо перед ее носом, не давая закончить единственный шаг, отделявший ее от свободы.

И тут до Эли дошло, что из всего представленного лифтом многообразия женщину напугала только темнота и только туда ни за какие коврижки она не захотела ступить.

– Она так необычно пахнет, – прервала Эля многочасовое молчание.

– Кто? – повернула голову женщина после неудачной попытки выйти в поток сновавших за дверьми лифта грузовиков.

– Темнота.

В ответ женщину передернуло.

– Чем-то приятно-загадочным и будоражающим воображение.

– Я туда не пойду.

– А куда бы ты больше всего хотела попасть?

Эля действовала чисто интуитивно, женщина могла себе позволить проводить в этом сне множество ночей, но девушке нужно было искать сына.

– Хочу на крышу. Там чистый воздух и свобода.

– Но лифты не поднимаются на крышу, – возразила де-
вушка.

Она снова приблизилась к женщине и встала у нее за спи-
ной.

– Что же делать? – Казалось, эта мысль ни разу не прихо-
дила ей в голову.

Эля задумалась, но лишь на мгновенье.

– Искать свободу там, где она есть, ну, из предложенных
вариантов, естественно.

– Я перебрала все, – женщина демонстративно нажала на
последнюю кнопку на панели и не захотела выходить в ком-
нату с рядами плакавших младенцев, хотя ее бы туда, навер-
ное, и не пустили. – Мне ничего не подходит.

– А давай попробуем по-другому.

Одной ладонью Эля прикрыла женщине глаза, а другой
направила ее руку к кнопке. Лифт стоял на краю снежного
спуска с горы, они уже видели этот пейзаж, но теперь Эля
хотела, чтобы женщина опиралась на другие органы чувств.

– Ну как? Эта свобода тебе подходит?

Женщина задумалась.

– Нет... Слишком холодно, и эхо отзывается одиноче-
ством.

– А теперь?

Следующий вариант не понравился скованностью и ощу-
щением замкнутого пространства; еще бы, за дверьми лиф-
та простиралась бесконечная кирпичная стена. Третий –

вьедавшимся в уши высокочастотным звуком; пятый – слепящим светом, проникавшим даже сквозь веки и Элину ладонь.

– Как насчет этого? – спросила Эля, нажав кнопку, которая запомнилась сама собой.

– Ммм... Тепло и заманчиво.

Женщина с прикрытыми Элиной ладонью глазами смело вдохнула темноту полной грудью. Протянула вперед руку и улыбнулась.

– Как думаешь, что впереди?

– Сад, – ничуть не задумавшись, ответила женщина. – Я даже слышу, как легкий ветерок шевелит нежные лепестки гиацинтов.

Элю удивила реакция женщины, вариант с садом лифт ни разу не предлагал.

– А пахнет так же? – Для Эли темнота ассоциировалась с другим.

– Ну не совсем, слегка доносятся запахи города. Но это неудивительно, сад же во внутреннем дворике одного из офисных зданий. Так что ароматы цветов смешиваются с запахом раскаленного битума. Слышишь звонок? – радостно продолжила она. – Это сигнал к открытию торгов на фондовой бирже.

Эля не слышала, а лишь опустила руку, когда женщина, не задумываясь, шагнула в плотную темноту, за которой ждала ее свобода... Темнота пугает не сама по себе, она страшна

неизвестностью, которая иногда может привести к желаемому.

Лифт не шелохнулся, и Эля, прикрыв веки, вслед за женщиной ступила за его пределы, туда, где трепетала на ветру ее личная свобода, сплошь заполненная тополиными деревьями. Она вдохнула запах Олега, как божественный эфир, он был так близко и так далеко, а его голос пронесся по коже легкой вибрацией.

– Почему, даже когда тебя нет, я чувствую под пальцами гладкость твоей кожи?

– Потому что я внутри тебя, любимый.

Но мужчина не слышал, он просто спал.

– Сколько лет еще должно пройти, чтобы я забыл сумасшедшинки в твоих глазах, рисунок румянца на щеках, полутона тихого голоса?

– Не знаю, я слишком эгоистична, чтобы помочь тебе в этом.— Ответ растворился в темноте, как и прошлый, не достигнув цели.

На глазах девушки выступили слезы. Как хотелось дотронуться до человека, которого она знала едва ли несколько дней и отсутствие которого переносила словно тяжелое хроническое заболевание! Здесь не стало легче: сын был ближе, но Олег – дальше, и это «дальше» не поддавалось ни времени, ни расстоянию. Чем измерить промежуток между двумя мирами, девушка не знала, да это было и неважно.

Темнота вдруг стала плотной, горячей, обожгла горло.

– Нечто! – крикнула Эля, не догадываясь, что темнота сна женщины любит лакомиться людскими страхами.

– Просто иди, – твердо, резко из-за спины. – Ты еще нужна мне.

Но помогли не слова, а жесткий тычок в спину. Темнота последний раз скользнула своими объятьями по Элиным плечам и осталась за границей... средневекового зала.

– Выбралась.– Девушка вслушалась в гулкое эхо, пробежавшее от стены к стене и улизнувшее куда-то в своды высоченного потолка.

– Ты действительно рассчитываешь найти своего сына в этом необъятном мире? Ты хоть представляешь, что такое количество сновидений, порождаемое миллиардами людей?

– Пространственное воображение еще никогда меня не подводило, – отмахнулась Эля, оглядываясь по сторонам. – И потом, другого выхода нет.

– Сначала освободи меня, не желаю участвовать в твоём бессмысленном походе, – рявкнуло Нечто.

Эля уже начала привыкать к этому, вот и сейчас просто бродила по необъятному залу и вслушивалась в запаздывавшее эхо их с Нечто голосов. Зал выглядел как-то мертво, или скорее тускло, словно видео плохого качества.

– Как я могу тебе помочь, если совершенно не представляю, что делать? Все показанные тобой кошмары создало мое подсознание. Но теперь-то что я могу? Теперь я сама всего лишь сон.

В отличие от громкого эхо, звука шагов о каменный пол слышно не было. Эля решила пройти все помещение по периметру, чтобы осмотреться; она находилась внутри очередного сновидения, и где-то здесь мог скрываться ее мальчик.

– Еще спрашиваешь? Жаль, не спросила, когда создавала эти кошмарные пейзажи, когда поселила меня в них, – Нечто снова кричало и шипело, и полое помещение на это реагировало буйными отзвуками. – Если уж на то пошло, чтобы найти решение, мы должны быть в твоём сновидении, а не слоняться по чужим.

– Но ты же не можешь меня перенести туда?

– Нет, чтобы перемещаться между созданными тобой кошмарами, мне надо попасть в один из них, но мы, по твоей милости, снова ввалились в непонятно чей сон.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Ищи свой кошмар, что тут неясного? – Нечто с ненавистью дышало в ухо глупому созданию иного мира – своему ненавистному создателю.

– Но для этого нужно пройти сквозь этот сон, а потом, наверное, сквозь следующий и следующий, пока случайно не наткнусь на собственное сновидение. – Эля хотела помочь Нечто, она давно перестала испытывать страх по отношению к этому существу, но сосредоточена была лишь на поиске ребенка.

Зал будто находился в ожидании чего-то, воздух пропитался напряжением. Эля обошла уже его весь, и стало понят-

но, что выходов, впрочем как и входов, здесь не предусмотрено. Просто необъятная каменная полость с запахом застарелой пыли и свисавшими с далекого-далекого потолка огромными резными канделябрами, полными оплавившихся свечей. Девушка подумала, что самое лучшее – вести себя по правилам сна, и, опустившись на пыльный пол, решила подождать. Если уж такое древнее и внушительное помещение ждет, то ей подождать сам бог велел. Обтягивающий стальной костюм, в который она оказалась отчего-то одета, не пропускал холод камней.

– Ты говорило, что видело моего сына... – обратилась она к затихшему на время Нечто.

За правым плечом что-то завозилось, но, повернувшись на движение, Эля снова ничего не увидела. Нечто окатило ее привычным холодом, взятым взаймы, кажется, у самих альпийских вершин, но отвечать не стало. Элю почему-то не трогали все запугивающие приемы, к которым оно прибегало, пытаясь заставить девушку действовать по-своему. Она почти сразу перестала бояться персонажа из своих собственных кошмаров, хотя все, кого Нечто встречало на пути раньше, всегда реагировали одинаково, в ужасе неслись подальше.

– А теперь ты все еще можешь держать связь с миром людей?

– Тьфу... Ну идиотка. Ты была моей связью.– Едва оформившаяся надежда Эли достучаться до Олега выветрилась. –

Ичего ты тут, скажи на милость, расселась?

– Жду.

– Как интересно! Чего же?

Желчный тон Нечто девушку не задевал, скорее он накручивал само Нечто.

– Не знаю, чего-нибудь. Может, расскажешь, как здесь все устроено? Мне ведь надо привыкать к новому... окружению.

– Ты в очередной раз решила поиздеваться?

Нечто слетело с Элиных плеч и вихрем пронеслось по залу. Девушка только и успела заметить смазанную черно-серую полосу, похожую на длинный светящийся шлейф, как на фотографиях, сделанных с использованием длинной выдержки.

– Вы все это породили. Вы, люди, вершите наши судьбы, создаете нам декорации, препятствия и трамплины, и каждый норовит навязать свои собственные правила. Мы же только пристраиваемся, выживаем как можем, хотя и эта наша способность продумана вами до мелочей. И ты еще нахально пытаешься подшутить надо мной, спрашивая у меня, всего лишь раба скопления твоих личных снов, как здесь все устроено?

Нечто никак не могло успокоиться, оно неуправляемым смерчем носилось по залу, и Эле казалось, что его гневную тираду эхо, раздваивая и растраивая, обрушивает ей прямо на голову из-под купола.

– Вот интересно, в детстве мне снился заяц-русачок из од-

ной книжки, он тоже гуляет где-то поблизости?

Нечто окончательно вышло из себя и нырнуло сверху на Элю, но в этот момент в зале что-то резко изменилось, застопорив изливавшийся гнев.

Свечи в канделябрах вспыхнули множеством радостных огоньков, по помещению будто прошла волна, всколыхнувшая пространство, и оставила за собой внушительных масштабов следы.

Грубыйкаменный пол покрылся старинным паркетом, стены словно повернулись к посетителям сна лицом, увешанным вычурными портретами в дорогущих рамах. А потом пробудившийся зал направил все внимание на чудо, зарождавшееся где-то в его сердцевине.

Сверху медленно спустился большой прозрачный шар, его бока переливались радужными бликами, и Эля решила, что он мыльный, да, именно так, трехметровый мыльный пузырь. Но, приблизившись к полу, шар и не подумал лопаться, а продолжил парить от одной стены до другой.

Эля не шевелилась – она смотрела во все глаза, как внутри мыльного гиганта танцует вальс пара странных созданий в пышнойчеловеческой одежде, но с хвостами и блестящими копытцами. И каждый нес с собой что-то свое. Та, у которой нашлось больше всего женских черт, внушала ужас, и не столько внешностью какой-то разновидности нежити, сколько дергаными рваными движениями, противостоестественно выгибавшимися суставами и чередой издаваем-

мых звуков, похожих на сумасшедшую какофонию, состоявшую из свиста, стога и плача. Тот же, что выполнял функцию мужской части пары, был настолько прекрасен, что при взгляде на него Элино сердце невольно сжалось. И хотя человеком его, как и ее, язык не поворачивался назвать, девушка понимала, что за ним пойдет любая, кого бы он ни позвал, даже она сама. Столько в нем было мистического магнетизма и концентрированной мужественности.

Но, к счастью, Элю отвлек следующий мыльный пузырь, сдувая наваждение, и следующий, и следующий. Постепенно зал заполнился танцующими парами, запертыми в сверкающей мыльной оболочке. И в каждой было по мужскому и женскому началу, и каждая несла ровно половину чего-то завораживающе красивого и доброго и ровно вторую половину жути, смешанной либо с подлостью, либо с пошлостью, либо с уродством.

– Кто они? – Мимо Эли проплыли, пластично двигаясь внутри шара, подобие обнаженной женщины, светившейся изнутри золотым светом, и подобие мужчины с драконьими крыльями и вампирским оскалом. – Постой, не отвечай, наверное, один в паре принадлежит чудному сну, а другой – изощренному кошмару.

– Нет, не так, – зашипело в ухо Нечто, – они все и есть либо кошмары, либо добрые сны. Здесь единственное место, где сновидения назначают друг другу свидания. Ты забралась в один из самых древних снов. Кто-то мне рассказывал о бла-

женном стеклодуве, но я думало, это так, сплетни. Видишь его?

И Эля действительно увидела.

Под самым куполообразным потолком, который теперь четко просматривался, сидел прямо на воздухе, ни за что не держась, улыбочивый подросток. В его лице было столько безумия, что любой испугался бы, но девушка не боялась. Мальчик непрерывно болтал одетыми в бриджи и белые чулки ногами и все время пытался скинуть неудобные туфли с пряжками. Получалось у него не очень, поскольку руки занимала длинная тонкая трубка, с помощью которой он выдувал большие шары с вальсирующими снами внутри. Шары оказались не мыльными, а стеклянными. Они уже парили по всему залу, представляя собой потрясавший воображение бал. Эля даже услышала аккорды музыки, но не вспомнила, когда она появилась, словно музыка жила здесь всегда.

Фиолетовая копна ее волос расплелась завилась мелким серпантинном, не спрашивая хозяйку. Эля в одно мгновение почувствовала себя бешеным фиолетовым одуванчиком, это музыка сна действовала на нее так странно.

В этом веселье ей не нашлось бы места, как и ее сыну. Но кто бы подсказал, как отсюда выбраться?

– Когда все это закончится? – тихонько спросила она, стараясь не привлекать к себе внимание.

Музыка между тем все набирала темп, и вальсировавшие пары постепенно входили в фазу безумной пляски, не имев-

шей названия.

– И с чего тебе взбрело, что у этого есть конец? Похоже, ты своим присутствием пробудила стеклодува, он же столетие никому не снился, и теперь его не остановить. Готовься, мы тут надолго, очень-очень надолго.

Но в Элином запасе времени промежутка в «очень-очень долго» просто не нашлось. Она не имела понятия, как покинуть замкнутое пространство бала, и решила внести в сценарий подростка немного форс-мажора.

Ближайший к девушке шар поддался толчку ее рук очень легко, а она-то уже приготовилась к серьезным трудностям, но трудности начались потом... когда один шар ударился о другой и фонтан осколков взвился к потолку с жалобным звоном, задевая другие шары, которые стали лопаться один за другим. Нечто взревело, а пары снов стали ссыпаться на пол невероятным дождем и растворяться то бурыми, то белыми пятнами прямо в воздухе. Стеклодув же, сделав кульбит вокруг своей оси, получил осколками в лицо и пронзительно завизжал, схватившись за израненную щеку. Нечто вопило что-то о том, сколько снов погубила ненормальная девчонка и что такого ей уж точно не простят. А хозяин сна стремительно спикировал к ней, все еще держа ладонь на лице, и заглянул в девушку, по-другому и не скажешь, своими совершенно пустыми глазами, внутри которых могла поместиться бездна. Он сжал когтистой рукой Элину шею, а единственная мысль, забредшая в этот момент в ее голову,

была о том, умирают ли во сне так же, как и в жизни.

Она уже едва дышала, а коготь большого пальца оставлял на ее шее кровавую полосу, когда откуда-то из-за спины выпрыгнуло что-то крохотное и верткое и, обвившись вокруг смертоносной руки, запóлзало по желтым суставчатым пальцам.

– Отпусти ее!– голос у крошечной синей змейки оказался пронзительный и уверенный.

А вот ответивший подросток напугал Элю еще сильнее– столько в его интонациях было древней жути.

– Она никуда не пойдет, она ответит за хаос, что здесь устроила. Ты только взгляни, сколько труда погублено, – ткнул он свободной рукой в недра пустого зала, снова выглядевшего заброшенным.

Змейка соскользнула с руки и, увеличившись в размере, завилась в воздухе рядом с девушкой, отвлекая внимание стеклодува. Она крутилась колесом, делала волну, изгибалась в разные фигуры, поблескивая своим чешуйчатым телом, до тех пор пока на лице подростка не заиграла прежняя безумная улыбка. Один его глаз стал серьезно косить вправо, так что наблюдавшей за выражением его лица Эле стало настолько не по себе, что захотелось вернуться обратно, в душасщие объятия башни.

– Ты всегда умеешь меня повеселить.– Страшная рука разжалась, и девушка упала прямо на стеклянное крошево, захрустевшее под спиной.

– Отдай ее мне, я накажу на свой манер.– Змейка обвила тонкую шею подростка с вздутыми прожилками вен и потерялась о его висок.

– Ладно, Слипри, ты всегда умела уговаривать. Только на этот раз пусть все будет по-взрослому: котлы с кипящей нефтью, кладбищенские кресты, уродливые язвы.

– Ты ж мой фантазер, обещаю, обещаю.

Змейка скользкой удавкой оплела на этот раз шею девушки и потащила куда-то вверх, к прозрачному куполу зала. Эля тут же заболтала ногами в воздухе и почувствовала ледяное прикосновение Нечто, но начать задыхаться второй раз за этот сон от оригинальной транспортировки змейки она не успела. Купол раскрылся, выпуская их, а сумасшедший стеклодув, лишившийся всех на сегодня игрушек, зашарил руками по пыльному полу, ища трубку и по-стариковски ворча что-то себе под нос.

7

Ковыль тихо шуршал, пропуская сквозь себя воздушные прядки ветерка. Эля лежала на спине, смотря сквозь наклоняющиеся стебли ковыля в облачное небо с просветами радостной синевы. Нечто куда-то улетело, забрав с собой холод и буркнув, чтобы девушка не пыталась ускользнуть. А на Элином животе, изгибаясь пружинкой, скакал новый персонаж. Змейка отталкивалась упругим хвостом и устремлялась в небо, а затем радостно возвращалась обратно, чтобы

повторить трюк.

– Когда ты начнешь выполнять обещание? – спросила девушка, не отрывая взгляда от благодушных облаков, стараясь отойти от предыдущего сна.

– Дай подумать... Когда станет скучно, – хихикнула в ответ новая знакомая, продолжая проверять свою прыгучесть, используя Элю в качестве батута.

Разглядывая легкие хлопья облаков, Эля испытывала невероятное смятение и опустошенность. Она не знала, что делать дальше и как в этом необъятном мире, напоминавшем ящик, заполненный мелкими коробочками, каждая из которых – чей-нибудь сон, найти своего мальчика. Куда идти? Вперед? Назад? Вверх или вниз? А может, вправо и наискосок? Где та самая «коробочка», в которой она так нужна Эмилю?

Впервые в жизни Эля поняла, как сильно ей не хватает друзей. Здесь не было Лема с его нетривиальным взглядом на все без исключения, не было Яноша, которому порой хватало только сдвинуть брови – и мелкие Элины проблемы тут же бросались врассыпную. Она так привыкла опираться на их плечи, что сейчас готова была рыдать, осознавая собственную беспомощность.

И, несмотря на это, девушке здесь нравилось, ее неумная фантазия больше не являлась препятствием между ней и внешним миром, она словно рассеялась в пространстве, обретая покой, поскольку весь внешний мир и был сейчас поме-

сю множества фантазий, в котором жили и Элины.

От змейки пахло холодком, не свежим, а затхлым и завернутым во что-то сладкое и душиное одновременно.

– А ты тоже из моего кошмара?

– Ну нет, своего создателя я бы узнала, – неуместное хихиканье змейки заставило Элю улыбнуться.

– По липким от варенья рукам и восторженному взгляду? – Девушке показалось, что неутомимое веселье, излучаемое ее новой знакомой, мог породить только ребенок.

– Не-а, по проседи в висках и пухлому животу. – Подсознание еще та головоломка.

– Скажи, здесь все сны остаются навсегда?

– Нет, лишь те, на которые ушел сильный выплеск эмоций. Все остальные рассеиваются, как только боги пробуждаются. – Слипри отвечала так, будто все настолько очевидно, что и вопросов вызывать не должно. – Надеюсь, ты, как богиня, хоть и бывшая, не пропадешь, как только твой создатель проснется?

– Не знаю, но очень надеюсь; когда я сюда попала, он бодрствовал. Тебе-то для чего мое присутствие?

Змейка очень наглядно зевнула.

– Скучно, а то, что происходит вокруг тебя, интересно.

Слипри спрыгнула с Эли и, уменьшившись, обернулась вокруг ее указательного пальца, как оригинальное витое кольцо, только ко всему еще и живое.

«Скучно? Да тут и передохнуть нет времени».

Совсем рядом сквозь море ковыля кто-то прошел, подвывая тоскливую песню, и Элины волосы стали рваться куда-то в сторону, но голова плотно прижимала их к земле. Девушка повернулась вслед едва слышным шагом, фиолетовые прядки вырвались и затрепетали на ветру, окрыленные свободой. Травинки ковыля ластились к ногам в солдатских сапогах, словно изголодавшаяся по вниманию животинка. С этого ракурса кроме ног больше ничего не было видно.

– Кто это?

Змейка равнодушно отмахнулась хвостом:

– Хозяин сна.

– Ему сейчас все это снится?

– Кто знает. Если эмоции, выпущенные во сне, были сильными, возможно, он давно спит вечным сном, а это его проекция бродит тут.

Эля села и посмотрела вслед старику, длинные седые космы закрывали часть спины, а морщинистые руки поглаживали необъятный травяной океан, простиравшийся до самого горизонта, а сам горизонт заворачивался куда-то вверх и вправо.

Девушке вдруг невыносимо захотелось рассказать о сыне, и не столько Слипри, сколько самой себе, выговориться, может для того, чтобы не забыть во всей круговерти нового мира, кто она сама.

Сказать, что змейка слушает, можно было с большой натяжкой, она то находилась в непрерывном движении, то за-

тихала на Элиных руках, словно утомленная, и даже закрыла глаза. А вот поле вокруг оказалось благодарным слушателем, порой Эле даже казалось, что оно что-то шепчет ей, стараясь дать дельный совет.

Но стоило девушке замолчать, как змейка снова захихикала.

– Здесь нельзя никого найти, – от души веселилась она. – Здесь все хаотично и постоянно меняется.

– Ты же знакома со Стеклодувом, значит, встречала его раньше.

– Не-а, первый раз видела. Забавный мальчик.

Эля не стала уточнять, чем забавно создание с огромными когтями, хваткой анаконды и взглядом тысячелетнего старца.

– Но он же назвал тебя по имени?

Слипри снова хихикнула, укоренив в девушке мысль, что, пожалуй, здесь все не совсем так, как в человеческом мире, а точнее совсем не так.

– Он сам меня так назвал, я же скользкая, вот он и придумал.

Эля поднялась на ноги, оглядела безмятежный сон, конца которому и видно не было, и пошла наугад, в сторону, обратную той, куда отправилась сгорбленная фигура старика. Почему-то очень не хотелось видеть его лицо.

Змейка скользила по Элиным пальцам, как струйка прохладной воды, а волосы на затылке подпрыгивали, но не в

такт движению, а словно в своем собственном танцевальном ритме – толи румбы, толи арэнби.

Где-то в предполагаемой середине поля в спину ударился холодный комок, и девушка мысленно поприветствовала Нечто, которое, как всегда, заняло облюбованное место где-то за ее лопатками.

Шли долго, а точнее долго шла девушка, неся на себе невесомых жителей сновидений. Кажется, у нее наконец появились домашние питомцы, о которых она всегда мечтала. Холодный сгусток непонятно чего, с вздорным характером и требованием освободить, скучающее хладнокровное величиной с наперсток и в довершение ко всему копыта своевольных волос, у которых на все собственное мнение. Ай-яй-яй, чтобы сказал Янош?!

Эля дошла до места, где горизонт загибался, словно пластиковый, его край был скользкий, и ступившую на поверхность девушку тут же понесло куда-то вверх, словно она заскользила по льду, только, против всех законов физики, прямо в необъятное небо. Зыбкая дымка облаков пахла свежестырированным бельем и имела пушистую «консистенцию». Лететь сквозь нее было чрезвычайно приятно, как сквозь меховые изделия прекрасной выделки, где-то – до смеха щекотно. От удовольствия Эля даже глаза прикрыла, а открыв их, разочарованно вздохнула. Судя по запаху, следующий сон, в котором она оказалась, так просто не отпустит.

По оживленному проспекту сновали шустрые автомоби-

ли, пешеходы вместо безопасных переходов отдавали предпочтение коротким перебежкам прямо перед носами раздраженных водителей, озверело жавших на клаксоны. Последние этажи высоких зданий растворялись где-то в слое серой дымки. Обычная городская улица, только вот черно-белая, как в старом фильме.

Знакомый неприятный запах заставил Элю повернуться налево, и она безошибочно определила, в чем сне очутилась. Несмотря на то, что взгляд остановился не на женщине средних лет из соседней палаты, которой она когда-то пыталась облегчить страдания, а на девочке-первоклашке с розовыми бантиками и легкой лопухостью, все было понятно без слов. Старая знакомая в новом облике несмышленного ребенка билась кулачками в витрину одного из магазинов и истошно выкрикивала какие-то имена. Горожане шли каждый своей дорогой и не обращали на нее абсолютно никакого внимания.

Эля почувствовала усталость, здесь не было стандартной смены дней и ночей и даже ощущения времени, и она совершенно не представляла, сколько уже бродит по этому миру практически без передышки, но увиденная сцена что-то тронула в ее душе, заставила мобилизовать все силы. Еще там, в человеческой жизни, она хотела помочь этой женщине, но именно здесь девушка оказалась ближе всего к ее подсознанию. Дурной запах вился повсюду, и источала его старая знакомая.

Нечто ледяной хваткой вцепилось в Элину спину, не давая сделать шаг к витрине.

– Куда тебя несет? Это не твой сон, нам надо двигаться дальше.

– Пусти.– Девушка проявила несвойственную ей твердость, но даже удивиться этому не успела. Нечто продолжало ее держать, будучи сильнее, по меньшей мере, вдвое.

Соппротивление продолжалось бы еще долго и не принесло бы видимых результатов, но тут в«увлекательную игру» решила вмешаться Слипри.

– Веселушки!!! – радостно выкрикнула она и скользнула с Элиного пальца за спину.

– Что ты делаешь, паршивка?! – тут же донесся взбешенный голос Нечто.

– Кусаю тебя занос, – неистово хихикая, радовалась змейка.

– У меня нет носа, – взревело в ответ.

– Какая разница, что-то же есть вместо него, хотя теперь я уже в этом сомневаюсь...

Кажется, Слипри развлекалась по полной, но девушка уже не особо вслушивалась в происходившее. Почувствовав, что ее больше ничто не держит, она перешла дорогу и остановилась рядом с всхлипывавшей девочкой. Разбить витрину ее маленькие кулачки не могли, и Эля вгляделась в то, что так манило из-за стекла.

Обычная среднестатистическая квартира с потрепанной

оббивкой кресел и продавленным диваном, с усатым котом, разомлевши свесившим лапы с подоконника, и массой улыбочивых фотографий в деревянных рамках. Худой приятный мужчина сидел за компьютером и ожесточенно бряцал по клавишам, от него даже сквозь стекло доносился терпко-свежий запах настоящего таланта, еще не признанного и оттого более ценного – концентрированного. А по комнате носились, круша на своем пути все, двое детей – близнецы мальчик и девочка. В проеме прихожей горел свет, и сквозь зеркало просматривался маленький фрагмент происходившего на кухне: женские руки, что-то резавшие, а затем помещивавшие содержимое небольшой кастрюли.

Девушке захотелось подойти и утешить хозяйку сна, но, во-первых, противный въедливый запах вины не давал к ней приблизиться, а во-вторых, это не помогло бы.

Девочка продолжала биться в стекло, как глупый мотылек, не обращая внимания ни на что вокруг, а Элю вдруг отвлекло какое-то движение сверху. Она подняла глаза и не сразу поняла, что именно видит. По воздуху едкой лентой сигаретного дыма плыли одна за другой корявые буквы, какие бывают только у врачей с их профессионально неразборчивым почерком. И когда до девушки дошло, что это значит, она, отвлекшись от всего на свете, подпрыгнув, ухватила краешек мягкого знака. Его колечко удобно нанизалось на безымянный палец, а остальные буквы, зыбким облачком обвивая руку, потянулись следом.

Сдавленный всхлип девочки заставил Элю обернуться, и она на автомате затолкала строчку от Олега за пазуху, это вышло не сразу, металлический скафандр очень плотно облегал тело, и девушка молилась лишь о том, чтобы послание не развеялось, как дым, и не смешалось в однородное облачко.

– Постой... – начала Эля.

– Не подходи, – крикнула девочка, повернув к ней голову, гримаса злобы исказила детское лицо, но еще эффектной из ее уст звучал голос – хриплый, взрослый.

Эля от неожиданности отшатнулась.

– Как ей помочь, Слипри?

– Тудум-тадам, посмотрим, – тут же откликнулась змейка, похоже, ее устраивало данное стеклодувом имя. Синее тельце скользнуло по витрине, оставляя липкие разводы.

– Почему ты у меня об этом не спрашиваешь? – обидчиво выдохнуло в ухо Нечто.

По Элиному телу прошел привычный холодок. Ответить девушка не успела.

– Пусти порезвиться с детишками, – сквозь неприятное хихиканье предложила свой вариант змейка.

Похоже, ее и слезы девочки веселили, впрочем, кажется, вокруг не было ничего, что бы ее не веселило. Она ползала по стеклу, карябая твердыми чешуйками поверхность, и с интересом заглядывала внутрь.

Вдруг за Элиной спиной раздались звуки оглушительного удара. Девочка дернулась и обернулась вместе с Элей.

Смятый в уродливую гармошку автомобиль, еще недавно бывший качественной иномаркой, нашел свою кончину в искореженной боковине грузовика. Едкий дым в небо, брызги крови на асфальте.

Девочка завопила так истошно, что Эля невольно зажала уши. Змейка, в очередной раз увеличившись, обвилась вокруг шеи девушки, а Нечто холодными когтями впилось в Элину кожу и потянуло куда-то прочь, но не успело. Под душераздирающий вопль девочки сон сдулся, как воздушный шарик, продырявленный иголкой, и Эля провалилась куда-то в красноватый полумрак.

Она падала, а рядом с ней падала еще масса людей всех возможных возрастов и национальностей. Кто-то визжал, кто-то переворачивался в воздухе, кто-то сучил руками и ногами, стараясь хоть за что-нибудь зацепиться, но цепляться здесь было не за что, в этом кошмаре в свободном падении находились все: и люди и вещи. Их объединяла только одна особенность – глубокий всеобъемлющий страх, который запрыгнул в Элину душу, подчиняя, не давая возможности сопротивляться.

Девушка не видела, что их ждет внизу, но готовилась к особо болезненному, а скорее смертельному удару о землю. Тем не менее падение не заканчивалось, ветер свистел в ушах, мимо проносились различные персонажи и предметы. Ей хотелось визжать, как и большинству участников сновидения, не поддаваться законам сна было практически невоз-

можно. А вот ее спутники переносили один из самых распространенных кошмаров вполне благодушно и даже отчего-то радостно: Слипри, вцепившись зубами в прядь фиолетовых волос, болтала в полете хвостом и, наверное, хохотала бы как ненормальная, если бы ее рот не был занят; вечно всем недовольное Нечто радовалось на свой лад, носясь по Элиному телу холодными потоками. Отвлечаясь на них девушка стала постепенно освобождаться от сковывавшего страха. Люди рядом с ней исчезали, а на их месте появлялись новые, не менее испуганные.

– Делай же что-нибудь, – наконец прервался приступ воодушевления у Нечто.

На этот раз направленное раздражение подействовало на девушку благотворно. Она постаралась отвлечься от окружавшего визга, цапнула том «Большой советской энциклопедии», падавший рядом, и уселась на него сверху, так лететь вниз оказалось значительно удобней. Подпрыгнувшее в первый момент сна к горлу сердце снова ровно забилося в груди. Змейка трепыхалась на ее волосах, как синяя ленточка.

– Это твой кошмар, убери его немедленно! – Нечто изнывало от нетерпения. Наконец один из ненавистных мирков будет уничтожен. И хотя именно этот кошмар не особо нервировал Нечто, его исчезновение должно положить начало освобождению от всех остальных.

– Не могу, он не только мой.

Эля оглядела падавших рядом с ней мужчин и женщин,

подростков и маленьких детей.

– Он общий для множества людей, даже если пойму, как, одна все равно не справлюсь. Будешь уговаривать их всех?

Нечто раздраженно сплюнуло, и Эля даже успела подумывать, не повредит ли кому-нибудь едкая слюна. Неспособная долго молчать, змейка выпустила прядку волос и стала отфыркиваться, но тут пришла Элина очередь пропадать из сна.

Она плюхнулась прямо на широкую лавочку посреди душевной деревенской ночи, приукрашенной звездами. Где-то вдалеке на одной ноте взлаивала собака, за обмелевшей рекой кто-то пел под гитару блатные песенки фривольного содержания. Комары носились так быстро, словно ими брызнули из аэрозольного баллончика.

Девушка уже начала привыкать к стремительной смене событий и, пока появилась возможность, потянулась за пазуху к дымной строчке от Олега, но, почувствовав, что на лавочке кто-то есть, опасливо повернула голову.

Рядом сидела полная женщина, ее красивые округлые руки держали книжку с фантастическими чудовищами на обложке, бледно-голубые глаза излучали то самое количество ума, от которого впоследствии лишь больше горя. Самое странное, что девушке захотелось опустить голову к ней на колени и поплакаться на все свои беды. Женщина излучала материнство, причем такой большой порцией, что Эля, давно ставшая матерью, вдруг захотела почувствовать себя лю-

бимым и желанным ребенком.

Соседка по лавочке увлеченно читала, и один Бог знал, как она разбирала освещенныйлишь звездами текст. Кажется, она воспринимала Элю как само собой разумевшееся, и даже время от времени цитировала ей строки из книги.

Девушка хорошенько огляделась вокруг, ища неожиданностей, но, ничего не заметив, все же потянула за хвостик кончик буквы, который держала вот уже несколько минут. Незамедлительно из-под скафандра выплыла вся строчка, и девушка закашлялась от едкого сообщения.

Она не знала, курил ли Олег в период, когда они встретились, но теперь он однозначно приобрел пагубную привычку. Строка, немного помаячив перед глазами, растворилась в воздухе, оставив после себя горько-сладкое послевкусие.

«Пытался сочинить веселую сказку, вышло плохо. Хотел рассказать ее тебе во вчерашнем сне, но, кажется, это снова была не ты, а только твоя тень».

Из-за коренастых покосившихся домов скользнула следующая строка и следующая, они словно искали Элю и наконец нашли.

«Ян вчера вспоминал о тебе. Который уж год подряд слышу одно и то же и все никак не могу наслушаться. Даже жена уже перестала к тебе ревновать, хотя испытывать это чувство по отношению к тому, кто умер задолго до нашего знакомства,— идиотизм. Ты давно ушла фантастической дорожкой, надеюсь, нашла своего Эмиля. Приходи повидаться,

жаль только, что я буду в пижаме, в последнее время только в ней себя и вижу во сне».

Осмысливать слова Олега пришлось уже на двигавшейся лавочке, ей почему-то взбрендило оторваться от земли и плавно полететь прочь от деревни.

– Нечто! Почему он говорит, что прошло много лет? – спросила Эля, хотя душу в это время терзало противное слово «жена».

– Там есть время, а тут – его беспорядочные обрывки, – встряла змейка.

– Не отвлекайся! – рявкнуло из-за спины. – Ищи другой свой кошмар.

– А надо было резвее соображать, – захихикала змейка. – Прямо в падении переносить ее в другой кошмар, вместо того чтобы уговаривать убить общий сон, который создается кучей народу.

Нечто недовольно заворчал и потянулось к Слипри душащим холодом, но та отскочила в сторону и, показав язык, заплясала на хвосте прямо в воздухе перед Элей.

– А ты уверено, что мне необходимо уничтожить собственные кошмары? Ты же со мной свободно путешествуешь, и они тебя не держат, – обратилась девушка к Нечто, стараясь отвлечься от внутренней боли и сосредоточиться на главном. Добровольно покидая человеческую жизнь, она понимала: с Олегом придется расстаться на вечный срок.

– Тьфу ты! – Нечто с трудом переносило Элину неосве-

домленность в банальных вопросах. – Это пока я с тобой; стоит только от тебя отвязаться – и снова придется слоняться только по твоим кошмарам. Да и твое общество, знаешь ли...

– Не слишком ли быстро?! – произнесла женщина, оторвавшись от книги.

Девушка непонимающе повернулась. Но вопрос относился к лавочке, с каждым мгновением набиравшей скорость. Эля тоже обратила внимание на то, что часть деревенского антуража превратилась в оригинальное средство передвижения и теперь стремится не только вперед, но еще и под углом в небо.

От женщины пахнуло жаром, потом мертвенным холодом и снова жаром. С ней что-то происходило в реальности, и из-за этого лавочка во сне все ускорялась и ускорялась.

Змейка заползла на голову девушки и прижухла в районе затылка, волосы встопорщились как наэлектризованные, Нечто холодило спину, а женщина, сидевшая рядом, недоуменно оглядывалась. Они поднялись уже так высоко, что жаркая ночь обрела живительную прохладу.

От рук женщины запахло детскими слезами, и Эля инстинктивно прижала ее ладонь к своей щеке, будто сама рыдала над ней. В воздухе отчетливо слышалось старушечье бормотание, в нем даже можно было разобрать слова молитвы.

Вдруг девушку осенила неожиданная мысль, и прямо на

несшейся в небо лавочке она обратилась к незнакомой женщине как к родной:

– Мамочка, останься, пожалуйста. Не бросай меня, не уходи, не надо.

Голос сорвался, и слезы покатались по Элиным щекам. Она представила, что перед ней Ира, ведь только она могла в полной мере понять ее горе по утерянному сыну и боль по покинутому любимому. Девушка намеренно выворачивала душу ради ребенка, что сидел по ту сторону сна около постели самого родного в жизни человека.

Она смотрела в умные голубые глаза, боясь упустить этот взгляд, словно удерживала женщину за руку над пропастью.

Соседка по лавочке замерла от удивления. Она не понимала, что происходит, но руку от Элиной щеки не отрывала, а лавочка неслась среди звезд, и на ней уже с трудом можно было удерживаться.

– Прости меня за все, я никогда не буду тебя огорчать, только не уходи, только останься, – умоляла Эля.

Женщина, с трудом решившись на что-то, погладила девушку.

– Нельзя ли помедленнее?! – громко сказала она в пустоту вокруг, и лавочка тут же снизила скорость, а потом полетела вниз, в обратном направлении.

Женщина обняла Элю и прижала к груди, девушка захлебнулась слезами от переливавшихся через край эмоций. Так, обнявшись, они и вернулись в деревню, чужая мама и чужая

дочь, так необходимые друг другу именно в этот момент.

Когда женщина рассеялась вместе со сном, вернувшись к своему ребенку живой, а Эля очутилась за кулисами огромной сцены, змейка радостно заскакала на ее плече, не сдерживая восторга.

– Ты изменила ход сна. Хи-хим-ха-хам. Ничего себе!

– Надеюсь, я изменила не только сон, – обессиленно выдохнула Эля и уселась прямо на пол, склонив голову на руки.

Нечтонеодобрительно взрыкивало, скорее по привычке, ведь и оно понимало, что раз девушка провернула такое с чужим сном, то со своими кошмарами уж как-нибудь справится. Моделировать сны могли только их создатели. Только боги. Но Эля уже давно не была богом, теперь она лишь персонаж из мира снов, и ее действия оставляли множество вопросов без ответов.

Девушка вдвинулась в темный уголок, не желая больше ни в чем участвовать, она слишком устала и теперь обессиленно наблюдала в щелочку кулис за развивавшимся на сцене действием. Догадаться, кто был центральной фигурой, получилось с легкостью. Чернокожий человек что-то декламировал в переполненный зрителями зал. Шикарные декорации, непрерывные вспышки фотокамер, то стихавшие, то возобновлявшиеся овации.

Эля навскидку предположила, что хозяин сна толи американец, толи англичанин.

– Почему я понимаю язык, на котором он говорит? – по-

разилась девушка, которой знание иностранных языков не давалось со школы.

– Закон сна. Тут все всех понимают, – натянуто объяснило Нечто, оно все еще испытывало ничем не прикрытую неприязнь к своей создательнице.

– Ага, ага, – встряла змейка, затеявшая шуточный бой с Элиной шевелюрой, пряди фиолетовых волос обвивали ее, а потом отбрасывали в сторону. Девушка при этом походила на горгону Медузу.

– А еще бывают сны во сне, – ни к кому конкретно не обращаясь, прошептала она, свернувшись клубочком и закрыла глаза.

Спать здесь не получалось, законы этого сна, наверное, таких вольностей не позволяли, зато хорошо получалось депрессовать.

Девушка вспомнила, как давно не держала на руках своего ребенка, а следом за этой мыслью потянулась цепь других, не менее болезненных. Как он обходится без нее? Каких мерзостей становится свидетелем, попадая во взрослые сновидения? Что ест? Где спит?

Собственные ответы на последние вопросы ее немного успокоили: в этом мире отсутствовали постоянные человеческие потребности в сне и пище, точнее они, наверное, были в каких-то из снов, но далеко и далеко не повсеместно.

Следовало бы задуматься, как именно искать Эмиля, но девушка находилась в совершенной уверенности, что логи-

ческие рассуждения тут не помогут, даже владей она ими так же безупречно, как Ян. Поэтому в своем путешествии по снам оставалось следовать лишь душевным порывам, только так она умела жить, только так ее сердце подсказывало действовать, – дрейфовать по этому полному страхов и тайных желаний миру.

Нечто унеслось заглядывать в граничившие с этим сны: вдруг один из них окажется Элиным.

Девушка искренне надеялась, что успеет передохнуть, прежде чем иностранец проснется и ее выкинет туда, где быть сторонним наблюдателем не получится. Вдруг вспомнилось, что и в ее сновидения иногда заглядывали случайные персонажи, а потом так же незаметно исчезали, как иногда теперь делает и она, очевидно это постоянные жители снов, такие как Нечто и змейка, такие как теперь она, порожденные сильным выплеском эмоций.

Интересно, какие эмоции владели Олегом, когда он так точно сматрицировал ее? Ну, почти точно – длинные фиолетовые волосы маячили перед глазами, топорща на Слипри наэлектризованные кончики. Всему виной прочитанная книга. Похоже, хирург в деталях вообразил свой идеал еще до их знакомства, а неожиданная пациентка настолько в него вписалась, что до сих пор удивлялась этому факту.

Он не забыл ее, когда их болезненное знакомство прервалось навсегда, Эля на своем пути частенько встречала доказательства этому. Как бы ей хотелось натолкнуться на его

сон, увидеть, каким он стал, хотя бы – каким он сам себя в снах видит. А еще ее беспокоило, как там Лем и Ян. Здоровы ли они, счастливы?

В ответ на мысли девушки этот многогранный мир решил сделать приятный сюрприз, и принесло его Нечто, которое на роль радостного вестника ну никак не подходило.

– Немедленно вставай! Там, в соседнем сне... – начало оно, но сон иностранца сделал крутое пике, не дав закончить.

В переполненный людьми зал стали заскакивать разгоряченные погоней ковбои на лошадях, они выхватывали пистолеты и, не целясь, палили в сторону сцены. Чернокожий человек что-то крикнул в их сторону, но несколько пуль одновременно прервали его пламенную речь. Он стал медленно оседать на пол, а ковбои, победоносно размахивая шляпами, проскакали мимо Эли прямо через стену. В это время пространство сна стало рушиться на глазах, опадая по краям словно кирпичиками в бездну.

– Где? – крикнула девушка, стараясь перекрычать гул взбудораженной толпы.

Холодок Нечто подхватил ее за шиворот и поволок куда-то в сторону от шокированных убийством зрителей. Они прошли стену так же просто, как до этого ковбои.

– Тут человек из твоих кошмаров. Мы встречались. Либо его сон, либо кого-то из тех, кого он знает. С его помощью можно отыскать и твой...

– Ух ты, – радостно выдохнула Эля и едва не заплакала от

счастья, натолкнувшись взглядом на кудрявые растрепанные волосы иродные серые глаза.

Нечто затащило девушку в живописное скопление гор, их подножья устилала махровая ткань лиловых облаков, а снежные макушки обмахивала крыльями стая огромной саранчи.

Эля едва удержала равновесие и чуть не упала вниз. Она стояла на крошечном пяточке одной из вершин. А гораздо выше на другой вершине, усевшись по-турецки, пристроился Лем, не отрывая взгляда от другого скалистого пика, он был слишком увлечен, чтобы обращать внимание на чудовищных соседей сверху.

Эля радостно закричала и замахала руками, стараясь привлечь к себе внимание друга, но он в ее сторону даже не повернулся. Змейка с сумасшедшим визгом прыгнула вперед и вверх, ее очень привлек новый персонаж, и тут же отрикошетила обратно, словно наткнулась на прозрачную пружинистую поверхность.

– Нет, нет, нет... не дозовешься, – снова обвившись вокруг Эли, громко сообщила она.

Девушка проследила за взглядом друга и тут же поняла, ради чьего общества он отгородился от всех непроницаемой стеной.

Незнакомка сидела в офисном кожаном кресле прямо на вершине, противоположной Лему, закинув ногу за ногу. Кресло смело каталось по узенькой площадке, словно девушка не боялась свалиться, а может быть, даже желала этого.

Красивая? Нет. Скорее утонченнопритягательная, с породистым ухоженным лицом и вытягивавшим душу взглядом. Рядом с ней в воздухе парили держатель для ручек и папка с документами.

Слов не расслышать, поскольку эти двое разговаривали взглядами, причем делали это уже много лет, ровно столько, сколько друг друга знали, но при этом все пространство сна буквально пропитывал их безмолвный диалог. Его крупницы просачивались даже сквозь невидимую преграду на пути Эли.

– ...истосковалась по тебе, длинный был отпуск. Взгляни на меня, хочу увидеть, что твои чувства никуда не делись.

– Мне больно на тебя смотреть. Столько лет сладости и боли одновременно. Не моя! Больно повторять, зато отрезвляет.

– Ничего не изменить – ты знаешь. Зато в мечтах, в мыслях, душой – я только твоя.

– Боже, как хочется прикоснуться, узнать вкус твоего поцелуя... Ты порой так близко, что я едва сдерживаю свои руки, губы... попытка.

– «Нельзя», – кричат все мои мысли, когда я смотрю, как ты выходишь из кабинета, когда наблюдаю сквозь окно, как ты садишься в машину, когда напоказ демонстрируешь мне свою спутницу, когда улыбаешься сотруднице из соседнего...

– Прости. Устал, хотел, чтобы ты разозлилась, хотел уви-

деть ревность, получить доказательства небезразличия.

– Жестоко! Получил?

– Да. В злости твои глаза похожи на расплавленную сталь, а твой взгляд больше пощечины.

– Не смей так делать, слышишь!

– Не могу, ты каждый вечер возвращаешься к нему. Его целуешь, просыпаешься в его объятьях по утрам. А что остается мне? Только наблюдать, только перекидываться незначительными фразами. И это в то время, когда хочется кричать о своих чувствах, сжимать тебя в своих объятьях и пить твою взаимность. А вместо этого приходится осознавать, что даже низкого звания любовника я никогда не получу, твое воспитание и гордость не позволят.

– Именно они спасают нас от причинения боли близким людям.

– Не только, еще они убивают меня, медленно. Ты мой мучительный убийца.

– Прости. Завтра?

– Завтра отделом отмечаем Новый год.

– И я смогу совершенно законно греться в твоих объятьях, изображая ничего не значащий танец между двумя коллегами по работе...

Эля пропустила все это сквозь себя на одном вдохе и вздрогнула. «Бедный-бедный Лем, как же ты влип. Олег говорит, что с моей смерти прошло уже много лет, а ты все еще влюблен в свою Снежную королеву. Какой же ты оказался

сильный, несчастный и счастливый одновременно».

Девушке очень хотелось поговорить с другом, но он сделал все, чтобы хотя бы во сне остаться наедине с любимой. Эля еще раз окинула взглядом художественный беспорядок волос, подвижное эмоциональное лицо и не задумываясь прыгнула вниз, прямо в неизведанную облачную даль под ногами. Змейка радостно ухнула следом, вцепившись в мочку Элиного уха, отрывать ее пришлось уже на лету. Хорошо, что навязчивая спутница оказалась неядовитой.

8

– Быстро осваиваешься, – буркнуло Нечто, когда они ввалились в разноцветное мягкое пространство, заполненное нежными мужским и женским голосами.

– Он был слишком занят и ничем не помог бы.

– Знаю. Кстати, куда это ты нас уронила?

Змейка соскользнула с пальца и нырнула во что-то нежно розовое, источавшее жутко знакомый аромат. Эля принялась и прислушалась, а потом зачерпнула горсть чего-то бело-голубого, невесомого, больше всего походившего на пушинки одуванчика.

– Ммм... детский сон, – невольно улыбнулась девушка. – Чувствуете? Пахнет молоком. И голоса, слышите? Папин и мамин. Это же просто.

– Нашла перед кем щеголять догадливостью. Да я поми-

мо твоих кошмарных гробниц и душегубок толком ничего не видело. Может, хоть теперь поймешь, почему необходимо меня освободить. Я бы с большим удовольствием поселилось где-нибудь здесь.

– Тебе сюда нельзя, испугаешь маленького. По возможности веди себя тихо и незаметно.

Нечто назло сорвалось с плеча девушки и пронеслось по разноцветному пространству черно-серой кометой, врезаясь в сугробы невесомого пуха и оставляя за собой осыпавшееся с неба волшебство. Эля испуганно затаила дыхание. Но, судя по тому, что сон не растаял, ребенок не испугался и не проснулся, тем более что в воздухе приглушенный голос запел красивую колыбельную, кажется на испанском.

Эля опустилась прямо в сугроб разноцветного пуха и глубоко вдохнула, заполняя детским счастьем легкие.

– Как здесь хорошо! Моему сыночку, наверное, тоже снились такие сны.

– Чушь. Он сам сон. Сны не могут создавать сны.

– Зато он их мог видеть и во сне и наяву. Кто он – мой мальчик?

Не было даже крохотной надежды на то, что Нечто будет отвечать, она задала вопрос совершенно бездумно. Но, несмотря на явную неохоту, ответ все же прозвучал:

– Он персонаж множества снов, порождаемых большим количеством людей, как то бесконечное падение в никуда, в котором мы недавно побывали. Он – создан женщинами, ко-

торые хотели родить сына. СобираТЕЛЬный образ тысяч подсознаний.

– Хи-хим-ха-хам, – вмешалась Слипри, – тяжело, наверное, изо сна в сон встречать новую маму, а затем терять ее.

– Бедный мой мальчик, – ахнула девушка. – Он просто искал маму, настоящую, ту, которая будет с ним всегда, а не временно на один сон.

– Тьфу, неужели не мог подобрать кого-нибудь получше!

Девушка не знала, почему Эмиль выбрал именно ее, и вряд ли трехлетний ребенок-сон когда-нибудь сможет это вразумительно объяснить. Но зато теперь стали понятны события прошлого и страхи сестры во время беременности. Эмиль пришел к Эле через Иру, поскольку, как сказала мадам-экстрасенс, девушка физически неспособна была родить ребенка.

– Как же его найти?

Эля обняла себя руками и сдула разноцветные пушинки с колен.

Колыбельная плела красивый звуковой узор, девушка не понимала слов, как не понимал их новорожденный хозяин сна, но это было и не нужно, вся нежность и любовь матери к ребенку заключалась в голосе, в интонациях, в окутывавших пространство сна нежных чувствах. Усталые глаза закрылись сами собой, безмятежный сон ребенка с радостью позволил спать прямо в его пространстве, да и те пространства, что сменили его, когда он закончился, тоже не сопротивлялись

сну во сне.

Девушка так вымоталась, что совершенно не реагировала на то, как время от времени все вокруг менялось. Не проснулась, когда вместо мягкого пуха под ней оказался колкий стог соломы из приснившейся какому-то подростку летней жатвы. Ее дыхание не сбилось, когда змейка плотнее обви-лась вокруг ее пальца, реагируя на заволакивавшую дымку почти безобидного кошмара из сплошных голосов, но без зрительных образов. И даже не шелохнулась, когда рядом промаршировал кадетский полк, выкрикивая в морозный воздух залихватскую песню. Подскочила, только когда атмосфера нового сновидения принесла с собой невнятный лепет Эмиля.

Ребенка здесь не оказалось, просто чье-то подсознание постепенно пробуждало засевший где-то глубоко материнский инстинкт. Нечто, носившееся все это время по пограничным снам в поисках Элиного, тут же оказалось рядом. Утешать, естественно, не стало, просто рывкнуло, что во многих женских снах можно при желании отыскать упоминания об Эмиле, он ведь для этого мира давно стал чем-то вроде символа, олицетворявшего любое проявление желания иметь дитя. И если каждый раз реагировать бурными рыданиями, придется ходить по щиколотку в воде.

Вставать и двигаться дальше девушке пришлось уже в окружении темного сырого утра, благо, оно не стало задерживать странную процессию, пересекавшую его необъятные

просторы. Как не стали этого делать и последующие сны, слившиеся для Эли во что-то единое, с трудом запоминавшиеся. Сколько их она прошла, сказать трудно, она давно сбилась со счета и перестала замечать границы между ними. Завершенные события или действия встречались не так уж часто, в основном вокруг мелькало что-то неосознанное, размытое по краям видимости, с обрывками лиц, иногда голов. Но лучшеуж так, чем когда встречались кошмары. Порою, окончательно устав, девушка едва передвигала ноги, и тогда приходилось делать временные остановки. Такие моменты чрезвычайно раздражали Нечто, но после четвертого или пятого оно смирилось и, пока Эля отдыхала, неустанно шныряло по соседним снам в поисках чего-нибудь полезного. И полезное не заставило себя долго ждать, только оказалось совершенно не тем, чего ожидало Нечто.

– Хватит. Сколько можно сидеть на одном месте! На этот раз мы и десятка снов не прошли, а ты уже свалилась от усталости.

– Вспомни тех волкодавов, я же еле спаслась, – попыталась возразить девушка.

– И не спаслась бы, просто школьница вовремя проснулась.

– Как ты определило, чей сон, ведь создателя в нем не было?

– Глаз наметан.

Эля покачала головой, она уже мало-помалу привыкала

к этому миру и прекрасно видела, что угадать, кто является хозяином сна, в большинстве случаев очень трудно. Даже просто пол определить, не говоря уже о возрастной категории. Подсознания людей оказались похожи на актеров с сотнями личин: только разгадаешь одну, за ней всплывает вторая и третья, и так до бесконечности. Разнузданные стриптизерши, которые недавно продефилировали мимо, могли привидеться как неудовлетворенному мужчине, так и ссохшейся старушке, оставившей за плечами шальную молодость. А мягкие плюшевые игрушки мог с успехом скопировать в свой сон как ребенок, так и инфантильный юноша с множеством комплексов и строгой мамочкой в соседней комнате. В какой-то момент Эля даже пожалела, что не выбрала когда-то стезю психолога, сейчас понимала бы больше и некоторые из сдерживавших ее снов преодолевала бы с легкостью.

– Я здесь давно, – смилостивилось Нечто, – подмечаю больше, а может, просто чувствую. Да и в людях разбираюсь получше, чем многие в твоём мире. В вашем мире все скрыто, а у нас на поверхности, только надо научиться читать то, что видишь.

Еще пошатывавшаяся от усталости, девушка встала на ноги.

– Возьми правее, через соседний сон можно будет двигаться не твоими двоими, кстати говоря мало на что годными.

– Кому-то приснился поезд или метро?

– Ну ни грамма фантазии. Странно, а вот кошмары у тебя всегда получались изощреннейшие, – как всегда недовольно буркнуло Нечто.

Пройдя сквозь невидимую границу в соседний сон, девушка долго таращилась на предполагаемое средство передвижения. Просто раскрытый зонтик, совершенно обычный, розовый, с пластмассовыми спицами, зато двигался он без посторонней помощи, отталкиваясь ручкой и покачиваясь на ходу из стороны в сторону.

– Давай забирайся, – скомандовало Нечто. – Он медленный, но это лучше, чем постоянно останавливаться на твои затяжные передышки.

– Он же подо мной развалится, – отказалась девушка, проходя мимо.

– Куда? Стоять! – цепкий холодок Нечто удержал ее на месте. – Ты не в мире богов, сколько можно объяснять, пора бы уже освободиться от правил, которые здесь действуют не всегда.

Если бы Эля не устала настолько, что каждый шаг грозил неминуемым падением, она не допустила бы даже мысли о том, чтобы забраться на хлипкий с виду, к тому же двигавшийся зонтик. Пришлось напрыгивать. На столь комичное зрелище Слипри не преминула ответить раздражавшим хохотом.

Вопреки опасениям, зонтик выдержал далеко не хрупкую

Элю с легкостью. Распластавшись по розовой ткани, девушка с трудом приняла более или менее удобное положение, подогнув под себя ноги. Благо, его поверхность оказалась очень шершавой и ткань Элиного скафандра по ней не скользила. В голову девушки забралась мысль о том, что только чье-то воспаленное воображение могло изготовить зонтик из розовой наждачки. Но мысль, похоже, случайно забежала на огонек, например из головы Яноша, поскольку человеческой жизни Эля и сама была способна изобразить такую нелепость.

Притомившаяся змейка, поистратив неугомонное веселье, соскочила с Эли и, обвившись вокруг розовой ручки, карикатурно захрапела, делая вид, что спит уже давно. А зонтик, покачиваясь и не сбавляя скорости, монотонно двигался дальше.

– И куда он меня несет? – спустя некоторое время спросила девушка, покрываясь мурашками от подступившего холода.

Из-под земли стал просачиваться синий вязкий туман.

– Какая разница? Ты бы направилась в другую сторону?

– Даже не знаю, наверное, нет разницы, как именно пройти этот сон, главное – пройти. Жаль, что зонтик останется здесь. – Эля уже привыкла держать равновесие на оригинальном средстве передвижения и стала даже получать удовольствие от мерного покачивания.

Нечто недовольно ворчало, снова предсказывая долгие

Элины передышки.

Туман все ближе жался к теплой коже девушки, отдавая предпочтение открытым участкам, не прикрываемым тканью скафандра. Под его прикосновениями становилось все неуютней и холоднее.

– Это снова кошмар?

– Да.

– Ну почему в человеческих снах так много тумана? – девушка поежилась, предвкушая развитие событий.

– Ты у меня спрашиваешь?! Кто тут человек в конце концов? Ах да, бывший человек.

Видимость снизилась до нуля, и Эля ждала подвоха от каждой секунды пребывания в этом месте, но зонтик плевал на потенциальные опасности и нес ее все дальше и дальше в вязкую влажную тьму.

Девушка ждала кошмаров от тумана, но он только настойчиво и любопытно ощупывал ее, а монстры все ниоткуда не выпрыгивали. Наверное, Эля еще долго не понимала бы, почему Нечто уверенно назвало этот сон кошмаром, если бы ей не стало так трудно держаться в сидячем положении.

Вдруг показалось, что на плечи накинута тяжеленная одежда, прошитое свинцовыми пластинами. Дышать стало трудно, шея устало согнулась, роняя неимоверно тяжелую голову на грудь, а покрывавшиеся прямо на глазах морщинами руки задрожали. В груди поселилась огромная склизкая жаба, издававшая жалкие хрипы. В одно мгновение состарившееся

Элино тело распласталось по поверхности зонта, как влажная тряпка, вобравшая в себя слишком много воды. Синюшно-грязные пряди волос лягнулись на плечи, в них больше не осталось ярко-молодого фиолетового, а вместе с цветом утекала и жизнь. Выцветшие старушечьи глаза взирали на мир сквозь мутную пелену. Но тяжелым, неповоротливым и обрюзгшим стало не только тело, но и разум, теперь работавший с перебоями.

Эля плохо слышала, что кричит ей Нечто, частичная глухота поселилась в ней вместе с остальными прелестями старости, например болью в суставах и равнодушием. Ну кричит и кричит. А что? Да какая, в сущности, разница. Все стало так безразлично, что даже держаться на зонтике стоило невероятных усилий, прилагать которые Эле и близко не хотелось.

Но зато шмяк об землю немного привел в чувства заросший плесенью мозг. И к нему наконец пробилась возгласы Нечто.

– Граница недалеко, надо только добраться! Если ты тут сдохнешь от старости, я навсегда останусь мучиться в твоих кошмарах!

Эле показалось или в голосе этого сгустка темноты звенела истерика?

– Да шевелись же!

Нечто металось вокруг девушки-старушки, но подтолкнуть или подхватить ее не удавалось, законы сна не позво-

ляли вмешиваться. А Эля, неспособная встать, раскинулась на земле и заостеневшей рукой вцепилась в ручку зонтика, пытавшегося вырваться и продолжить свой путь, но куда там, артритные суставы уже заклинило в сомкнутом состоянии.

Сонная змейка ошарашенно озиралась, Эля отдавила ей хвост, соскальзывая с зонтика.

– Сделай что-нибудь, – заорало на нее Нечто, – она сейчас подохнет прямо здесь и твое веселье закончится. Где ты еще найдешь развлекающую тебя дуру?

Ошалевший взгляд Слипри зацепился за ссохшееся тело старухи, и она тут же запрыгала вокруг, дергая ту за пакли волос. Толку от нее было мало, и запаниковавшее Нечто заорало что есть силы в морщинистое ухо девушки «Эмиль» на все лады, во всех возможных интонациях.

Странное, давно забытое имя проскочило прямо в едва бившееся старческое сердце, а морщинистая рука потянулась куда-то вперед. Древняя старуха и сама не понимала, почему имя производит на нее такое сильное впечатление. Она все пыталась вспомнить, где его слышала, но это было так тяжело. Рука продвинулась еще чуточку вперед, и костлявое колено оттолкнулось от земли, немного смещая неповоротливое туловище. Нужно было что-то более действенное, способное заставить чуть живое тело двигаться. До границы власти тумана оставалось несколько метров, но его липкие щупальца состаривали Элю быстрее, чем она двигалась к следующему сну.

Метавшееся вокруг нее Нечто превратилось в испуганный бесполезный смерч, который вобрал в себя и с визгом вращавшуюся в его просторах змейку.

Спасение пришло оттуда, откуда ждать его не пришло бы и в голову. Из соседнего сна тоненькой струйкой просочился запах пластилина, сдобренного клубникой, и старушечьё сердце дернулось под ребрами.

– Эмиль! – шепнули потрескавшиеся до боли бескровные губы, и Эля поползла на этот запах, преодолевая бессилие, боль и дряхлость.

Но когда она вынырнула из гущи тумана, получив вместе с новым сном в подарок прежнее молодое тело, оказалось, что из тумана ее что-то не выпускает. Левая рука все еще держала зонтик артритными пальцами, и молодое тело в новом сне никак не могло вернуть собственную кисть из составившего тумана предыдущего сна, и все потому, что зонт принадлежал туману, а скрючившуюся Элину руку заклинило мертвой хваткой на его рукоятке.

– Нечто! Что делать? Я не могу выдернуть руку.

– Я, что, справочное бюро? Откуда мне знать.

Первой мыслью девушки было вернуться обратно и высвободить руку, но страх снова состариться прямо на глазах накрыл душной волной, не давая не то что шагнуть обратно, а даже всунуть в туман уже снова молодую правую руку. Туман пах сыростью, а на границе, где находилась Эля, смешивался с клубнично-пластилиновым запахомво что-то

не особо приятное. Девушка сморщила нос, старательно отворачивая голову от мерзкой душистой сырости. От противного сочетания запахов свербило в носу, и Эля поняла, что, если срочно что-нибудь не сделает, сойдет с ума от этой вони прямо на границе снов раньше, чем придумает, как вернуть себе молодую руку. Впридачу ко всему Слипри вдруг вздумала лбом пихать ее пониже поясницы, притом что Нечто и так старалось ее вытолкнуть, сильно давя на лопатки.

Стойкий клубничный аромат никак не вытягивался из застарелой сырости тумана, и тогда Эля решила добавить сладости в туман, изменить пропорцию запахов так, чтобы заглушить ароматом клубники запах тумана. Она собрала аромат, напоминавший о сыне, отовсюду откуда только смогла достать: из-за спины, где что-то едва слышно шуршало, сверху, где снова не оказалось никакого неба, и запустила его по границе двух снов. Граница задрожала как живая, и хотя видеть ее Эля могла только по кромке тумана, с удовольствием почувствовала, как химический запах пластилина обволакивает ее руку, а вместе с ней и зонтик, как ягодный аромат вытесняет запах сырости, как дышать становится приятней. А вместе с этим свободу почувствовала левая рука девушки. Но когда она почти выдернула ее вместе с сопротивлявшимся зонтиком, за спиной раздался истошный вскрик.

– Ты сума сошла, сейчас же прекрати!

Но остановиться девушка все равно бы не успела. С противным чавкающим звуком зонтик вырвался из тумана, за-

хватив с собой приличный кусок, Слипри по инерции полетела вперед, а Эля, не удержав равновесия, шлепнулась на землю и, продолжая цепляться за пластмассовую розовую ручку, заметила, как фрагмент тумана тает, обращаясь в дымное облачко.

– Батюшки-светы! – взвизгнули за спиной.

Голос принадлежал пожилой женщине в смешном чепце, украшенном персиковыми лентами, и в мягких тапочках на босу ногу, в простого покроя одеянии, больше всего напомиравшем кружевную ночную сорочку.

Встревоженный взгляд женщины переместился с исчезнувшего облачка пара на сидевшую в нелепой позе девушку. Нечто спряталось за спину, змейка уменьшилась и привычно замерла на пальце, изображая предмет бижутерии, а фиолетовые пряди, еще три минуты назад буквально стоявшие дыбом от возбуждения, заплелись в две строгие тугие косы и примерно опустились на плечи. Чтобы зонтик перестал рваться из рук, Эля сделала первое, что пришло в голову: сложила его и засунула под мышку; как ни странно, это помогло.

Женщина не походила на персонажа очередного кошмара, уж слишком вокруг приятно пахло, но в этом мире так быстро все менялось.

– Кто вы?

– Я-то? Это ты откуда свалилась на мою голову? Детка, разве непонятно, что нельзя тащить что попало из кошмаров

в благополучные сны? Мало ли какая холера может перекинуться, и что потом получится?

Краем глаза женщина все еще следила за местом, где недавно растаял сгусток тумана, и, только убедившись, что ничего в ее сне не меняется, облегченно вздохнула.

– Простите... я не специа... моя рука застряла, – замямлила Эля, сжимаясь под взглядом внимательных голубых глаз.

– Так что ты за ком с горы, милая? И как умудрилась его сюда затащить? – кивнула женщина на зонтик.

Но ответить Эля не успела, вклиниться между фразами женщины оказалось проблематично.

– Давненько я не видела бывших людей. Судя по всему, ты тут недавно. Не нашла еще, наверное, себе постоянный сон.

Девушка лишь хлопала глазами, пытаясь переварить сказанное.

– Поднимайся, хватит греть песок, он и так теплый.

И действительно, Эля только сейчас сообразила, что под ней шуршит что-то белое как мел, а когда встала и обернулась, перед ней предстало зрелище, от которого перехватило дыхание.

В лучах солнца, которое заходило тут вот уж который век и все никак не могло закатиться за горизонт, сверкал миллиардами песчинок огромный замок из все того же белого песка. Правда, выстроен он был небрежно, словно вылеплен рукой ребенка. Легкий ветерок сдувал с бойниц башенок свер-

кающие песчаные струйки, а затем заносил их с другой стороны, подправляя стены.

Нечто уже унеслось куда-то ввысь, в направлении осыпавшегося песчинками флага, водруженного на высоченном флагштоке. Эля давно уже решила для себя, что сварливое создание обладает неистребимой тягой к прекрасному, которым, увы, ее кошмары похвастаться не могли.

Слипри, не теряя зря времени, соскочила с Элиного пальца и тоже рванула осматривать новое место дислокации, ее гибкое тело, забавно извивавшееся в воздухе, вызывало невольную улыбку. И только фиолетовые прядки все еще побаивались хмурившуюся женщину и строили из себя тихоню.

– Они ничего не испортят, – виновато потупилась девушка, обращаясь к женщине, которая почему-то нагнетала в ней старые страхи, связанные со строгими и непомерно требовательными преподавателями.

– Да-да, им это и не удастся. Он вечен, – пафосно произнесла женщина, направляясь к замку. В ее голосе чувствовалась такая гордость, будто она собственноручно вылепила его из нескольких тонн сверкающего белоснежного материала. – Идем, душенька. Ты, конечно, как снег на голову, но думаю, приготовить для нас достойный ужин эти олухи все-таки успеют.

Девушка не чувствовала голода, кажется, сон не предполагал наличие пищи, но если уж дама так настаивала, то по-

чему бы и нет.

Со стороны замок казался нежилым, вокруг царила такая тишина, что можно было различить мельчайшие полутона звука пересыпаемого песка. Но чем ближе они подходили к внушительному мосту, перекинутому через несуществующий ров, тем чаще девушка стала замечать в окнах песчаного замка появлявшиеся и исчезающие силуэты.

Внутри все было именно так, как внутри сделанной из песка детской забавы, – то есть совершенно пустое пространство без мебели, дверей и жителей.

Заведя Элю в один из обширных залов с узкими продольными окнами высоко под потолком, дама предложила располагаться поудобнее. И так как в интонациях дамы звучал властный тон, а стульев не обнаруживалось, девушка примостилась в уголке на горке ссыпавшегося со стены песка.

– Итак, милочка, ужин будет через пару минут.

Она хлопнула в ладоши, и полупрозрачные фигуры, то появляясь, то исчезая, пронеслись по залу. Все маленького роста, босоногие, и все источавшие знакомый Эле аромат клубники и пластилина. Это были привидения детей, они обжиwali сказочный замок, и сгустком неупокоенных душ парили по всему обширному пространству песчаного строения. Неудивительно, что все здесь пропахло детством.

– Кто это?

– Ах, дорогая, к чему вдаваться в родословные. Поверь мне, они все грязных кровей, не стоящих внимания. Но за-

мок приютил их, пусть всем будет известно мое великодушие, – дама изобразила некий жест, словно батистовым платочком промокала уголки заслезившихся глаз. – Ну, не будем об этом, угощайся.

Она щедро обвела рукой пустоту перед Элей, будто стол, ломившийся от изысканных яств, и девушка послушно изобразила в руке несуществующую вилку, а потом размеренно ей заработала, в традициях лучших званых ужинов.

Дама некоторое время наблюдала за ней с умилением и тоже принялась за несуществующую еду, только в ее руках, кажется, еще оказался «нож из столового серебра».

– Лососина сегодня отменная, – спустя некоторое время протянула она, аккуратно вытирая пальчики «полотняной салфеткой», наверняка украшенной вензелем родовитой семьи. – Правда, аппетита, как всегда, нет, но ты, дитя, надеюсь, этим не страдаешь?

– Все очень вкусно, спасибо.

Периферическим зрением Эля уловила, что сбоку снова замелькали детские силуэты, но едва укоренившийся в ней страх, что все вокруг – кошмар о мучениях маленьких детей, сбился громким смехом. Судя по всему, привидениям тут неплохо жилось. Осознав это, девушка с облегчением выдохнула.

– Вы хозяйка сна?

За плечом тут же материализовалось Нечто, пробуркав что-то о неиссякаемой глупости.

– Если ты имеешь в виду создателя сна, то боюсь тебя огорчить, мне вряд ли приснилось бы такое великолепие, – она обвела восхищенным взглядом сверкавшие стены. – Я долго скиталась, прежде чем нашла это чудесное место, свой дом. Тебе, кстати, тоже советую заняться поисками. Кто бы знал, каких ужасов я насмотрелась, какие пакости и боль пережила, прежде чем сюда попала. О, как же он ненавидел меня, я даже в благообразных нарядах ему не снилась, – дама стряхнула с ночной рубашки несуществующие крошки. – Хотя, с другой стороны, кто знает, где бы я была, не зародись в нем столько ненависти ко мне.

Эля почти сразу потеряла нить размышлений дамы, но потихоньку начинала кое о чем догадываться.

– Вас кто-то сматрицировал, как и меня?

Дама расширила глаза от удивления.

– Милочка, говори, пожалуйста, понятными словами. Я тут, конечно, многого навидалась, последний посетитель из соседнего сна с ушами и бровями, полными сережек, окончательно утвердил меня в мысли, что время стоит на месте только здесь. Но надо же делать скидку на мой возраст, воспитание и эпоху, из которой я пришла.

– Вы оказались здесь после смерти, потому что кому-то очень четко снились? – поправила Эля формулировку.

– О да! Он был красив и очень богат, поначалу...

В такие моменты говорят, что взгляд подернулся пеленой воспоминаний. Куда там, все было гораздо серьезней:

Эле показалось, что прямо в глазах женщины она видит картинки прошедших событий. Утонченного красавца голубых кровей и смешливую пышечку с алыми яблочками-щеками.

– ...а я вышла за его брата.

– Так, может, вы здесь не по прихоти ненависти, а по велению любви?

Хихиканье пожилых женщин обычно не очень приятно, но в раздавшемся смехе сквозили молодые задорные нотки.

– Ишь чего надумала. Все было с точностью да наоборот. Мое приданое досталось его брату, а он был вынужден всю жизнь смотреть на наше благополучие через свое банкротство. Да, надо сказать, он никогда не умел вести дела, я не раз ему об этом говорила...

Детские смешки и топот маленьких ножек по песчаному полу вырвали Элю из пластов чужих воспоминаний. А потом откуда-то сверху свалилась змейка, переливаясь в лучах заходившего солнца, и, скручиваясь пружинкой, запрыгала перед дамой на хвосте.

– Слипри, не надо пугать нашу гостеприимную хозяйку.

Но змейка едва ли что-то слышала, она тут же заскользила вслед за удалявшимися детскими силуэтами, присоединя свой безумный смех к их странным играм.

– Забавные у тебя питомцы, – ничуть не удивилась дама. – А зачем тебе этот, с позволения сказать, сгусток страха из кошмара? – аккуратно показала она пальчиком за Элину спину.

Из-за плеча послышался неразборчивый рык.

– Они мне помогают искать сына.

Нечто окатило девушку холодным презрением, показывавшим, что всем вокруг глубоко наплевать на ее отпрыска.

А дама, кажется, на время истощила запас красноречия. До следующего приступа говорливости как раз втиснулся рассказ о том, почему и зачем Эля сюда пришла. Дама благообразно сложила чуть тронутые старостью руки на коленях и время от времени испускала восторженные возгласы, но тут же, ловя себя на бестактности, прикрывала ладошкой губы.

– Боже, как это романтично, – порою не сдержавшись восклицала она.

А песчинки скрипели под ногами, и даже, кажется, нашептывали даме свою трактовку событий.

– Ах дорогая моя, чем же я могу помочь?– всплеснула она руками, когда Эля закончила. – Твой золотой ребенок ни разу ко мне не забегал, хотя я слышала о нем. Не хотелось бы расстраивать, но твоя ручная гадюка права – этот мир непригоден для поисков кого бы то ни было. Одни сны появляются, другие исчезают, лишь немногие остаются навсегда, как этот. Ты можешь идти в одну сторону, а твой ребенок падать сквозь сны или лететь вверх совсем в другую. Мой тебе совет, найди для себя, как и я, вечный сон, останься в нем и наслаждайся покоем. Ты уже убедились, что здесь на каждом шагу поджидают ловушки и опасности, ты можешь вечность их преодолевать, а толку от этого ни грамма.

– И давно вы «наслаждаетесь покоем»?

– Хм... как тебе сказать... когда я умирала, врач приехал в повозке, запряженной лошадьми, а вот вчера во сне по левую сторону от основной башни я видела гудящий металлический ящик с красным полумесяцем наверху, из которого достали забинтованного человека.

– И вы никуда не выбираетесь отсюда?

– А зачем? После того как натерпелась столько страхов? Я люблю звуки моря, вкусную еду и запах настурций из моего сада. К чему мне испытывать ужасы чужого разума? Я уже слишком стара для таких экспериментов.

Эля недоуменно оглянулась. Стоит ли говорить, что в этом сне не было еды, цветов и уж тем более моря, только бесконечно заходящее солнце, барханы песка и одинокий замок среди них.

– Правда, иногда я заглядываю за границы, посмотреть, что творится по соседству. Вот вчера, к примеру, видела пальцы для вышивания в соседнем сне без хозяина, а мне бы они оченьгодились, жаль, что нельзя из сна в сон переносить нужное.

Не сговариваясь, они обе усталились на зонтик, все еще торчавший у Эли из подмышки.

– Как ты это сделала?

– Ммм... не знаю, точнее знаю, но объяснить не смогу.

– Ну попробуй, пожалуйста, – заканючила дама совсем по-детски.

Эля вздохнула и попыталась облечь в слова то, что могла ощущать.

– Вы знаете, как пахнет беззаботность? – дама непонимающе залупала глазами. – А какой душок у страха смерти?.. Простите... думаю, не выйдет.

Поджатые губы дамы провели черту под данной темой.

– Принесите нам кофе, – властно объявила она в пустоту.

Снова замелькали размытые силуэты детей, которые нести, естественно, ничего не собирались, а вместе с ними в воздухе скакала как оглашенная Слипери, судя по всему, такое безумное веселье давненько не выпадало на ее долю. Привидения хохотали, подзадоривали друг друга, шептались о чем-то, взмывали под потолок, подхватывая с собой змейку, пока девушка и дама в затянувшейся тишине «пили кофе». Правда, Эля попыталась намекнуть, что не выносит данный напиток, но посчитала это невежливым, и теперь «пила» то, что предложили.

Прежде чем продолжить путь, а точнее выбрать его направление, Эля, по совету дамы, зашла за восточную башню, где начиналось царство другого сна.

Там женская фигура, не слишком различимая, размножившись на тысячи себе подобных, так, что казалось, сон заполняет толпа народу, извлекала из неопознаваемого музыкального инструмента завораживающие звуки, а история, что вторили в унисон струнам ее уста, завлекала, притягивала, вдохновляла. Эля надолго замерла, прислушиваясь.

Фантастику можно читать, можно писать, а еще... Женщины фантастику пела, а тысячи ее клонов усиливали эффект необыкновенного, непознанного.

Эля, просунув в сон только голову, вдохнула полной грудью его запах, вбирая в себя мельчайшие детали ароматной песни, и вдруг отчетливо поняла, что ей сюда не надо.

Следующий сосед сна, в котором жила дама, располагался прямо над высоким барханом белого песка, девушка могла до него дотянуться только рукой, поэтому не имело смысла даже пытаться в него забраться, – трамплинов на песчаных просторах не наблюдалось. Пришлось идти совершенно в другую сторону, пересекая белую пустыню, а дама осталась где-то за спиной и все смотрела вслед удалявшейся Эле, а потом что-то крикнула, и ветер покорно донес ее слова до девушки.

– Здесь неважно, куда ты идешь, важно лишь, что чувствуют боги.

Фраза дамы не прибавила полезной информации, зато натолкнула Элю на мысль, что, наверное, не просто так в этом мире сны совершенно различных людей располагаются вплотную друг к другу, это похоже на физическую реализацию коллективного бессознательного.

9

Когда Эля уже порядочно устала и едва волочила ноги через бесконечные дюны, Нечто рвануло вперед и раство-

рилось в пространстве, подымая тучу песка, сыпанувшего в лицо девушке. Песок скрипнул на зубах и растаял на языке приятной сладостью, барханы и замок оказались сахарными. Но сладость тут же сменилась чем-то другим, что взорвалось перед глазами снопом белых искр, – сон, граничивший с владениями дамы, закончился, едва Эля вступила в его пространство, но его место тут же заполнил другой, до горечи соленый. А девушка почувствовала, что больше не идет, а скорее плывет, хотя плавать в жизни не умела. А еще океан, так неожиданно поглотивший ее, источал ни с чем не сравнимый запах тополей.

Сон успешного сорокалетнего хирурга был властным, он не приемлел чужой воли и подчинял всех только своему сценарию, впрочем Эле не пришло бы в голову сопротивляться, ведь следующее плавное движение тела привело ее в объятия знакомых рук. Она не думала о том, как странно им вдвоем дышится под водой, а только осознавала, как изголодалась по этому сдвоенному дыханию. Океан погружал их все ниже и ниже, засасывая в равнодушную темноту, полную диковинных существ, и Олег вплетал в ее фиолетовые волосы прядки теплого течения и говорил, говорил, говорил. А его военная форма цвета хаки поддакивала.

– Не смотри наверх, – твердил необъятный океан.

– Действительно. К чему тебе это? – вторили кишевшие вокруг листки исписанной бумаги, изгибаясь, как крохотные манты.

Чернила с них смывались, наполняя соленость океана зеленовато-синим привкусом. А в голове Эли вертелась почему-то только мысль о непонятно куда девшемся шлеме от скафандра.

– Я нашел лекарство, ты не умрешь, останешься со мной.

Девушка хотела сказать, что давно умерла, но у сна был строго выверенный набор ее реплик. И вместо этого она ответила:

– Все хорошо. Видишь, я здорова, я здесь с тобой.

Фиолетовые пряди удлинились и обвили со всех сторон военную форму Олега, а потом вплелись в полотно ткани, добавляя ей яркости. Под формой тело Олега уродовали шрамы, Эля чувствовала их всей кожей. Он никогда не рассказывал, что окончание Военной медицинской академии ознаменовалось для него практикой в горячей точке, да и вряд ли теперь бы рассказал. Но сейчас она вдохнула весь ужас пережитого прямо из его подсознания.

Вдруг ее голос изменился.

– Это я вылечу тебя, ты будешь как новенький, – и слова, срывавшиеся с губ, окончательно перестали ей принадлежать, – ты забудешь ее.

Элино тело удлинилось, добавляя росту несколько сантиметров, приобрело тонкость и изящество, а волосы открепилась от головы и, скользнув мужчине под кожу, оплели его кровеносную систему. Вместо них образовалась короткая стильная стрижка.

Эля... а скорее уже не она, резко повернулась в любимых руках и страстно впилась губами в твердо сжатые губы Олега. Он не сопротивлялся, но напряжение мужского тела на грани отторжения чувствовалось очень остро. Эля вдруг сообразила, что это не она целует любимого, что здесь она всего лишь тень, тусклое воспоминание, которое безжалостная реальность годами вытесняет из его подсознания. К чему бороться, если по ту сторону сна есть та, кому он принадлежит. Она качает его детей, прижимается к его уставшим плечам, слушает его медицинские сказки и вдыхает его аромат, слыша уже не шелест тополей, а стройную мелодию из модной мелодрамы.

Элину натуру, понятия не имевшую о том, как что-либо отстаивать, могло отвлечь от апатичного созерцания только одно – тополиный дух океана заполнял все вокруг, а женщина в объятьях Олега пахла цветущим жасмином. Боже, сочетания этих ароматов она и в страшном сне никому бы не пожелала. Они настолько не подходили, конфликтуя, соперничая, что как можно быстрее хотели вытеснить друг друга. Только вот их обладатели понятия об этом не имели. Девушке захотелось крикнуть, напомнить Олегу о себе, но вместо этого она прижималась к нему все сильнее телом другой, ее мыслями, чувствами и ее губами. А он после некоторого промедления стал поддаваться этому нежному натиску.

Но по воле сна Эля сейчас составляла единое целое с этой женщиной, и, когда с губ уже сорвались слова, ей удалось

изменить интимное «Возьми меня!» в то, что кроме Олега никто бы не понял: «Вдохни меня!» Сон невероятно сопротивлялся, и даже столь незначительное искажение нескольких букв подняло в океане чудовищную бурю, и если в реальной жизни штормы и цунами можно переждать глубоко под водой, то в подсознании Олега таких лазеек не предусматривалось.

Вода вокруг потемнела, заколыхалась, завибрировала, заклокотала. А Эля попыталась заблокировать запах чужой женщины, образуя вокруг вакуум. Океан не позволял и с каждым движением рвал в клочья тонкую преграду. И неумолимо накатывало понимание, что на самом деле сражается Эля не с соперницей, а с подсознанием любимого человека. Но неожиданно оно поддалось; тополя, словно пыльную пленку, стряхнули с себя свежесть цветущего жасмина, и в то же мгновение Эля снова почувствовала себя собой. И с облегчением выдохнула, узнав свое отражение в растерянных зрачках Олега.

– Не могу надышаться. – Он прижал ее сильнее, прикоснулся лбом к ее лбу, предвосхищая то, чего девушке так хотелось.

Но сон больше не собирался терпетьхамское вмешательство, океан сжался до размеров чернильной лужицы и выдал Олега в реальность, а нарушительницу – в другое сновидение.

Секунду спустя девушка летела вверх, за ее спиной рас-

крылись сильные крылья. Многочисленная и шумная стая чирикала, галдела, а в ее центре с абсолютным восхищением в зрачках летел хозяин сна. Нечто и Слипри появились внезапно, словно из цилиндра фокусника. Первое вовсе стало отчитывать за то, что девушка провалилась в сон, в который ход остальным был заказан, ну а вторая бросилась строить из себя члена стаи. Думаю, не стоит объяснять, как выглядит синяя змея, с детским энтузиазмом строящая из себя перелетную птицу. Комментарии излишни.

Летать было несложно, перышки омывались потоками воздуха, а Эля прокаркала Нечто обо всем, что с ней произошло. Нечто впало в задумчивость. Девушка снова изменила ход сна, и не просто выдернула из него отдельную деталь, такую как зонтик, который сейчас болтался на сером полупрозрачном шлейфе Нечто. Она снова переписала сценарий сна, вмешавшись в чужое подсознание. Но еще больше удивляли навязчивые совпадения: во всем многообразии снов, созданных миллионами людей, сначала Элю настигло послание Олега, а вот теперь она совершенно случайно нашла его сон, не ища, не задумываясь. Тут было над чем поразмыслить, но Нечто не позволило это сделать, поскольку почуяло цель, как гончая собака, унюхавшая добычу.

Вытолкнуть девушку-птицу из стаи оказалось несложно, и она комком перьев вывалилась из воодушевляющей прелести полета в мерзость полуночного кошмара. Причем собственного кошмара.

Каждый шаг – боль, каждый шаг – страх. «Выньте меня отсюда. Я живая! Живая!» Еще бы, ведь вокруг были одни мертвецы, вмурованные в каменные стены, шипы, торчавшие из пола, и пыточные орудия, почему-то свисавшие с потолка. С этого момента Эля перестала любить сладкое, поскольку даже мертвечина отдавала мерзко сладковатым запахом.

– Что это? – едва слышно выдохнула она, и даже на шепот это не походило, скорее ультразвук.

– Каменный домик, – пискнула Слипри, пролезая в щель треснувшей плиты.

– Гробница фараонов, – поправило Нечто и в ответ на удивленный Элин взгляд уточнило:– То, как ты их себе представляла... в детстве.

Назвать это странное помещение с низкими потолками гробницей можно было легко, но вот, насколько знала Эля, фараонов хоронили в гораздо лучших условиях. Поэтому разрисованные цветными мелками стены в зайчиках и ромашках несколько обескураживали. Но зато в сочетании с выглядывавшими из проемов скелетами давали нужный эффект непередаваемой жути.

– Скажешь что-нибудь? – язвительно осведомилось Нечто, совершенно свободно чувствовавшее себя в этом «милом» местечке.

– Как отсюда выйти?

– Ага, размечталась. Никуда ты не пойдешь. Уничтожишь

все это как миленькая.

Стадо испуганных мурашек, уже некоторое время топтавшееся по спине девушки, при виде полуразложившегося трупa, валявшегося прямо под ногами, взвизгнуло и спряталось в голове.

«Ну вот, у всех нормальных людей тараканы, а у меня...»

А дальше началась экскурсия, и по сравнению с ней самая навороченная «комната страха» показалась бы тихой прогулкой по приусадебному участку.

Вкрадчивый голос Нечто из-за плеча повествовал:

– Видишь эти коготки? Всего-то полметра, не более, но когда проходишь мимо, они предпочитают встормляться в ...

Жуткий Элин вскрик взметнулся под потолок, она еле увернулась от костлявой руки с ошметками кожи, собравшейся, по-видимому, выцарапать ее сердце.

– И незачем так орать, я тут регулярно бываю, и ничего...
Нагнись!

Девушка послушалась, и это ее спасло от гигантской челюсти, выдвинувшейся из стены и клацнувшей гнилыми зубами прямо возле уха. Оказывается, холодный пот может капать прямо на пол, даже если температура окружающего воздуха понижается с каждым шагом и с потолка начинает сыпаться сталактитовый дождь, а бежать надо так быстро, чтобы выпрыгивавшие из разбившихся сосулек белесые создания не успевали вцепиться в щиколотки.

Над ухом хохотало Нечто в манере киношного злодея, то ли кого-то расчленявшего, то ли распиливавшего.

– И самое интересное! – вскричал «экскурсовод», выпихивая девушку за угол.

А там, покрытые язвами и трупными пятнами, работали ее родители. Мать надиктовывала какие-то формулы в трубку старомодного телефона, обрезанный шнур которого мотылялся в воздухе и искрил, как бенгальский огонь. Отец что-то паял в гигантском приборе, напоминавшем сразу и электрический стул и пылесос. В процессе время от времени он тыкал раскаленным паяльником в некое косматое измученное животное, жалобно скулившее на одной ноте, а затем оказавшееся плюшевым мишкой, с которым Эля спала в детстве.

Девушка схватилась за стену, собираясь бежать, но поскользнулась на чем-то липком, походящем то ли на гной, то ли на кетчуп, а возлюбленные родственники двинулись в ее сторону, скаля безгубые рты и окатывая смрадом.

Гибкое тельце змейки, вылезшее из стены, покрывало что-то тягучее и воняющее. И Эля не желала думать, в чем конкретно она изгваздалась и какие игрища только что устраивала.

– Убери этот сон отсюда! Сровняй его с землей! – в ухо заорало Нечто, видя, что нервы Эли на пределе.

– Не могу! – крикнула она в ответ.

Казалось, что девушка снова очутилась в детстве, и те

страхи, что годами дремали в сознании, снова заполнили мир до краев. Равнодушные родители, занятые только собой и своей наукой, медведь, выброшенный отцом в мусорное ведро с такой озлобленностью, что казалось, следующей в это ведро полетит маленькая дочка, старый паяльник, до которого она даже не дотронулась, но, случайно коснувшись отвертки рядом, долго сводила уродливый ожог с руки. Что от этого могло спасти? Да ничего. Кроме...

Она закрыла ладонями глаза и сжалась у стены, а затем воскресила в воображении Ирины ласковые руки, припечатывавшие страхи к стенам, давившие, сминавшие их. Оставлявшие после себя только вишневый аромат безопасности и покоя.

Невидимая волна, подстегнутая адреналином, оттолкнулась от девушки, опрокидывая засевших во сне мертвецов, обрушивая стены, сметая любые преграды на своем пути. Змейка на пару с Нечто едва успели зацепиться за девушку, ища защиты почему-то у нее – у источника разрушения. Бежать! Срочно! Но Эля не могла пошевелиться, над ее головой раскрылся соскочивший с увлекшегося Нечто зонтик и без усилий принял на себе вес рушившихся над девушкой сводов гробницы.

Когда Элин кошмар наконец лопнул и они плюхнулись в ледяную чернильную жижу, Нечто проворчало:

– Надеюсь, в следующий раз ты найдешь безопасный способ. Уничтожить сон, а не покончить жизнь самоубий-

ством, – чувствуешь разницу?

– Следующего раза не будет, – тихо возразила Эля, стараясь отдышаться и жалея спасший их зонтик. Путешествие по собственным кошмарам походило на американские горки с препятствиями на сверхзвуковых скоростях.

Но, несмотря ни на что, Нечто было так довольно, что, если бы имело руки, девушка бы поклялась, что оно их потирает.

– Сколько их?

– Чего?

– Моих кошмаров.

– Хм, когда ты закончишь со всеми, сама назовешь количество.

Эля даже представлять не хотела, через какой ад ее планируют провести, заставляя бороться с тем, с чем она не желала даже встречаться.

– Почему я так часто попадаю в свои сны и сны близких мне людей? Янош бы сказал, что, по теории вероятности, регулярно наткаться на них в таком огромном, постоянно изменяющемся мире просто невероятно.

Слипри, принимая грязевую ванну в большой черной луже, подернутой по бокам ледком, радостно отфыркиваясь, что-то пыталась сказать. Нечто втокнуло ее на глубину и высказало предположение, что либо они притягиваются к девушке, либо она сама каким-то образом привлекает, подманивает их.

– Значит, все, что я тут видела, могло принадлежать исключительно подсознаниям каким-то образом связанных со мной людей?

– Не жди ответа, нам неоткуда его взять. И хватит уже расслаживаться. Тебе, что, грязь по вкусу?

– Не хочу идти туда, – кивнула в сторону девушка, но все же поднялась на ноги. В отличие от заляпанной змейки ее скафандр остался совершенно чистым.

Нечто перегнулось через Элино плечо и посмотрело в указанном направлении.

– Что это там так слепит?

– Кажется, падает снег? – вздохнула Эля, холода ей и рядом с Нечто по уши хватало.

И действительно, неподалеку будто открывались ворота в другую реальность, кипенно-белую, словно вытравленную до хрустящего состояния. Но Эля решила для начала обойти по периметру грязную дорогу, на которой оказалась в поисках пути к другому сну. Ей почему-то показалось, что за завесой снега скрывается еще один из ее кошмаров, и она задрожала от предвкушения опасности.

Но пока она размышляла, в какую сторону пойти, неумная змейка уже доползла до белой границы и, оставляя серпантинообразный след, скрылась за невесомой завесой.

Волей-неволей пришлось отправиться следом. Не то чтобы девушка переживала за новоиспеченную «подружку», просто чувствовала перед ней свой долг за спасение из ког-

тей стеклодува. К тому же противное Нечто не позволило долго думать, а сразу же толкнуло Элю в спину. Она вывалилась за границу дороги и прокатилась по скользкому льду прямо на пятой точке.

Снег не падал, он парил в воздухе неподвижной взвесью, словно здесь время замерло, переводя дух или полноценно отдыхая от вечной работы. Эля обернулась, сзади остался ее четкий след, и не только на земле, но и в воздухе, словно кто-то прорубил в снеговой завесе коридор, по форме абсолютно соответствовавший ее телу.

В этом месте дремало не только время, но и разлапистые ели, посапывавшие из-под белых сугробов, и низко опустившееся небо, и совершенно теплый, не сочетающийся с окружающей зимой воздух. И только множество кошек, бродивших, задрав хвосты, в разные стороны, совершенно точно бодрствовали. В их вальяжных походках в блеске разноцветных шкурок было что-то королевское, высокомерное. И только появление Нечто вывело их из себя. Они вдруг разом изогнулись и встали дыбом, с неохотой пропуская Элю, несущую Нечто на себе.

Девушка пыталась не смотреть по сторонам, где отовсюду доносилось недовольное шипение. Она старалась не потерять из виду след Слипри и только надеялась, что той не взбредет в голову сменить ползанье на полет. Размеренные шаги как-то незаметно превратились в затяжные прыжки, словно сила тяготения постепенно уменьшалась. Так подлетать в воздух

и подолгу в нем зависать можно было только во сне или на планете с малым притяжением. Впервые за долгое время Эля радостно рассмеялась, поймав резную снежинку в нескольких метрах от земли. Но удивляло другое – стадо котов следовало за ней по пятам, оставляя, как и она, бесчисленные следы в неподвижно висевшем в воздухе снеге.

А потом оказалось, что ноги больше не хотят спускаться к земле, они нашли для себя совершенно другую опору: с первого взгляда могло показаться, что это очень неровные черно-белые ступени, беспорядочным прерывистым серпантинном разбросанные по воздуху, но потом стало ясно, что это клавиши клавесина, жившие собственной жизнью вне музыкального инструмента. При этом звуки, издававшиеся ими, при каждом касании Элиных ступней сплетались в божественную мелодию, в которую скакавшие следом кошки добавляли своими мягкими лапками полутонов и переливов. А непокорные фиолетовые волосы заплетались причудливым цветком в такт этой мелодии.

Каждый следующий шаг поднимал ее все выше, пока снег не остался далеко внизу, так что и не разглядеть, а вокруг разлилась захватывающая синева космоса. Тут ощущалось все то же тепло, а своенравные клавиши вели девушку к определенной, только им известной цели. Мимо пролетали незнакомые планеты, огромные звезды всех возможных оттенков, кометы, хвосты которых походили на скорпионьи жала. Постепенно музыка стала оглушать, а потом бить по

барабанным перепонкам и оборвалась, только когда Эля врезалась в какую-то странную конструкцию, установленную прямо посреди космического пространства. Что-то из разноцветных стеклышек, веточек и кусочков выцветшей ткани. Как это все держалось вместе, уму непостижимо. И, похоже, не только держалось, но и функционировало. Небритый человек в ночном колпаке и ежеминутно распахивавшемся халате, надетом поверх серых кальсон, бегал вокруг этого агрегата, что-то завинчивая, подкручивая и победно восклицая: «Колоссально!!!»

– Кхм, – попыталась привлечь к себе внимание девушка, закончив озираться.

Странновато было находиться посреди безвоздушного космического пространства, не видя под собой опоры, а только чувствуя ее. И смотреть словно через прозрачное стекло, как в иссиня-черную бездну падают бесчисленные звезды.

Но увлеченный своим занятием человек ничего вокруг себя не видел и не слышал, колпак уже давно скособочился, и огромная лапища мужчины теребила и без того всклокоченные на затылке волосы.

– Слипри! – позвала Эля.

Никто не откликнулся. Нечто хмыкнуло и пнулось мужчине прямо под коленки, это хоть на мгновение отвлекло его.

– Вы не видели маленького мальчика? – робко спросила Эля, наконец поймав его ошалевший взгляд.

Мужчина несколько раз непонимающе моргнул, и девуш-

ка принялась в подробностях описывать своего малыша: и кудрявые золотистые волосы, и голубые доверчивые глазенки, и крохотную родинку чуть повыше локтевого сгиба.

– Ты бы еще размер его обуви указала, – сплюнуло Нечто. – Очень информативно. Думаешь, тут регулярно пробегают толпы детей? Хорошо, если этот тип вообще знает, что такое дети.

Но взгляд незнакомца вдруг приобрел осознанность. Он завозюкалрукой по воздуху, одновременно комично приседая. Эля, склонив голову набок, изо всех сил пыталась расшифровать эту пантомиму. Ситуацию спасла сползшая со странного агрегата Слипри; оказывается, все это время она притворялась синей оплеткой окулярного стекла.

– Манюня, маленький... да-да, – протянула она.

Астроном вспомнил забытое слово и радостно закивал головой.

– Где? – тут же неуклюже подбежала к нему девушка, космос скользил под ногами, как стекло.

Мужской палец уткнулся в агрегат, кстати говоря, оказавшийся телескопом. Девушка переключила внимание на сюрреалистичную конструкцию, но, когда подошла ближе и попыталась дотронуться, астроном подпрыгнул как ошпаренный и, оттолкнув ее в сторону, сам принялся копошиться в недрах своего детища, снова что-то завинчивая.

«А если еще и начнет все это дорабатывать напильником...» – не к месту подумалось Эле.

– Где же я такое встречал? – забормотал астроном, заглядывая в окуляр и все еще показывая рукой приблизительный рост ребенка. – Там, где скрипели зубы... нет, в треугольном окне килобашни... а может, на пыльном помосте у нефтяных ворот...

Периферическое зрение девушки уловило какое-то движение, но это оказалась не очередная комета, а всего-навсего многочисленные кошки. Они разбрелись среди звезд, гордо покачивая хвостами.

А астроном все бормотал себе под нос, рьяно поворачивая цилиндрическую часть телескопа то в одну, то в другую сторону. Эля диву давалась, как это хрупкое сочетание ветши и стекла в его руках еще не развалилось. Он настолько увлеченно вертел головой вместе с цилиндром, что колпак слетел с взлохмаченной головы и спикировал к Элиным ногам. Радостная змейка с победным кличем тут же нырнула следом и вгрызлась в него, дико рыча, как заправская овчарка. Съесть не съест, но потреплет прилично.

– Вот... вот здесь, – раздался победный клич. – В этом месте м-а-л-е-нь-к-о-е существо и видел.

Эля тут же придвинулась ближе, надеясь, что астроном даст и ей посмотреть в телескоп, но он не особо торопился, снова заинтересовавшись чем-то в окуляре. А потом заохал как-то странно и задышал тяжело.

Девушка попыталась его потеснить, но он стоял насмерть, как скала. Еще немного безуспешно потолкавшись, Эля

обессиленно обратилась к Нечто.

– Проверю-ка я соседние сны, вдруг там твой кошмарик затесался, – увильнуло Нечто, не собираясь помогать, и унеслось вдаль, где звездные котыгут же приняли воинственные стойки.

Не найдя ничего лучшего, Эля выдернула колпак у Слипри. Ее расчет был верным, змейка, потеряв очередную игрушку, скользнула астроному под халат, и тот завизжал, защекоченный до умопомрачения. В таком состоянии его подвинуть не составило труда.

В телескоп четко просматривались качавшиеся над гладью воды качели, словно с них секунду назад кто-то спрыгнул.

– Он был там? – нетерпеливо крикнула Эля. – Слипри, оставь его!

Но змейка по собственной воле от забав не отрывалась, и астроном продолжал кататься по полу...ну, в смысле, по тому, что его заменяло в этом сне, и хихикал. Эле пришлось отрывать скользкую подружку от ненормального ученого.

– Был, был... – пытаюсь отдышаться, забубнил он.

Похоже, с подбором слов возникли проблемы. Не дослушав, девушка быстро направилась в нужную сторону. Она не знала, сколько ей придется идти, может, космос этого сна бесконечен и не выпустит ее отсюда, но осознание того, что она так близка к своему малышу, наполнило Элю непоколебимой уверенностью.

– Ммм... – раздалось невнятно из-за спины.

В ответ она только рассеянно передернула плечами, сейчас ей было не до змейки и Нечто, но голос принадлежал астроному.

Он снова пытался отыскать нужные слова в закоулках полусонного мозга:

– Н-не туда...

Девушка недоуменно обернулась.

– Показывает туда... – мужчина махнул рукой куда-то в сторону и вверх. – Он смотрит туда.

Оказывается, телескоп этого сна не только не был похож на телескоп, но и не имел понятия, как эти самые телескопы вообще работают.

Двигаться в указанную сторону оказалось нелегко, взбираться туда просто не было возможности. Тогда воображение Эли предложило добраться до качелей, находившихся над космическим пространством, через соседние сновидения. Ей показалось, что уж на финишной прямой никто ее не сможет остановить.

На ее пути лопались сны, люди просыпались и засыпали, заново возводя свои препятствия в виде кровавых банд, решавших свои вопросы огнестрельным оружием (от них удавалось спрятаться); в снах, пропитанных раем интимных откровений, смотреть по сторонам Эле было просто неудобно, и они со Слипери нашли выход: змейка зеленой повязкой обматывалась вокруг Элиной головы и прикрывала ей глаза, а

девушка двигалась на голос Нечто. Доверять Нечто в выборе направления движения было не очень предусмотрительно, но пока оно не унюхало поблизости Элиных кошмаров, такой способ передвижения вполне себя оправдывал. За исключением того, что Слипри громко комментировала все что видела.

Но сложнее всего приходилось, как ни странно, не с чужими кошмарами, а спотрясающе прекрасными снами, в которых хотелось задержаться, а порой и остаться навсегда. Загадочные постройки внеземных цивилизаций манили неразгаданными тайнами. Потоки теплого счастья топили Элю в ослепительно голубых небесах, ненавязчиво предлагая остаться тут навек и быть столь же беззаботной, как и их создатели. Бесчисленные ряды отражающих поверхностей, преобразовавших Элю в совершенную девушку, лик которой достоин кисти великого художника, заставляли останавливаться и подолгу взирать на идеал по ту сторону реальности. И куда только прятались ее легкая полнота, широко посаженные, придававшие ей нелепости глаза? Эля понимала, что вот такая бы стояла рядом с Яном совершенно спокойно и уверенно на своем месте.

Но на тех самых качелях, к которым она так стремилась из астрономического сна, она увидела девушку, присутствие которой рядом с собой одобрил бы сам Янош.

То, что из телескопа виделось водой, оказалось какой-то эластичной пленкой, сдерживавшей под собой нечто дым-

ное, мутное и ежесекундно вздрагивавшее. Над ней прямо из воздуха росли скрипучие цепи качелей, раскачивавшие небесное создание. Ее невозможно описать, ее нужно было видеть, а для Эли и это не являлось необходимостью, достаточно было вдохнуть струившийся во все стороны тонкий аромат совершенства. Ничего лишнего – идеал.

Сейчас она выглядела именно так, как Эля представляла себе безупречную девушку. Тонка и изящна, совершенно уверена в себе и окружающем мире, натуральное золото волос спускалось по плечам до бедер, и в сияющих прядях цвели крохотные лилии. (Элиной фиолетовой шевелюре не понравилось это зрелище.) Ее длинные ресницы тоже отливали золотом, а нежная персиковая кожа навевала на всех созданий женского пола черную зависть и мысли о самоубийстве. Из глубоких глаз смотрело не самодовольство, а пронзительность. Слишком много для одного-единственного создания красоты, ума и благородства, но все это, как ни странно, уживалось в ней и находилось в истинной гармонии.

– Ян, я нашла тебе избранницу!– Эля и сама не заметила, как произнесла это вслух. – Приходи, она то, что ты давно ищешь.

Диво дивное спрыгнуло с качелей и, ступая босыми ступнями, впрочем, столь же идеальными, как и все остальное, по волнам пленки направилось к Эле, одновременно певуче произнося слова:

– Не беспокойся, он нашел меня.

Боже, в ее голосе цвело столько глубины, страсти и нежности, что Эле захотелось испепелиться, чтобы не осквернять божество своим присутствием.

Подойдя вплотную, богиня взяла девушку за руку и потянула куда-то вверх, и Эля не сразу заметила, что теперь сидит на перилах балкона огромного особняка. А красавица устроилась рядом с изяществом величайших королей человечества, восседавших на своих тронах.

Нечто уже лежало в воздухе у ног красавицы, словно смиренное домашнее животное. Слипри замерла на Элином пальце, не смея пошевелиться, тараща глаза на чудо мироздания женского пола, хотя всех новых знакомых обычно предпочитала лично ощупывать.

– Ты знаешь моего Яна?

Богиня нежно рассмеялась, и от ее зачаровывавшего смеха все присутствовавшие вздрогнули одновременно, пропуская сквозь себя волну чистейшего счастья.

– Это ты знакома с МОИМ Яношем.

Эле показалось или в прекрасных глазах мелькнуло жесткое предупреждение? Предупреждение лично для нее и всех остальных, кто попытается присвоить себе холодного красавца.

– Я познакомилась с ним задолго до тебя, глупышка.

– Так ты...

– Здесь я задаю вопросы.

Эля умолкла, пытаясь сообразить, что происходит, и при

этом не ослепнуть от вида потрясающей собеседницы. Продолжать вот так беззастенчиво на нее пялиться было по меньшей мере невежливо. Хотя златовласое чудо нездоровое внимание окружающих, похоже, ничуть не смущало.

– Это твой сон, – тихо, почти шепотом констатировала Эля.

– Нет, это его сон, для меня, – и нескончаемое высокомерие из ее уст звучало как райская мелодия.

Внезапно Элино внимание привлек огромный бугор, вздувшийся на пленке, что-то пыталось прорваться наружу, приводя в ужас. В мутной дымке девушке привиделись искаженная гримаса боли и красные глаза с пожелтевшими белками.

Златовласка проследила за ее взглядом.

– Он сдерживает свои кошмары на расстоянии от меня. Боится огорчить или ранить. А вот ты что здесь делаешь? Ты и раньше попадалась в его снах. – Казалось, еще немного – и аккуратные коготки, посверкивавшие в свете восходившего солнца, вцепятся в Элино горло.

– Я ищу...

Но красавица не дала договорить, резко прижав нежный пальчик к Элиным губам.

– Идет. Спрячься. И если он даже случайно тебя увидит, убью.

В голосе звучало столько уверенности, что сомневаться не приходилось, и девушка послушно сползла за перила, увитые

густым кустарником.

Сквозь щели в них просматривалось, как красавица спустилась словно по невидимым ступеням туда, где прямо из воздуха появился Ян. Эля едва не вскрикнула, увидев друга, почувствовав, как истосковалась по нему.

К его появлению внешность красавицы несколько поменялась, впрочем оставшись все столь же совершенной. Золотые волосы собрались в высокий хвост, немного увеличились грудь и бедра, тело покрылось легчайшим оттенком загара, и по нему заскользила фиалковая материя сарафана.

Янош подхватил ее на руки и закружил, смеясь и говоря какие-то бредовые нежности. От удивления Эля зажмурила глаза, не веря в происходящее, но когда открыла, чудеса продолжались. Да чтобы Ян когда-нибудь вел себя настолько... да быть этого не может, и вообще ему не снятся сны, значит, это просто кто-то очень на него похожий.

А между тем двое внизу буквально купались в счастье и выглядели как одно существо – логичное продолжение друг друга.

Пока девушка предавалась сомнениям, из особняка выходили незнакомые люди, они рассаживались прямо на пленке и покачивались как на волнах на то взбухавшей, то прогибавшейся поверхности, занимали перила, за которыми пряталась Эля, о чем-то беседовали, торопились к границе сна, только чтобы, достигнув ее, сразу исчезнуть. Но красавице и Яну это ничуть не мешало, среди толпы народу, очень быст-

ро заполонившей пространство сна, они скользили взглядами по всем, но видели только друг друга. Они болтали, целовались, танцевали на темных волнах, до тех пор пока Ян не растаял в воздухе, очевидно проснувшись.

Красавица еще долго смотрела в точку, где он исчез, а затем как-то резко очутилась рядом с Элей. В ее внешность снова вернулись черты идеальные, на взгляд Эли, а фиалковый сарафан выцвел до слепящей белизны, удлинился, став туникой древнегреческой богини.

– Повторяю вопрос, – чересчур ласково начала она, – что ты делаешь в сне Яноша? – на последних словах голос ее сорвался до первобытной грубости.

– Ищу сына, – опасливо выползая из своего укрытия, произнесла Эля.

Красавица скептически приподняла совершенную бровь.

По лестнице в дом прошла мама Яна, и Эля чуть с перил не упала от неожиданности, но затем взяла себя в руки и уже не обращала внимания на появление их с Яном общих знакомых.

– Послушай, Злата! Тебя ведь так зовут? Ян тебя так называл. Я не собираюсь отнимать его. – Лицо красавицы потемнело от гнева, и Эля поспешила смягчить все то, что хотела сказать. – Он мой друг, в его сне я случайно, просто ищу здесь своего ребенка.

Последовавший поток поспешных объяснений был не особо внятными, но достаточно информативным. Во всяком

случае красавица расслабилась, а ее вдруг ставшие хищными черты снова приобрели мягкость. К концу рассказа она провела ладонью по шлейфу Нечто, устроившемуся на ее коленях, и агрессивный Элин попутчик едва не замурчал от удовольствия.

Любимая Яна оказалась еще и идеальной слушательницей.

Поняв, что любимая друга больше не вынашивает планов ее убийства, Эля немного расслабилась и позволила себе наконец задать вопрос:

– Только, по-моему, это не он. Ну, знаешь, ты уверена, что это мой Ян... (искры из ультрамариновых глаз были красноречивей любых слов)... ну, в смысле, твой, ну то есть тот Янош, с которым я дружила?

– Я уже говорила, что видела тебя в его снах. Какие еще могут быть подтверждения?

– Просто он... ну то, что я увидела, совершенно не соответствует его характеру. Все пятнадцать лет, что я его знаю, он такой сдержанный, расчетливый, неэмоциональный, а тут... – Эля указала на то место, где Ян еще недавно кружил на руках свою девушку, – да это уму непостижимо.

В ответ Злата задорно рассмеялась и приняла еще более соблазнительную позу (хотя куда уж больше...). Нечто хохотнуло в унисон, и даже Слипри, последнее время находившаяся в ступоре от небесной красоты Златы, издала какое-то бульканье.

– А ты? – Злата небрежно намотала на палец прядку Элиных волос. – Ты здесь совершенно такая же, как была там?

Эля на мгновенье задумалась.

– Нет, но я здесь – выдумка чужого подсознания, я объясняла. Так вот, это он меня видел такой в своих снах, тот, кто меня сматрицировал, в жизни я другая. С Яном совершенно не так, мы же в его сне, порождении его подсознания. И его поведение здесь не соответствует реальности ну ни капельки.

– Ты еще не поняла? – красавица ухмыльнулась. – Это там ваша ложь приобретает грандиозные масштабы. Только здесь боги свободны от масок, только здесь настоящая реальность.

– Ладно, пусть так, но он говорил мне, что не видит сны. Ян не стал бы опускаться до лжи.

– Он не лгал, сны он видит, каждую ночь, а иногда и не один. Я его жду всегда. Только вот потом Янош ничего не помнит.

– Почему?

Грустный вздох сорвался с идеальных губ.

– Хочу, чтобы он был счастлив. Разве это непонятно? И неважно, здесь со мной или там без меня. Его счастье и благополучие – самое главное. А если он будет помнить обо мне там, то будет скучать и страдать и только здесь успокаиваться. Я просто не могла обречь на такие пытки любимого. Достаточно моих страданий без него.

Эля вспомнила целеустремленность и уверенность свое-

го друга, то, как ничто в жизни не мешало ему двигаться к поставленным целям, то, что чувства никогда не делали его слабее, как всех остальных людей. И в тоже время некоторую ущербность, связанную с этим, ограниченность восприятия, непонимание, суть души. Она не знала, радоваться за него или жалеть, что в сновидениях он так счастлив и именно здесь живет его любимая, но наяву он об этом и понятия не имеет.

– Ну и как? Тебе удастся? Он счастлив?

Эля переживала за друга, с которым не говорила приблизительно десятилетие.

– В его жизни все ровно. Он здоров, я точно знаю. Когда болеет, тут появляется большая черная дворняга. Достиг материального благополучия. Не находится в депрессии, иначе кошмары вырываются наружу. – Злата кинула небрежный взгляд на непрерывно двигавшуюся пленку у подножья особняка. – Последний раз такое наблюдалось, когда ты оказалась здесь.

– Он счастлив? – не отставала Эля.

Еще один вздох.

– Здесь да, ну а там – настолько, насколько осознает понятие счастья.

– То есть его урезанную форму, без тебя.

– Даже не думай, что я начну сомневаться в своем решении.

Ах какой совершенной может быть злость.

– Ты все за него решила.

– Вместе там нам все равно не быть, так пусть он не помнит обо мне, не страдает.

Злата снова потянула Элю за руки, и они оказались совершенно в другом месте. Куда только делся мраморный особняк из викторианской эпохи, вокруг был склад подержанных автомобилей, грудившихся огромными кучами. А они сидели в одной из машин с разбитыми стеклами и безмолвно наблюдали. По узким дорожкам задумчиво бродил Ян, только его образ был какой-то размытый, подернутый рябью. Злата с легкостью объяснила, в чем дело.

– Уснул прямо на работе, переутомился. Сон неглубокий, окружающее пространство создал, а себя в нем едва чувствует.

– Так иди к нему, он же здесь.

– Нельзя, его разум ищет решения для какой-то проблемы, не буду отвлекать, – от тоскливого голоса красавицы хотелось завывать на луну, что Слипри не преминула сделать, но в отсутствие луны выла она на пыльный потолок автомобиля.

– Годы не меняют его – это так приятно.

– Меняют, в некоторых его снах это заметно, но со мной он всегда чувствует себя юным. А вот и ты?

И Эля действительно увидела себя. На капоте раскуроченного автомобиля, к которому подошел Ян, сидела ее не особо точная копия. Девушка не могла объяснить, в чем различие, она никак не могла зацепиться за что-то конкретное в

облике своего двойника. Но было в ней что-то слишком кукольное, слишком детское и глуповатое. Ее хотелось усадить под стеклянную банку, чтобы агрессивная окружающая среда не сшелушивала краску с фарфорового лица и тела, или наколоть на булавку и поместить в коллекцию вместе с редкими экземплярами бабочек. Да уж, Ян вряд ли смог бы ее качественно сматрицировать.

– Он еще помнит меня? – В Элиных глазах стояли слезы.

– Сознание потихоньку забывает, а вот подсознание помнит все. И это помнит...

И снова прикосновение нежной руки к запястью. И снова Эля оглядывается там, где меньше всего ожидала очутиться.

Плохо освещаемый подъезд и ниша под лестницей, заплаканный мальчишка с ободранными коленками. Маленькая пухлая девочка с растрепанными белыми волосами смело идет в темноту на горькие всхлипы. А потом все меняется, кружится, мелькает. Мальчишка растет прямо на глазах, превращаясь в симпатичного подростка, затем привлекательного мужчину, а девчонка меняет розовое платьице на нелепые наряды, а кукол на живого карапуза. И на фоне всего этого звучат все те же детские голоса, забытая тема давнего разговора.

– Слышишь, он уходит... уходит, – горький плач.

Тяжелые шаги на лестнице, надрывный скрип захлопнутой в порыве раздражения двери.

– Но я же остаюсь.– Девочке так жалко нового друга, что

она сама готова расплакаться.

Мальчик сидит, и только поэтому она легко дотягивается до его головы и нежно гладит по черным вихрам волос.

Секунда – и наваждение тает.

Они снова в машине, но ни Яна, ни Элиного двойника больше не видно. По щекам девушки катятся слезы.

– Расскажи мне о нем, – просит Злата, именно для этого она устроила Эле маленькое рандеву по снам любимого, только поэтому позволила остаться.

– Так мы познакомились.

– Уходил его отец?

Эля кивает в ответ.

– Ты же знаешь о нем больше, чем я.

Злата обхватывает себя руками, словно озябла, хотя в машине холод не ощущается.

– Наверное, мы знаем приблизительно одинаково, я не могу проникнуть на ту сторону, но хочу знать о нем то, что известно тебе.

И Эля рассказывает, долго, с мельчайшими подробностями и длинными лирическими отступлениями. Ей вдруг становится невероятно жаль прекрасное создание мира сновидений, встретившее свою любовь среди людей. Красавица – такое же вечное существо этого мира, созданное множеством подсознаний сразу, как и ее Эмиль. В процессе поиска идеального ребенка девушка встретила идеальную любимую. Интересно, какой бы ее видел Лем или Олег? Она бы

наверняка затмила и неидеальную Снежную королеву Лема, не говоря уж о самой Эле. Это она служит музой великих писателей и художников, это ей молятся, сами того не подозревая, лучшие, как и худшие представители мужской половины человечества. А что же она сама? – Она нашла свой идеал среди них.

Злата не перебивает и внимает каждому слову о любимом, словно слушает проповедь. И в том месте повествования, где Эля умирает под пристальным взглядом Яноша, по щекам красавицы скользят слезы.

Эля вдруг подскакивает и бьется головой о низкий потолок машины.

– Его ведь можно сматрицировать, как Олег сматрицировал меня. Конечно, придется подождать, но ведь тебе не привыкать, да и люди не вечны, – ты должна понимать.

– Это невозможно, – качает головой красавица так, будто эта идея уже была тысячу раз обдумана и забракована. – Где он настоящий? – намекает она.

И Эля понимает, что даже если удастся каким-то образом отсюда повлиять на кого-то из мира людей, настоящий Ян здесь, и ни один человек в реальности просто не знает его по-настоящему, его таким даже представить невозможно. А значит, невозможно и сматрицировать.

– Что ты будешь делать, когда он... – Элин голос задрожал от осознания.

Красавица молчит, и ее выражение лица, и подрагивание

ресниц, и растерянный излом красивых рук с легкостью можно назвать идеальной скорбью.

Когда молчание затягивается, Эля наконец задает следующий вопрос:

– Один знакомый астроном говорил мне, что видел на тех качелях моего сына. Ты сможешь мне его найти?

Следующее легкое касание руки привело девушек в весьма странное место. Эле сразу же вспомнилась история Гулливера. К чему бы это? Может быть, оттого что вокруг ходили огромные ноги в гигантских ботинках, такие огромные, что снизу было не видно, продолжают ли тела выше ног, или обрываются прямо в районе икр.

– Смотри! – привлекла Элино внимание Злата.

На громадном гриндерсе, зацепившись за толстенные шнурки, совершенно спокойно путешествовал Эмиль. Притихшая змейка напряглась и приготовилась прыгнуть в его сторону: играть с детьми всегда было интересней, чем со взрослыми. Но Эля ее удержала за скользкий хвост, – еще напугает малыша. Сердце девушки так рвалось из груди, что ей трудно было себя заставить спокойно оглядеться вокруг и оценить опасную обстановку. Шаг к сыну мог завершить ее путешествие под подошвой одного из гигантских ботинок.

– Берегись, – заорало Нечто.

Злата куда-то исчезла, а вместе с ней исчезли кротость и молчаливость Элиных спутников. В опасной близости от девушки промаршировали громады ног. Но остановить Элю

уже никто не смог бы. Она, истошно выкрикивая имя сына, уже взбиралась по женской босоножке, следовавшей в том же направлении, что и гриндерс, на котором восседал ее малыш. Лаковая поверхность босоножки скользила, держаться на ней было практически не за что, и, немыслимо изогнувшись, Эле пришлось перепрыгнуть на следующее экстравагантное средство передвижения. Благо, резиновый сланец больше подходил для путешествий, вот только двигался он медленней, чем оседланный Эмилем гриндерс, и нога, одетая в него, издавала жуткий запах.

Дико озираясь, окруженная лесом двигавшихся гигантских нижних конечностей, Эля судорожно соображала, как ей добраться до сына. Еще один прыжок, и она, едва не сорвавшись, повисла на гетрах какого-то футболиста, чуть не попав под его смертоносные бутсы. Оттуда, пошатываясь и едва удерживая равновесие, перебралась на вышагивавший рядом сапог, до Эмиля оставалось рукой подать, вот только девушка зацепилась за крючки и шнуровку. Но Нечто подошло как никогда вовремя, и качественный пинок в спину придал девушке ускорения. Несколько раз перекувыркнувшись в воздухе, она врезалась в гриндерс и, вцепившись в голенище, чуть не зарыдала от счастья.

– Солнышко! Наконец я тебя нашла! Ты как?

К счастью, ребенок держался крепко, ведь Эля весь свой путь камикадзе преодолела с жутким страхом того, что сын может сорваться вниз. Но малыша совершенно не беспоко-

или окружающие опасности.

Более того, он равнодушно взирал на Элю, словно смотрел сквозь нее и не видел. Девушка не успела прикоснуться к сыну, как сверху опустилась громадная рука и усадила его между большим и указательным пальцами, а громоподобный голос откуда-то с небес произнес:

– Что ты тут опять делаешь? Пойдем, я отведу тебя к маме.

Эля еще не успела придумать, как защитит своего ребенка от великана, но вдруг сообразила, что голос принадлежит Яну, а потом сон рассеялся и вместе с ним пропало все: и толпа чужих ног, и ее мальчик. Она на мгновение закрыла глаза и почувствовала, как нежные пальчики Златы ведут ее в другое сновидение.

– Отпусти меня! – закричала она, вырывая руку. – Отпусти, я хочу остаться с сыном!

Ее истерика была такой бурной, что заболела голова и потемнело в глазах. Но только как следует накричавшись впервые в жизни, она смогла снова воспринимать действительность и наконец услышать, чем Злата пытается привлечь ее внимание.

– Смотри, вот он.

И Эля, распахнув глаза, увидела, как ее малыш взбирается на какое-то монументальное животное, а затем скатывается по меховой спине и бежит дальше. Девушка едва не рванула за ним, но Злата крепко держала ее руку.

А потом пришли осознание и апатия, ровно в тот момент, когда ребенок истаял дымным облачком, а на его месте за- двигались какие-то фигуры, заколыхались едва различимые образы.

– Это не он, – наконец дошло до Эли, и она обессиленно опустилась на какую-то шершавую поверхность.

Думать о том, что тут насоздавало подсознание Яна, просто не было сил. Сосредоточившись на том, чтобы не потерять сознание, она почувствовала горькое поражение.

Нос защекотало что-то теплое, громко чихнув, девушка очнулась. Искры из большого камина долетали до медвежьей шкуры, на которой она лежала, и подсмаливали кончики шерсти. Приподнялась на локтях и огляделась. Тени от огня плясали по стенам, оставляя на помещении отпечаток чего-то горького, непоправимого. Но Эля не удивилась. Вся окружающая обстановка состояла из ошметков прошлого Яна, с которыми она была хорошо знакома. Вот слева, например, неясно маячила полка школьных учебников, дальше, непонятно в какой последовательности, примостился фрагмент кухни Яноша из старой их с матерью квартиры: половина стола, покрытая кружевной скатертью, крутящийся стульчик от пианино и плита, на которой, как всегда, булькало что-то не особо аппетитное. Следом выпирало заднее сиденье машины, казалось, только недавно Эля сидела на нем, наблюдая, как Ян подсекает зазевавшихся водителей, а Лем вполголоса шипит на его халатность. Дальше висело одино-

кое баскетбольное кольцо из их школы. И только пляжное канапе, стоявшее на небольшом островке морской гальки, Эля не помнила.

Все остальное пряталось в вязком полумраке, из которого прозвучал голос Златы:

– Надеюсь, до тебя дошло. В его снах нет твоего ребенка, только тени воспоминаний о нем.

– Ты хочешь, чтобы я побыстрее ушла.

Эля не чувствовала на пальце и нигде на теле Слипри, и впервые от этого ей стало не по себе. И даже по Нечто, которое наверняка опять искало проблем на ее голову, а точнее ее кошмары, она как-то неожиданно соскучилась. Привычка – великое дело.

– Не хочу, чтобы он тебя увидел. А вечно прятать тебя от него в его же подсознании очень уж ненадежно, не находишь?

Эля только вздохнула. Женщина Олега тоже всеми способами пыталась вытеснить ее из снов любимого. Только вот на Яна Эля давно не претендовала, безупречная красавица зря опасалась, впрочем и когда претендовала, девушка не смогла бы с ней конкурировать.

Эля села, прижав колени к груди.

– Я сейчас уйду, но, умоляю тебя, помоги мне найти сына.

Темнота молчала, дыша дыханием Златы. А затем из нее проступило изящное тело, на этот раз обтянутое джинсовым комбинезоном поверх накрахмаленной рубашки. Странное

сочетание, но почему-то именно в этом месте оно смотрелось особенно выигранно, не говоря уж о том, что Злата даже в спецовке выглядела бы ослепительно красиво и сексуально.

В поджатых губах и раздраженном выражении лица было столько от Яна, что Эля чуть не приснула со смеху.

– Вы похожи.

– Что? – Кажется, красавицу вырвали из глубокой задумчивости.

– Знаешь, у людей есть теория о том, что влюбленные – это одна душа, поделенная на две половинки. Так вот, глядя на вас, я в это верю.

Мягкая улыбка озарила надменное лицо, а пытливый взгляд требовал продолжения.

– Очень похожи. Не внешне, конечно, повадками, мимикой, отношением к проблемам, к окружающим. Вы точно одна душа, жаль, так жестоко разделенная... Ладно, уже уйду.

– Возможно, ты сможешь найти сына так же, как я нахожу сны Яна. Я его чувствую, понимаешь, он часть меня, и я чувствую его появление. Тебе тоже нужно нащупать какое-то связующее звено между тобой и сыном. Не смотри на меня так. Ты же ходишь как привязанная за снами своего хирурга.

– С чего ты взяла?

Красавица усмехнулась, не собираясь объяснять.

Постепенно простое одеяние Златы стало превращаться в нескончаемый поток мелких жемчужин, они опадали и дра-

гоценными градинами осыпали пол, но на их месте тут же появлялись другие, не позволяя увидеть даже миллиметра обнаженной кожи. Эля как загипнотизированная следила за этим процессом, и разговор пошел по другой траектории.

Злата подтвердила Элины подозрения: она действительно не просто так натывается на проявления подсознания любимого, а как бы приманивает его, а он приманивает ее. Его снов, как и своих собственных кошмаров (Нечто, ликуй), ей не избежать даже при большом желании, и то и другое или частично, или полностью принадлежит ей, и от этого никуда не деться. С Эмилом все сложнее: он вечное существо этого мира, а не легкий податливый сон, но связь матери и сына должна помочь. Возможно, она уже помогает, и, куда бы Эля ни двигалась, рано или поздно дорога приведет ее к сыну.

Впервые за время поисков кто-то вселил в сердце Эли реальную надежду, и, заступая за границы сна Яна, она молилась о долгой жизни друга и чтобы этого долго им со Златой хватило.

10

Нечто догнало ее уже посередине следующего сна и, конечно же, обвинило в попытке сбежать и оставить на произвол судьбы свой карманный кошмарик. В ответ Эля только улыбалась, все еще окрыленная словами Златы. Ну а когда сверху скользким комком на голову свалилась змейка, почувствовала себя совсем хорошо.

– Ну? Куда дальше?

– А где мы собственно?

– Разуи глаза! На перекрестке.

В голосе Нечто тихое раздражение стало все чаще преобладать над агрессией, но Эля не успела задуматься о том, что это результат освобождения от одного из ее кошмаров, она просто смотрела прямо, соображая, куда идти дальше.

Посреди пыльной пустоши, по которой скользили только шарики перекаати-поле, стоял покосившийся от старости столб развилки. И «направо пойдешь – коня потеряешь...» к нему и близко не относилось. Конкретикой даже не пахло. Четыре воткнутых по периметру стрелы, на которых висели, опираясь непонятно на какую логику, следующие предметы: увесистый кованый ключ, бархатная подушка с кисточками, кукла, привязанная за шею, словно висельник, и одна из карт таро – тройка кубков.

– Вот интересно, чье перепутье в жизни мы встретили?

– Больше похоже на связку снов от нескольких людей, – шепнула змейка и, обмотавшись вокруг ключа, завертела маленькой головой.

Ее веса оказалось достаточно для того, чтобы столб развилки завращался вокруг своей оси.

– А так бывает?

– До сих пор не поняла? Здесь все бывает. Чего мы ждем? – Нечто нетерпеливо подталкивало Элю в спину.

Но та не обратила на вопрос никакого внимания, укоризненно наблюдая за тем, как змейка вращается на столбе как

оглашенная.

– Слипри! Ты же перепутала все направления. Как теперь узнать, какая стрела куда указывает?

– Карусели-и-и-и! – визжала змейка, раскручивая новую игрушку все сильнее и сильнее.

– И куда бы ты пошла? – допытывалось Нечто.

– Ну... – задумалась девушка.

– Все еще ищешь логику? – Нечто выводила из себя вечная заторможенность Эли в тех местах, в которых и думать-то не надо, иди, и все тут.

– Ян бы искал.

– А ты сама?

Почувствовав растерянность девушки, Нечто ответило за нее:

– Ну да, а ты бы тут навечно осталась... Тогда давай по-другому. Что бы сделал Лем? Уж он бы точно не стоял истуканом.

– Как ты можешь судить? Ты его не знаешь... – и тут до девушки дошло: – Его много в моих снах, да?

– Предостаточно. Лучше всего в наших краях прижился бы он.

– Да?

– Он в принципе не признает границ и правил. Воспринимает любую нестандартность как новый этап в осознании мира, во всяком случае ты его здесь так воссоздавала.

– Ты так много о нас знаешь...

– Повторяешься. Тут боги как на ладони, только нужно уметь читать.

В это время змейка раскрутила импровизированную карусель до такой степени, что слетела с ржавого ключа и исчезла в том месте, куда на тот момент указывала одна из стрел.

Эля рванула за ней интуитивно, не успев разобраться в собственных мотивах, приглушенный хлопок, и она исчезла вслед за Слипри.

– И стоило так долго размышлять, – проворчал Нечто и, дождавшись, когда вращавшаяся вместе со столбом стрела с ключом укажет туда, где секунду назад исчезли ее спутники, мелькнуло следом.

Времени на адаптацию не давалось, за Элей гнались, она почувствовала это затылком, возникнув в новом сне. И чисто инстинктивно попыталась убежать, боясь взглянуть на то, от чего бежит. Потертые ковровые дорожки комкались под ногами и мешали продвижению, а со всех сторон наседали хаотичный гул, постепенно разбивавшийся на нестройные голоса людей, мычание, хрюканье и кряхтение животных, поскрипывание деревянной мебели. Девушка спотыкалась, падала, и тогда в груди возникала нестерпимая боль, словно между ребрами затаилась болезненная неуместная пустота, заполнить которую почему-то было просто необходимо. Мгновение, и Нечто невесомым стражником уже привычно занимало ее плечо и порывивало на то, что нагоняло сзади, что пугало своей настойчивостью, пытливостью, тре-

бовательностью. А змейка гибкой волной маячила перед глазами, указывая путь (хотя скорее всего играла в новую игру).

А еще разномастные звуки обрели плоть и вес и стали напирать со всех сторон. Но не это добавляло Эле страха, а то, что их пустота не болела, не пульсировала, как у нее, а была заполнена, словно запечатана целебным воском.

– Мой? – еле слышный вопрос сорвался с губ.

– Нет, – разочарованно ответило Нечто сквозь уже не прекращавшееся рычание.

Темп догонялок постепенно замедлялся, будто пространство стало вязким, как схватывающийся клей, и каждое движение давалось с трудом. Но это правило, к счастью, действовало не только для Эли, но и для ее преследователя.

Что-то холодное ткнулось в бок, и, будто в замедленной съемке, ей удалось рассмотреть сгрудившихся справа людей, животных, предметы. Их словно карикатурно нарисовали, и каждый персонаж снабжался одним или несколькими ящичками наподобие тех, что бывают у тумбочек и шкафов. Ящички выпирали из лбов и грудных клеток людей, из спин и боков животных, и только у мебели они смотрелись более или менее нормально, хотя и кресла с таким вот новшеством – нелепейшая нелепость. Все ящички имели замочные скважины, и из каждой торчал свой индивидуальный ключ. Один из них и упирался металлической ручкой в Элино тело. А ящик, которому он принадлежал, рос прямо из живота неопрятной женщины неопределенного возраста.

Эля закричала от ужаса.

«Олег!» – шепнуло сердце.

В ответ неведомая сила развернула ее лицом к преследователю, и глаза, словно кусочки черной дыры, уставились на девушку выжидающе, как на препарлируемое создание, в генетике которого нужно срочно поковыряться скальпелем.

Окружающий галдеж сменился звуком отпираемых ящиков, и судя по грохоту, их было тысячи. Все создания этого сна с удовольствием поддавались движениям собственных ключей и отпирали скрытое нутро своих ящиков. И от этого Элина пустота между ребер заныла в два раза сильнее. А взгляд до боли знакомых глаз, которые почему-то жили сами по себе, без головы и тела, голодной пиявкой впивался в душу, пытаясь достичь ее глубинных слоев. Испуганные пряди волос фиолетовыми лентами скользнули с плеч, стараясь закрыть собой глаза напротив, приглушить воздействие этого невыносимого взгляда, но все было бесполезно. И отчего-то очень важно было вспомнить, какого цвета радужка этих глаз, но память девушки никак не хотела подкинуть нужный ответ.

Под этим взглядом пустота девушки недовольно заворочалась, будто стараясь отсоединиться, но ее не пускали.

– Олег, не надо, – еле слышно шепнула она, и взгляд тут же сменил гнев на милость, заискрился, потеплел.

Под Элиной спиной выросло что-то большое, жесткое, ребристое. Она обернулась и увидела рукоятку меча, изукра-

шенную драгоценными камнями. И то ли девушка уменьшилась, то ли попавшееся ей на пути холодное оружие увеличилось, но она скатилась по его идеально гладкому изогнутому лезвию, как по горке, прямо в объятия другого сна. Следом за ней, весело ухнув на полном ходу, слетела Слипри.

Приземлившись на мягкое покрытие, девушка взглянула в зеркально гладкую поверхность оружия, которое на поверку оказалось турецкой саблей, и ужаснулась. В ее грудь врезался такой же, как у всех персонажей предыдущего сна, ящичек, крошечный, зато замочная скважина была страшной и внушительной, но ключ к ней, поиски которого так злили ее любимого, не прилагался.

От испуга девушка отвернулась и попыталась ощупать руками то, что показало импровизированное зеркало, но пальцы нашли только гладкую ткань скафандра, надежно защищавшую ее тело, и больше ничего, а когда она снова повернулась к сабле, на прежнем месте ее не оказалось.

Тут и там стояли мягкие диваны и подносы со сладостями, лежали персидские ковры. Километры шелка из Бурсы драпировали красивейших женщин султанского гарема. Видимо, чтобы Эля, так неожиданно проникшая в пространство этого сна, не выглядела как бельмо на глазу, подсознание сконструировавшего его человека приделало ее по-своему. Ее скафандр никуда не делся, но видела его только она, а все остальные, поймав странную девушку в поле зрения, могли лишь равнодушно скользнуть по ниспадавшим склад-

кам изумрудного платья.

Даже фиолетовая копна постаралась соответствовать, за-
вернувшись вокруг головы затейливой короной прически.
Змейка снова тарщила бусинки глаз с безымянного пальца
и смотрелась очень уместно. А Нечто забралось куда-то под
угольную взвесь полупрозрачной накидки и не казалось оттуда
«носа».

– Похоже, в этот сон нас бы привела бархатная подушеч-
ка, – предположила Эля, стараясь не привлекать к себе вни-
мания стаяк манерных наложниц, восседавших тут и там. –
Он лопнет или надо выбираться самой?

Нечто молчало.

Зато Слипри любовью к тишине не страдала.

– У султана детки, детки, детки... – она соскользнула с
Элиного пальца, забыв про маскировку и устремившись к
новым развлечениям.

Девушка не успела ухватить ее за хвост, но, слава богам,
никто ее не заметил. Женщины были слишком заняты щерб-
бетом и последними сплетнями, просочившимися из-за вы-
соких стен дворца, который они никогда не покидали.

Нечто попыталось ее остановить, но Эля воспрепятство-
вала:

– Пусть, может, Эмиль среди них. Вдруг ему стало скучно
и он зашел поиграть с детьми в свежеподвернувшийся сон.

– Сколько можно повторять, что мне на это плевать? Вы-
бирайся. В связке еще два сна. Надо проверить, может, один

из них твой.

– Так проверь, – предложила Эля, отхлебнув освежающую сладкую влагу из серебряного прибора.

Сидевшая по соседству девушка что-то оживленно ей нашептывала на ухо, как хорошей подружке.

– Не могу. Он не пускает.

– Кто?

– Хозяин сна, – сплюнуло Нечто. – Чертовы боги и ваши правила.

Да, в мире снов люди действительно воспринимались богами, только вот в противовес понятию «бог» создания этого мира в основном не осознавали их присутствия, реже просто терпели, а порой еще и ненавидели.

– Почему я снова оказалась во сне Олега и почему так легко принимаю все, что в его подсознании происходит?

– Включи мозги, ты же его создание. Поэтому всего лишь гармонично вливаешься в оболочку его снов о тебе.

– С ним что-то не так.

Новоприобретенная подружка все щебетала какие-то глупости на ухо, и кажется, не вникала в то, о чем и с кем говорит Эля.

– Злата упоминала, что, когда Ян болеет, в его снах появляется черный кот. С Олегом что-то подобное происходит.

– Нельзя сравнивать богов и их порождения. Бесполезно, слишком разные. Там бродили куча котов, и собак, и коров. Какая именно скотина тебя насторожила? – издевательски

поинтересовалось Нечто.

– Худое полуголое существо непонятного пола. У него тряслись руки, и...

– И?

– Ну оно словно выпадало из всего представленного на мое обозрение коллектива. Что-то не так.

– А то, что тебя его взгляд чуть не расчленил на запчасти, не привлекло внимания? Я чуть не лишилось единственной надежды избавиться от своей противной жизни в кошмарах, а ты тут рассуждаешь о всякой ерунде.

– Он не убил бы меня.

– Ха! Ты здесь так поглупела или наивность свойственна всем бывшим богам?

– Эти его ассоциации на тему ящиков и ключей очень просты. Его разум всегда пытается докопаться до потаенных смыслов всего, и, судя по количеству отомкнутых замочных скважин, он еще ни разу не терпел поражений. Но я для него, несмотря на все его правильные представления, тайна за семью замками, от которой нет ключей.

Совершенно машинально Эля коснулась пальцами того места, где еще недавно красовалась замочная скважина, но нащупала только обрамлявшее глубокое декольте венецианское кружево. Вдруг стало очень комфортно от того, что есть секреты, доступные только ей. А ведь всегда казалось, что она для окружающих – открытая книга, правда, бредового автора с развивающейся шизофренией.

– Что-то Слипри долго нет, – очнулась от мыслей девушка, с удивлением поняв, что это ее теперь не особо волнует, как и то, что змейка могла встретить Эмиля. Чужой сон влиял очень мягко и в то же время целенаправленно.

Переливчатые аккорды мелодии вплыли в комнату вместе с еще одной группой разодетых девушек, с незнакомыми струнными инструментами в руках. За ними твердой походкой вошел сам султан, и пространство тут же заколыхалось от нежных чувств, переполнивших все женское общество комнаты. Он отличался высоким ростом и полнотой, а вместо расшитого золотом кафтана и чалмы носил брюки со стрелками и неряшливый старомодный галстук. В обществе разодетых в шелк и бархат прекрасных дев он смотрелся неуместно, вот только не для участниц сна и даже не для Эли.

Ее закружило вокруг мужчины вместе с вереницей новых подружек, девушка, как и они, восхищенно хлопала ресницами и извивалась в такт омывавшей тело мелодии. Она, как и каждая в этом сне, видела, что он смотрит только на нее, не сводя восхищенного взгляда. Девушка вдруг открыла в себе способность к неведомой ранее гибкости и плавности движений, чистоте и незамутненности первобытного желания принадлежать сильнейшему.

А сквозь нее неспешным ручейком текла новая жизнь. Благоухающие сады, роскошные украшения, сильные объятия властелина, тяжелая беременность, интриги дворцовых

лжеподружек, слезы и ревность, но вместе с этим – много-много счастья, такого, что в жизни не встретишь, руками не пощупаешь. Замирающие на каждом изгибе тела минуты водили хороводы и сплетались в чудесные часы... года... десятилетия.

– Наша дочь выходит замуж. Не плачь, любимая, ее дворец неподалеку, будете регулярно видеться.

– Повелитель! – Элина щека прижалась к такому родному мужскому плечу, а горькие слезы уже впитывались в дорогую ткань. – Мое сердце разбивается, вы уходите в поход, дочь покидает отчий дом, я остаюсь совершенно одна.

Он молча прижимает ее сильней, а вековые деревья напротив балкона шуршат о другой грусти, о том, что у великого государства нет наследника. Двое молчат об этом, молчат уже давно, так давно, что молчание говорит жестче любых слов.

И еще один вихрь времени – и вот Эля в украшенном изразцами зале, встречает своего султана, вернувшегося с победой. И ее счастье велико и безгранично. И только в глазах затаились никому не заметные грустинки по так и не родившемуся сыну...

У него кудрявые светлые волосенки и ямочки на коленках...

В ответ на эту чужую неуместную мысль великолепный дворец выгибается навстречу небу, словно от боли, и скрипит перекрытиями и скрежещет от досады «зубами», только

вот это уже не дворец, а бог, сон которого так неумело всколыхнуло лишнее воспоминание.

И Эля вдруг очухалась от десятилетнего обморока, стряхнула с плеч обманчивость так долго усыплявшего ее странства. Она резко вспомнила о попутчиках, которые наверняка ее не дождались, и, главное, о сыне, за которым пришла. Он есть, и это приносит больше счастья, чем вся прожитая султаншей безмятежная жизнь.

А вот и они – перстень из неизвестного синего металла сонно зашевелился на пальце и открыл разумные, ой нет, скорее безумные, но все же живые глаза. И этот сгусток темноты, выплывший из-за атласного рукава... И как она раньше его не замечала!

– Бежим! – орет очухавшееся Нечто.

И счастливый сон рушится ничем не хуже, чем полномасштабный кошмар.

Они бегут, а с потолка падают камни, дворец сжимается до размера небольшого дома в американской провинции. Эля из последних сил ловит такой привычный запах лжелюбимого султана, она тянется за ним, как за спасительной соломинкой, и даже на мгновение успевает заглянуть его распахнутыми после долгого сна глазами в глубину озаренной утренним светом комнаты.

Ввинчиваться в следующий сон девушке неприятно до боли, и в глубине души она успела пожалеть, что так неразумно разрушила красивейший сон из тех, что видела, а ведь могла

бы в нем прожить вечность, не зная забот. Но теплое слово «сын» все расставило на свои места, и запах султанских садов не смог развеять карамельно-клубничного аромата.

Если бы она знала, что принесет с собой следующее сновидение из четверки, то вряд ли бы стала спешить выбираться из предыдущего. Именно на него указывала обмотанная веревкой виселицы кукла с покосившегося столба, и именно он уложил девушку в мягкую свежезакопанную... могилу. Осознав это, Эля вскрикнула, но земля уже забивалась в рот и нос. Парализованные ноги не могли брыкаться от ужаса, ведь на них давила тонна политой дождем почвы.

– Вот мы и дома, – гаденько зашептало в ухо Нечто, еще бы, газообразное состояние позволяло это делать даже под землей. – Ну что, радость моя, будем ломать кошмар? Поднатужься, – издевалось оно. – Я, конечно, понимаю, что в твоём случае – строить – не ломать, но что делать. И побыстрее, не рассусоливай.

Неимоверная тяжесть давила на тело девушки, и, несмотря на то, что Эля не могла даже пикнуть, ее разум разрывали крики ужаса. Как она ни пыталась себя успокоить, вечный покой, в котором она оказалась, не помогал этому. Беззаботность змейки не разбавляла неприкрытый ужас весельем, видно, этот ее кошмар отрезал всех посторонних, оставив только непосредственных участников. И когда девушка поняла, что в отличие от всего остального тела ее правая рука способна шевелиться, людей в могиле оказалось на одно-

го больше. Пальцы уперлись во что-то дико холодное, почти как Нечто, только в отличие от второго, полуживого, во что-то совершенно мертвое. И Элю окончательно парализовало от ужаса, поскольку она лежала под землей рядом с мертвой Ирой.

Тело девушки забила крупная дрожь. Она вдруг вспомнила о том, как бабушка Лема беззвучно шептала на старинную икону, и впервые в жизни стала неистово молиться, неумело подбирая слова, она пыталась достучаться до того, о чьей помощи еще ни разу не просила.

– Дура! – зарычало Нечто. – Молишься самой себе? Ты создатель этого ужаса.

Трупный запах пропитывал землю насквозь, и Эля чувствовала его, казалось, всей кожей и задыхалась не от замкнутого пространства вокруг, а именно от него. Она больше не могла оторвать своих рук от сестры, и от мертвых пальцев на живое тело девушки переползали черви-падальщики. Мысли металась в голове, как буйные жители желтого дома.

Она попыталась сконцентрировать вокруг себя воспоминание об одном из запоминающихся запахов, что уже спасали ее здесь, но это не помогало. Стена между ней и мертвой Ирой не выстраивалась. Слезы катились по щекам и впитывались в землю, тело по миллиметру отмирало, заражаясь смертью от тела сестры, словно прогрессировавшей болезнью. Разъяренное Нечто орало попеременно в уши, в его планы не входила гибель Эли в собственном кошмаре, но де-

вушка не слышала ни слова, она была слишком напугана фатальными ощущениями, сковавшими тело.

И вдруг пришла неожиданная мысль, она с трудом выбралась из болота товаров-паникеров, отряхивая конечности из вязкой безысходности. Сон Олега о шкафах и ключах был в связке с этим ее сном, а значит, возможно, что до его подсознания можно как-то докричаться.

Она собрала в себе все воспоминания о любимом, их было не так много, но тот самый, ни с чем не сравнимый запах тополей пропитывал их насквозь. Но на этот раз она не тянулась за ним в неизведанные дали, а выпустила его из себя, словно крюк на веревке, используемый альпинистами. Но крюк пролетал мимо людей и предметов, мимо отпертых ящичков их тайн, не находя, за что зацепиться. И Эле пришлось пустить по веревке немножко себя, своего обещания. Сон врача резко встрепенулся и ожил, так бывает, только когда боги возвращаются в повторяющийся сон. Олег действительно вернулся и не задумываясь отреагировал:

– Я был лишь временным эпизодом, ведь так? Ты просто шла и кинула мимолетный взгляд на персонаж, стоявший на обочине? Уходя, стряхнуть пыль с ног не забыла? – Столько злости, и вся она предназначалась ей одной. Так начиналась их первая ссора, но какие же отношения бывают без ссор?

– Это не так, ты же знаешь. Ну может, и не знаешь, но чувствуешь, во всяком случае чувствовал, когда я была рядом. Мне нужно было уйти, и ничто бы не остановило. И де-

ло не во внезапной мимолетной встрече и кратковременном знакомстве; даже если бы нашему чувству было десять лет от роду, я бы все равно не изменила решения.

Тяжелый Элин вздох было слышно в обоих снах.

– Ты несешь нас сквозь жизнь, и я частенько встречаю доказательства этому, но и я несу нас с тобой в своих поисках, не сомневайся. И пусть наши пути параллельны и не пересекаются, иногда они соприкасаются, и в отсутствие альтернативы мне этого достаточно.

– Ты просто нашла во мне замену безответному Яношу.

– Не правда, он всего лишь иллюзия, ты же – реальность, моя единственная и желанная реальность.

Эле казалось, что с каждым произнесенным словом замочная скважина в ее груди накалялась, и вот теперь она почти опалая жалам. Она не видела ключа, не слышала, как он неумело проворачивается в ее внутренностях, да и ключ ли это был... но зато испытывала облегчение от того, что говорит и что Олег ее слышит. В любом случае этих слов было недостаточно и неумолимый взгляд хирурга впивался в нее, а вместо ключа в ее душе неуклюже проворачивался окровавленный скальпель.

– Я всегда тебя буду любить, всегда, и разные миры не помешают этому, – выкрикнула она, преодолевая боль, и слышала скрип старого металла. Это громадный кованый ключ с развилки снов отпирал ее тайный ящик.

И одновременно взгляд любимых глаз окатил ее снопом

голубоватого света, который затопил мрак могильного холода, изничтожая, растворяя его. Девушку завернуло в кокон этого света и вытолкнуло на поверхность к воздуху, к свободе, к жизни.

Стоя на коленях и упершись лбом в шершавую поверхность столба, Эля переводила дух и наслаждалась свободой дыхания. В сравнении с чернотой подземелья желтоватое пространство пустоши казалось ослепительно прекрасным. По щекам катились крупные слезы понимания, ведь любимый долгое время считал, что его чувство безответно.

– Ваши боги еще смешнее вас, – прозвучало сверху.

Эля непонимающе уставилась на Слипри, на этот раз покачивавшуюся из стороны в сторону на карте таро. И так ветхая, тройка кубков сминалась под ее гибким тельцем.

– Да уж, – подтвердило обвившееся вокруг столба серым облачком Нечто, – те, кто создали твоего Олега, Яноша, жизненные ситуации, в которых ты вертелась, обладают нестандартным чувством юмора. Их подсознание еще хлеще, чем твое.

Эля попыталась представить того бога, которому «приснились» гибель ее сестры в автокатастрофе, равнодушие ее родителей, издевки в школе и институте, исчезновение ее мальчика, и наконец в полной мере поняла злость и несдержанность Нечто.

– Мне показалось, или Олег помог уничтожить не один кошмар?

Судя по довольному урчанию Нечто, напоминавшему блаженные звуки, издаваемые большой кошечкой типа леопарда, девушка попала в точку, а спасение Олега – во много точек сразу.

– Все, что связаны со смертью, кладбищами и могилами.

– А это...

– А это добрая треть.

Эля поднялась и внимательно посмотрела на Слипри, а точнее на карту, которую она уже превратила в комок грязного картона. Чтобы высвободить тройку кубков у змейки, пришлось применить массу ухищрений и прошерстить воспоминания обо всех играх, которые знала девушка. Но пыльная пустошь давала мало пищи для фантазии, и остановилось все на простейшем. В ответ на недовольство Нечто, чувствуя, что от карты исходит едва различимый детский запах, Эля сбегала за пучком перекати-поле и толкнула его подальше вперед. Травяной шарик тут же понесся в известном только ему направлении, а змейка, плюнув на изжеванную игрушку, уползла следом.

Но едва девушка дотронулась до карты, произошли сразу три вещи: Слипри с громким верещанием рванула обратно, старый столб наконец не выдержал гнета прожитых лет и упал на землю, отчего стрела с картой указали вверх и под Элей будто разогнулась огромная пружина, придав девушке ускорения.

Эля и раньше не пыталась предсказывать, куда может завести тропа снов, поэтому, оказавшись в седле лошади, не слишком удивилась. Зато обрадовалась своей правоте – в воздухе нового сна и правда улавливался запах ребенка. Нечто ворчал под ухом, что если сны выбирать по такому критерию, то они угрожат целую вечность на обход всех, где в той или иной степени фигурируют дети, но ничего не добьются. Но недовольство оно выказывало скорее для проформы, поскольку в Элиных кошмарах тоже витало предостаточно детского запаха.

Коричневая кобылка с белой полосой на морде мерно покачивала Элю, направляясь вместе с тысячей, а то и больше лошадей и их наездником в известную только им даль. Военный поход продолжался вот уже который день. Едва появившуюся мысль о том, не возглавляется ли этот поход султаном из позапрошлого сна, развеяли состав и антураж необычного войска. Рядом с обыкновенными людьми маршировала разномастная нежить. Клыкастые орки тащили орудия, разноцветные драконы как ни в чем не бывало парили над головой, сжимая в когтистых лапах современные автоматы, совершенно выбивавшиеся из классического представления о фэнтези. А сновавшие между лошадьми скелеты с горящими красными глазами от нечего делать запускали в небеса свои буйные головы, а потом ловили уже не всегда свои. Вспышки белесого тумана впереди навевали мысли о магах, а тонкий

запах горьких трав намекал на наличие в войске знахарей; ну да чего не найдешь в обычной, среднестатистической армии одного из сновидений.

– Слипри, почему четыре таких разных сна, принадлежащих разным людям, сплелись вместе и, не пройдя их все, выбраться не получается?

Змейка, развлекавшаяся тем, что исследовала на зуб сбрую, и жутко раздражавшая этим боевую лошадь под девушкой, попыталась построить логическую цепочку, но Элин мозг застопорился уже на первом предположении, поэтому воспроизвести ее она бы не смогла, и я тоже не возьмусь.

Делать было нечего, только двигаться по течению похода и следить в оба, не появится ли где Эмиль, поэтому девушка попыталась сама все связать воедино.

– Допустим, сны мой и Олега притянулись друг к другу, а походы султана каким-то образом соединились с этим странным шествием, но тогда как этот сон связан с моим или Олега и как о султанине – с ними же?

Бой начался внезапно, не дав девушке закончить размышления. Тело обросло доспехами, глаза прикрыло забрало шлема, а в руках материализовался легкий и острый топорик.

Неожиданно напавшие эльфы оказались меткими и проворными, их заговоренные стрелы разили всех без разбора, и девушка едва успевала уклоняться. Такая несвойственная

роль воина совершенно органично наложилась на ее мироощущение, и она сражалась, как молодая львица. А в душе все больше разгоралось чувство, что впереди ждет то, за что стоит бороться, что стоит защищать.

Змейка, как ни странно, оказалась полезным соратником. Она визжала, оглушая эльфийских воинов, дергала их за длинные белые волосы и слюнявила острые бледные лица, при этом маленькое создание производило столько шума, что ее одной было слишком много для сплоченной пятерки вражеских солдат.

Нечто, которое поначалу не желало вмешиваться, один раз отразив от Эли шальную стрелу, пришло к выводу, что если останется в стороне, то две трети ненавистных кошмаров некому будет уничтожать.

В итоге из девушки, нелепого сгустка и синей змейки получилась победоносная тройка. Эля размахивала топориком и, прикрываясь щитом, уходила от ударов так умело, словно готовилась к этому бою всю человеческую жизнь. Под прикрытием Нечто и с победоносными воплями Слипри ее атаки и контратаки получались особенно удачными. А когда пропущенный удар сорвал с головы шлем, неукротимые фиолетовые волосы внесли свою лепту, полоснув по шее неудачливого нападавшего, и окровавленная остроухая голова полетела к ногам лошади.

Оказавшись где-то в центре сражения, девушка почувствовала приближение своей цели, в отличие от цели сраже-

ния, о которой до сих пор понятия не имела.

– Нечто, ты чувствуешь? – крикнула она, уворачиваясь от очередного удара.

Среди пота лошадей, травного духа и остроты заклинаний витал знакомый аромат.

– Да, твои обожаемые деревья с дурацким названием. Только не чистый запах – смешанный, разбавленный, как-то так.

– Значит, мне не показалось. Он переплетен с детским ароматом.

– Твой отпрыск и снова хирург? – шар морока чуть не осел на Элиной голове, но Нечто вовремя успело его отбить шлейфом хвоста.

– Нет, кто-то другой. Детский запах больше похож на мятный леденец, – крикнула девушка в ответ, словив щитом шаровую молнию, но устояв и отправив в нокаут проворного эльфа, едва собравшегося распуścić смертоносные крылья. – Найди источник, прошу тебя.

Еще сон назад Нечто даже не подумало бы послушаться свою богиню-мучительницу, но пыл сражения неожиданно сблизил то, что при других обстоятельствах держало воинствующий нейтралитет.

Нечто с новостями вернулось быстро:

– Там юноша, кажется, принц. Он возглавляет нашу армию.

Эля не стала обдумывать, что это может означать и почему

какой-то принц отдаленно пахнет ее Олегом, а просто направила лошадь туда, куда метнулось, указывая, Нечто. Слипри же весь марш-бросок провела болтаясь на хвосте лошади.

Облик юноши словно содрали со слащавых японских мультяшек: глаза на пол-лица с длинными ресницами, огненно-рыжая шевелюра, развевавшаяся по отсутствующему ветру, тонкая изящная фигура, но при этом с развитой грудной клеткой и мускулистыми руками. Плюс крылья, как у махаона, трепетавшие за спиной.

Последние аккорды битвы Эля провела защищая это несуразное создание от многочисленных нападений врага, опасаясь, что если его убьют, то сон тут же закончится, не дав ей докопаться до истины. А посему вопросы пошли уже позже, под шатром звездного неба и громад деревьев, когда значительно поредевшая, но не поверженная армия расположилась на ночлег возле ближайшего леса.

Принц был на две головы выше Эли и в два раза шире в плечах, поэтому, когда он сел и привалился к дереву, девушка почувствовала себя гораздо уверенней и растянулась где-то неподалеку.

Пропустив мимо ушей пространные и чересчур возвышенные слова благодарности ей и ее друзьям, она приступила к вкрадчивому допросу:

– Как ваше имя, принц?

– Юамин из славного рода Абзорхов. О странница! Как ты попала в мою армию? Что-то я тебя не припомню.

Эля не стала уточнять, что помнить в лицо тысячу его бойцов просто физически невозможно, она лишь напомнила себе, что все вокруг – сон, всего лишь чей-то сон, и похоже, сон именно этого принца.

– Куда вы двигаетесь вместе со своей армией?

– За треть пядей леса, в запретных горах эльфы скрывают великого волшебника, похищенного из нашего государства. Мой священный долг вернуть его на место к папе с мамой.

Эля прыснула. Этот ребенок, пересмотревший мультиков, в облике славного борца за справедливость очень забавно себя вел и так напоминал ее Эмиля. Вот и нашлось объяснение нарисованной внешности, а еще тому, почему ее ручная гадюка ластилась к принцу, будто его медом обмазали. Она тоже чувствовала в нем ребенка. Нечто же не мешало разговору: то ли устало, то ли смирилось с тем, что Эле отдых необходим.

Расположившиеся на ночлег воины ничего не ели, и похоже, не собирались; после такой битвы только во сне можно было отказаться от ужина.

– Может, овсяночки? – преувеличенно бодро предложила Эля и потеряла руки.

– Фу, гадость, ни за что, – скривился принц.

И сомнений у девушки не осталось.

– Как прикажете, ваше высочество, – она церемонно склонила голову, едва не захохотав в голос, и решила проверить правильность и другой своей догадки. Все-таки запах

тополиной листвы, заваренной в мятном сиропе, не давал ей покоя. – А чем вы больше всего любите заниматься? Естественно, в свободное от освободительных походов время.

Ребенок во взрослом теле слишком увлекся Слипри и, поглаживая ее скользкий бочок, бесхитростно отвечал на все вопросы.

– Дорисовывать картинки в книжках.

– Понимаю, там же сплошь и рядом чего-то недостает.

– Ну да, а они злятся, – помрачнел принц.

– Кто?

Он оторвался от змейки, и взгляд приобрел осознанность:

– Да эти вельможи. То это им не так, то другое.

– И что же последнее вы дорисовывали? – вступило в разговор хитрое Нечто.

– К костям руки накрашенные ногти, – как ни в чем не бывало ответил принц туманному сгустку.

– Розовые? – встряла Эля.

– Не-а, желтые.

Девушка поманила Нечто к себе и шепнула одними губами:

– Кажется, я догадываюсь.

– О том, кто он?

– Кто она.

– Когда больше двух, говорят вслух, – закапризничала Слипри, и принц закивал в знак согласия.

– Простите, ваше высочество. Вы не возражаете, если мы

присоединимся к вашему походу?

– Ты хочешь что-то спросить у волшебника? Все этого хотят, он очень знающий и мудрый.

– Может, и вы знаете то, что меня интересует... – задумчиво протянула девушка. – Вы не встречали маленького мальчика, голубоглазого, светловолосого?

– С мальчишками не вожусь, – гордо выпятив грудь, ответил принц.

– Отчего же?

– Воображают о себе много.

– Да и в военных вопросах драконы куда удобнее, не так ли?

– Определенно, – закивала развитая не по годам девочка в облике принца и на мгновенье прикрыла глаза, а когда открыла, со всех сторон лился ровный дневной свет, а Эля вместе с войском оказалась уже далеко за границей леса.

Они взбирались на иссушенные солнцем холмы, вброд переправлялись через глубокие и всегда наполненные водой реки, «свесив языки набок» переползали многокилометровые пустыни. И все это мелькало перед глазами, как ожившие картинки одной из фэнтезийных книжиц, которыми изобиловали полки Элиной спальни. И снова шли не дни, а месяцы, но шли как-то отрывисто, как бывает только во сне. Шаг – и ты уже по ту сторону бездонной пропасти, следующий – и на вершине, со стороны казавшейся непреодолимой. И все это происходило под знаменем оригинальных це-

лей. Обошли кусок пустоты, потому что там лежала непрочитанная страница (какая? о чем это вообще?). Взобрались на башню из погнутого конструктора, боясь, что поругают за неубранную комнату. Всей армией выпили синее море, на-малеванное маркером, в отместку за некупленную собаку.

Сон снова погружал Элю в некий транс, побуждавший действовать только в рамках дозволенного, но постепенно девушке все чаще стало казаться, что ей нужно совсем не туда, куда стремится принц со своей армией, а точнее не тем путем. К тому же взгляд все чаще устремлялся к маячившей сбоку границе сновидения. Ее не разглядеть, лес и в той стороне был все тем же лесом, и горные вершины расчерчивали небосклон острыми гранями, но на всем этом словно лежали едва заметные отсветы.

Не выдержав, девушка плавно вывела свою лошадь из строя, принц, казалось, тут же забыл о ее существовании, и правильно, она ведь не относилась к законным участникам его сна.

Граница издала звонкий писк, словно сон поставили на сигнализацию, и тут же стало понятно, что по эту сторону лес совсем другой. Сухие ветви деревьев тянулись в небо прямо, как по струнке. Ссыпавшаяся вниз зеленая листва выцветала, разглаживалась, серела и сливалась в нечто единое, знакомое. Появившиеся в земле разломы стремительно выпускали вверх молодую поросль из стен, окон, фонарных столбов и неоновых вывесок. И не в густой чащобе теперь блуж-

дала Эля, а в равнодушном лесу мрачного мегаполиса. Он издавал скрежещущие звуки, он мылся до блеска под душем внезапного дождя и, как паук, ловил в свои каменные сети глупых мушек-путников, только вот почему-то пах точь-в-точь как принц из пограничного сна.

– Нечто, мы выбрались из связки снов? – разочарованно спросила Эля.

Ей-то казалось, что на финише ее ждет что-то стоящее. Девушка быстро сообразила, что в принца, уснув, перевоплотилась маленькая дочка Олега (реальная жизнь продолжала идти своим чередом, несмотря на отсутствие в ней Эли). А значит, как минимум, она рассчитывала увидеть обожаемого доктора или хотя бы почувствовать его присутствие.

– Нет, мы все еще в связке.

Растерянность Нечто говорила сама за себя.

– Что не так?

Ответа не последовало.

В этот момент Город заинтересовался непрошеными посетителями. Асфальт выгнулся, и по нему пробежала частая рябь, сбивая девушку с ног. Упасть не дали сплетения высоковольтных проводов – навязчивые руки Города.

– Что строишь, крепость или плотину? – грянул голос с небес.

Хотя с чего бы из такого далека. Вот же два панорамных окна небоскреба напротив глядят заинтересованно и чу-

точку лукаво, а ниже отверстие дверного проема испускает вполне человеческую речь (Эля так и не поняла, кто пользуется дверью на такой высоте. Разве что Карлсон). Ну и далеко же ее утянули металлические щупальца Города.

– Рестораны, – наугад брякнула девушка.

– А лавандовое мороженое сможешь? – прогремыхал Город, похрустывая черепицей крыш и позвякивая шпалами трамвайных развязок.

Девушка задумалась, но ненадолго.

– Туда, – указала она рукой, и плети проводов, обвившие ее тело, понеслись в нужную сторону. Там в просвете туч проглядывало небо.

– Куда? – рыкнуло Нечто, но полетело следом за «руками» Города, действовавшими по Элиной указке.

– Слипри, помоги.

Змейка поняла без слов. Соскользнув с Элиного пальца, она ухватилась за зыбкий край тучи, которая уже почти прикрыла кусочек голубого неба, а девушка, взявшись за ее хвост, потянула на себя. Немного посопротивлявшись, туча поддалась, и девушка нырнула в обволакивающую синь, забеленную пухом облаков.

– Чувствуете?

– Нет, – одновременно ответили три голоса, когда Эля несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, и только фиолетовые прядки согласно затрепетали за спиной, понимая

чувства хозяйки.

Девушка приманила из облаков насыщенный запах, так знакомый из человеческой жизни, скатала его в руках в бесплотный шарик, так чтобы все присутствовавшие смогли вдохнуть сливочный аромат облаков. Нечто сплунуло, унюхав его и уже не удивляясь умению девушки творить с чужими снами все что душе угодно. Змейка захохотала, а Город недоуменно примолк, но услужливо подставил под сливочный шар каменную чашу одной из своих скульптур.

– Ну, с сахаром совсем просто, – ни к кому конкретно не обращаясь, промолвила Эля, широко улыбнувшись, и приказала Городу: – Неси туда, где слаще всего.

А затем удивилась, оказавшись у витрины пекарни, украшенной облитыми глазурью булочками. Но, к сожалению, такая конкретика Эле не подходила, даже если бы в лавке отыскался мешок сновиденческого сахара. Ее умение менять мир подчинялось своим законам, и для мороженого девушке требовалась другая сладость. Приказ пришлось конкретизировать, дополнив его описанием того, что должны чувствовать люди Города. Город почему-то пришел в легкое недоумение.

«Наверное, тоже ребенок», – подумала Эля о хозяине сновидения, но спустя некоторое время девушку все же перенесли в необходимое место – тенистый парк, изобиловавший молодыми парочками.

Эля потянула носом воздух и удовлетворенно кивнула.

И все же пришлось нелегко, необходимый ингредиент со-

бирался по крупицам. Целовались пары более чем странно, чмокали друг друга в губы без видимого удовольствия и только краснели как школьники (ну точно ребенок). В большом парке нашлось лишь двое подростков, которым «целовательный» процесс нравился. Парнишка лет четырнадцать, бережно обнимавший свою спутницу, привлек внимание Эли, он был как будто ярче отпечатан на сплошном полотнище сна (и не просто ребенок, а девчонка, влюбленная вот в этого юнца). Вот он и источал ту самую необходимую сладость долгожданного поцелуя и, неосознанно поделившись с Элей, не растерял ее, а только приумножил. Ну а в чаше статуи теперь клубился сливочный сорбет.

– Лаванда, – глубоко задумалась девушка и приложила палец к щеке.

– Проще, чем ты думаешь, – хмыкнуло Нечто. – Подскажу, если пообещаешь освободить меня еще от части твоих кошмаров, я, кажется, знаю, как их отыскать.

– Обещаю, – тяжелый вздох сорвался с губ. – Деваться некуда.

Удовлетворенное Нечто потребовало от Города переходить от дня к ночи. Город капризничал и сопротивлялся.

«Бойтся темноты, бедняжка», – поняла Эля.

Пришлось вступить в спор, девушка чувствовала, что Нечто мыслит в верном направлении.

– Не надо полной темноты, не будем делать страшно. Давай попробуем загадочно и интересно, только и всего, –

предложила она Городу.

– Хотите сумерки? – и Город затенила дымчатая кисея. – В сумерках интересней играть в прятки.

– Хотим! – в один голос ответили Эля и Нечто, когда от нахлынувшего полумрака в воздухе отчетливо запахло лавандой.

А Город удовлетворенно хохотнул, желая попробовать на вкус три соединившихся аромата.

– Стой! – Эля выудила из памяти одно крохотное воспоминание с тонкими нотками мяты и добавила в чашу. – Это тебе лично от меня.

– И что вы хотите взамен? – большая порция лавандового мороженого сделала Город сговорчивым.

– Один принц рассказал, что где-то неподалеку скрывается могущественный волшебник, я хочу задать ему вопрос.

Сначала Город расстроено вздохнул, а потом и вообще притих на долгое время. Да так, что расшевелила его только Слипри, от скуки начавшая кидать хвостом камушки во все попавшиеся поблизости окна.

– Раньше был могущественным, а теперь что-то не так. Ушла радость, ушли силы, даже на руки больше не подымает.

– Кого? – некстати ляпнула Слипри.

В ближайшей многоэтажке открылось окно одного из верхних этажей, и всю троицу затянуло туда в считанные секунды.

Вопреки предположениям, за окном квартиры оказалась

не комната, а сад. Он весь переливался и мерцал, хотя все еще погружался в лавандовые сумерки Города. Эля видела очертания деревьев, кустов, травы, каждого листика, каждой веточки, но не сразу поняла, откуда берется зеленоватое мерцание. И только когда крохотная букашка поднялась в воздух, стало ясно, что весь лес наполнен светящимися насекомыми. Светлячки настолько плотно расположились по всем поверхностям сада, что под ними нельзя было рассмотреть сам сад. Они вплелись в Элины волосы, и обступили притихшее от такой красоты Нечто, и даже неумную змейку ввели в замешательство.

А Эля целенаправленно шла к возвышавшемуся посередине поляны трону, радостно узнавая черты знакомого лица. Время пощадило «волшебника», почти не оставив на нем своих неизгладимых отпечатков. Разве только светлые волосы слегка посеребрило да взгляд сделало жестче и обреченнее.

Она задавала ему вопросы – он не понимал, взывала к его воспоминаниям – он не помнил, пыталась дотронуться – он отстранялся. И только отсутствие такого привычного аромата, исходившего всегда от него, наконец ее отрезвило. Она же видела все это сквозь сон его дочери. Ну откуда ему ее знать?

– Олег! – еще раз позвала она на автомате, но даже голос в ответ был не тем, что Эля помнила.

Но разочарование от того, что вместо любимого она ви-

дит проекцию, созданную его дочерью, не шло ни в какое сравнение со страхом, вдруг окутавшим ее. С ним действительно что-то было не так, девушка ощущала это всем своим существом. Чувствовала, что в реальности что-то меняет, искажает, коробит тот целостный образ, который она так бережно носила в душе.

– Что с волшебником, что с ним? – обратилась она умоляюще к Городу.

– Не знаю.

– Пожалуйста, расскажи мне.

Город снова вздохнул, и в его интонации закрались тщательно скрываемые слезы:

– Он редко появляется, почти не говорит со мной. Наверное, не только со мной, но и с ней тоже. Мало ест, почти не спит...

Город попытался бороться с навязчивым сценарием сна, но удавалось это из рук вон плохо, и Эля узнала и о пропущенных балах, и о вечном сидении в тронном зале за работой.

Сон оборвался, как всегда, внезапно, волшебник вместе с тронном растворился в воздухе, а тучи светлячков одновременно вспорхнули с поверхности пространства и улетели. Но на их месте не рос больше сад, осталось только белое пространство, излучавшее резавший глаза свет, причем настолько яркий, что Эля, вскрикнув от боли, ослепла.

– Вставай!

– Что со мной, я ничего не вижу! Нечто!

– Немудрено, тебе нечем видеть.

Девушка трясущимися руками ощупала кожные наросты на лице как раз там, где раньше располагались глаза, и ее пронзительный крик захлебнулся в слезах.

– Слипри! Слипри!

Холодным движением по руке змейка показала, что слышит, но проделала это в непривычной, режущей по ушам тишине.

– Она тоже молчит!

– Это от шока, она тоже слепа.

– А ты? – Эля дрожала всем телом, стараясь встать на ноги.

– Если ты не заметила, то как таковых глаз у меня нет. Я воспринимаю все по-другому. Сама же такое намутила.

Постепенно Эля приходила в себя, воспринимая ясно только неприятную белизну, разлившуюся перед внутренним взором, к лицу она решила больше не прикасаться, побережь нервы. В конце концов здесь она уже попадала еще и не в такие передраги. Девушка ободряюще погладила все еще немую Слипри.

– Побудь моими глазами, Нечто! Надо продолжать искать Эмиля, и с Олегом что-то не то. – Элин голос дрогнул, дорожки из слез пощипывали щеки.

– От этого мало толку. Все вокруг белое. Мое восприятие мира этот сон тоже отключил.

– Можно попробовать на ощупь, – решила девушка и, выставив руки вперед, медленно направилась в неизвестность.

Один шаг, другой, все смелее и смелее. Десять, пятьдесят.

– Ничего не чувствую, а ты?

– Порою какое-то незначительное изменение в плотности воздуха, и все.

На Элиной памяти Нечто растерялось впервые. И это пугало в десять раз сильнее, чем сама ситуация. Если уж постоянный житель снов... то что уж говорить о ней.

– Лучше полагайся на свое необычайное чутье.

Эля прислушалась к своему странному обонянию, а Нечто холодным комком прижалось к ее плечу.

Но сосредоточиться не получалось. Сбивал панический страх. А в голову все лезла и лезла мысль, вколачиваясь будто молотком: «Сон – это разговор человека с собственным подсознанием».

Девушка задумалась. Одна из дочек-близнецов Олега оказалась в связке снов вместе с папиным сном, кошмаром Эли и сном неизвестного человека, явно незнакомого ей. Судя по всему, это сплетение снов образовалось именно вокруг Олега. Затем сон девочки неизбежно привел Элю и ее спутников в сон сестры. Оказывается, между снами близнецов есть граница, но лишь эфемерная, их сны живут в этом мире только вместе. Девушка была готова поспорить, что если спит только одна из девочек, то сны ей не снятся до тех пор, пока не

уснет другая. Кого-то в этой цепочке людей, связанных с хирургом, явно не хватало. Догадка вырвалась тяжелым вздохом из груди.

– Это его жена. – Девушка обвела рукой то, что ни она, ни ее спутники увидеть не могли.

– Нам это вряд ли поможет.

Судя по тону, Нечто давно догадалось. Оно заметалось в полной неизвестности то в одну, то в другую сторону, но препятствия на пути не возникали. Вокруг, казалось, царила только необъятная пустота, и как ее преодолевать, не знал никто.

Девушку же передергивало от понимания того, в чье подсознание она влезла. Жена, так мечтавшая излечить Олега от Эли, как от закоренелой хвори... Именно сейчас девушке очень захотелось испытать свое влияние на чужие сны и устроить здесь полномасштабную катастрофу. Внезапно она поняла, что ревнует. Мало того, ревнует впервые в жизни. Даже многочисленные пассии Яна не вызывали в ней агрессию, возникшую сейчас, она в принципе ранее не знала эту эмоцию.

Паника Нечто прервала Элины кровожадные мысли.

– Не нахожу границ других снов. – Нечто пронеслось рядом неуправляемым вихрем.

Эля попыталась ухватить кончик дымчатого хвоста, но, будучи слепой, на ощупь это не так легко проделать. Хотя холодок от близкого присутствия попутчика постоянно про-

ходил мурашками по ее коже. Даже пучок своевольных волос испуганно жался к голове.

Персонаж из Элиных кошмаров продолжал метаться и орать на все лады о том, что они попали в ловушку и уже не выберутся.

«Интересно, – размышляла девушка, – как мой личный страх мог так парализовать страх (тавтология еще та)?»

– Молчать! – наконец сорвалась она, доведенная до умопомрачения жутковатыми стенаниями.

От удивления Нечто присмирело и не издавало ни звука живительную минуту, в течение которой девушка сложила уже в голове модель необходимого поведения, остались детали.

– Пойми, это ловушка, – снова занудило с плеча присмиревшее Нечто. – Нас законсервировали, и уже не выбраться.

Эля в раздражении отмахнулась:

– У меня ребенок, мне некуда деваться, только преодолеть.

– Думаю, твоему ценнейшему отпрыску сейчас лучше, чем нам, слепым.

– Очень на это надеюсь. А теперь скажи, как специалист по миру снов, что можно сказать о человеке, которому снится слепота? Это ведь тоже кошмар.

– Она боится.

– Вот именно. Боится открыть глаза на нечто страшное для нее. И раз от перекрестка сны вытягивались один из дру-

гого, нам нужно из всей этой разрозненной мозаики собрать единую картину.

– Ну и как? Получается?

– Нет, мне нужен... – девушка задумалась. – Ян. Его аналитический ум.

Нечто отчетливо хмыкнуло.

– Пригласи его на ужин, – язвительно предложило оно.

– Я сделаю лучше, приглашу-ка его на свидание.

Эля наморщила лоб, напрягая память, хотя все нужное и так хранила в себе ее странная фантазия.

Ну так что там было?! Тонкая изящная фигура, золотой водопад волос, глубокие синие глаза, и все это сдобрено умопомрачительным ароматом совершенства. Злата, она воссоздала ее прямо в чужом сне и, хотя видеть не могла, отчетливо чувствовала ее присутствие.

Нечто от неожиданности выругалось, очевидно вспомнив нецензурщину на всех языках, которой порой изобиловали кошмары.

– С чего ты взяла, что сон твоего дружка придет за этой топорной копией? – Нечто лукавило – неотключенные органы чувств просто кричали о том, что рядом находится то самое идеальное создание.

– Не Ян придет за Златой...

И соблазнительный голос, даже в гневе вынуждавший замирать в восхищении и мужчин и женщин, не заставил себя долго ждать: «Что тут происходит?»

– ...а она придет разобраться с конкуренткой.

Эля протянула руки на голос и коснулась приятно гладкой руки красавицы. Та тут же ее одернула.

– Ничего не вижу. Какая дрянь хочет со мной посоревноваться?

Эля легким движением руки развеяла воссозданную копию.

– Прости, я не знала, как по-другому тебя позвать. Мне нужна помощь.

– Сколько повторять, ты не найдешь здесь своего мальчишку. Слишком мала вероятность, так Янош бы сказал.

– Вот он-то мне и нужен, позови его.

Красавица задумалась, но всего на секунду.

– А что я получу взамен?

– Все что захочешь.

– Забавные вы – боги. Хотя ты же давно не бог.

Но все получилось не так быстро, как того желала Эля. Ян бодрствовал, и его пришлось подождать. Ожидание в обществе Златы было долгим и утомительным, а вынужденная слепота изводила все больше с каждой минутой.

– И что ты попросишь взамен? – прервала долгое молчание Эля.

– Слепишь для меня кое-что, когда станешь сильнее, тем же способом, что создала мою копию.

Девушка объяснила крайне ревнивой Злате, что с другом ей нужно только посоветоваться, хотя и увидеть его очень

хотелось, но об этом она умолчала. Она скучала по нему и по Лему. Их мир менялся, проходили годы, а для нее все оставалось по-прежнему.

Ян уснул неожиданно, когда Эля уже едва не сходила с ума от бездействия и слепоты. Она всегда сочувствовала потерявшим зрение людям и теперь особенно остро прочувствовала всю тяжесть их доли.

– Дурында, – хмыкнул брюнет, выслушав. – Тебе и не надо ничего сопоставлять. Он болен, серьезно, а жена не хочет об этом знать. От страха закрывает глаза на все признаки. А он бережет ее от горькой правды, больше ничего не остается.

В данный момент Эля плохо соображала, она с трудом сдерживала защитный барьер вокруг их странной компашки, хозяйка сна старалась выпихнуть всех из своей приватности.

– И этот вывод ты сделал...

– Нет, не из твоего рассказа. Мы общаемся, хотя после твоей смерти драки избежать не удалось, а спустя несколько лет неожиданно встретились. Я крестил его дочек...

Эля не видела, как Ян мягко сжимает плечи Златы, но находилась в обонятельном экстазе от потрясающего аромата морского бриза и туберозы, витавшего в воздухе. Уж для них точно зрение не играло сейчас особой роли, они и так слишком остро чувствовали друг друга.

– Жаль, что проснусь и ничего не вспомню, иначе рассказал бы Олегу. Может, хоть это взбодрило бы его. Ты... нам тебя не хватает, – скомканно, сухо, невпопад.

– Не отвлекайся, твоя защита лопается, – крикнула Злата.

И действительно, Эля уже еле сдерживала барьер. Нечто цокало, восхищаясь возможностями девушки. Она же не особо их осознавала, как всегда действуя по наитию.

– Мне тебя тоже не хватает, – крикнула она вслед исчезающему другу и его любимой.

Преграда не выдержала и лопнула, оставляя Нечто и Элю снова наедине со слепотой, ну а змейку, похоже, еще и с немотой.

У девушки как-то внезапно опустились руки, и хотя на душе потеплело от счастья друга хотя бы в мире снов, известие о болезни Олега ударило ее с силой под дых.

Нечто будто прочитало мысли.

– Я так понимаю, в придачу ко всему мы будем искать еще и панацею для твоего доктора.

– Я... Я не знаю, что делать, – как-то по-детски всхлипнула она и обхватила себя руками. – Сынок, Олег, а еще тебя нужно освободить из моих кошмаров.

– О-о-о! Прекрасно, что третий пункт ты теперь воспринимаешь как данность. Ну для начала давай вытащим нас отсюда, а то молчание твоей карманной гадюки меня нервирует.

– Как?

– Попробуем страх перебить временно другим страхом. Ты же материализовала здесь Злату, вот и впусти в этот сон что-нибудь, чего эта заменившая тебя дамочка боится.

– Что? Таракана? Крысу? Все женское население их боится.

– Далеко не все. Такие трусихи, как ты, не так часто встречаются. А эту особу, боюсь, такими банальностями не проймешь.

Эля думала недолго, ей все равно хотелось устроить для подсознания конкурентки маленький Армагеддон. И хотя она понимала, что неправа, что жена Олега и есть его истинная спутница по жизни, заботящаяся о нем, родившая ему детей, удержать себя не смогла.

– Ну здравствуй, его настоящее! – крикнула девушка в слепую пустоту. – Не хочешь ли поговорить с его прошлым?

Тишина, никакой реакции.

– Вяленько, – констатировало Нечто.

– Я – Эля. Олег рассказывал обо мне или ты сама все узнала?

– Не зацепило, добавь экспрессии, – хмыкнули из-за плеча.

– Я – та, кого он не сможет забыть никогда. Кого носит в сердце, несмотря на твое присутствие. Я всегда буду знать о нем на порядок больше, чем ты, даже если проживешь с ним не одно десятилетие, потому что я его часть, его половина.

– Поднажми!

Девушка уже сама была не рада тем словам, что срывались с губ, обжигая ее изнутри, тем, что раскрывали в ее душе доселе неизведанные темные глубины:

– Ты заменитель, суррогат, неудачная попытка заштопать дыру в сердце.

Голос сорвался от напряжения. Она не сразу поняла, что этот громоподобный звук, заполнявший все вокруг, вырвался из ее горла. Эля знала, что позже возненавидит себя за эту мерзкую сцену, но сейчас цель была достигнута.

На белом полотнище сна глаза наконец зафиксировали знакомый предмет. Эля стояла перед большим ничего не отражавшим зеркалом, но лишь поначалу. За преградой стекла что-то всколыхнулось, и проступило отражение, чужое отражение. Красивая незнакомка, этого у нее не смогли отнять даже хлопотные годы в роли жены и матери. Блестящие черные волосы в короткой стрижке, стройная фигура, умный пронзительный взгляд голубых глаз. Женщина была старше Эли лет на двадцать, но даже время не испортило ее, а казалось, добавило красоте необходимой завершенности.

Эля быстрым взглядом окинула свою неладную фигуру, запаянную в серебристый скафандр, и вновь испытала такое знакомое разочарование.

Женщина молча шагнула из зеркала и указала рукой куда-то вправо. Устремив взгляд в том направлении, Эля поникла еще больше. Там Олег, еще молодой, каким она его помнила, нагнувшись над столом, расписывался, а рядом, задевая его ноги, колыхался подол свадебного кружева. А дальше картинки замелькали, меняясь каждую минуту. Счастье в его глазах, а в руках только что родившиеся дочери. Семей-

ные посиделки с гитарой, – оказывается, он прекрасно играет и поет. Походы в горы, поездки на отдых, его падения, взлеты, успехи – и везде она, она, она... Запах жасмина и голубые глаза.

Эля поникла, признавая правоту немой собеседницы, сдалась, сметенная подчистую ее тяжеловесными аргументами. Тем временем жена Олега снова шагнула в зеркало, и ее пристальный оценивающий взгляд стал разъедать Элин скафандр. Подняв перед собой руку, девушка изумленно увидела, как стремительно трансформируется ее внешность: удлиняются ногти, тоньше и изящнее становятся пальцы, кожа меняет оттенок. И лишь заметив, как Слипри на руке превращается в блестящее обручальное кольцо, она наконец поняла смысл происходившего.

А Нечто уже кричало о нем во все горло:

– Она поглощает, убивает тебя! Останови это.

Но как остановить то, что она все быстрее превращалась в отражавшуюся в зеркале жену Олега? Мелькнула даже крамольная мысль, что наконец она обретет потрясающую внешность, какую никогда не имела. Но как раз в тот момент, когда фиолетовые волосы с ожесточением трепетали, до последнего сопротивляясь превращению в черные, другая мысль отрезвила и вывела из ступора. Здесь битва шла уже не за Олега. Если она сейчас исчезнет, растворится в подсознании более сильной соперницы, что станет с ее маленьким ангелочком, с ее Эмилем?

Для начала вспомнила все то, что принадлежало лишь ей, что делало ее собой. Жаль, что не угадать, какой аромат сама источает, с его помощью было бы проще справиться с жасминовым цветением. Она закрыла глаза, и вокруг закружились слова друзей, знакомых, родителей, любимого.

Мечтательница, недалекая, своеобразная, вся в себе, наивная, неприспособленная к жизни, отстраненная, добрая, доверчивая, спонтанная, нелогичная, теплая, любимая...

А затем все эти черты заново направляла на себя, надевая, будто ношеную, но удобную и любимую одежду. Это отнимало массу сил, и на последнем свойстве она уже едва стояла на ногах. Как ни странно, Нечто поддержало ее.

Открыв глаза, заметила, как женщина в зазеркалье нахмурилась. Да уж, на эту мешанину Элиных черт не накладывался ее пахнувший цветением образ. Ну ни одного совпадения.

Но это еще был не конец сражения. Девушка собрала последние силы и швырнула в новую знакомую образ настоящего Олега, тот, что по крупичам собирала, тот, что прочувствовала до самых глубин. Неуверенный, стремительный, порывистый, изменчивый, страстный, вспыльчивый, упрямый, надежный, влюбленный. Никаких натянутых улыбок, никакого «должен» и «обязан». Только истинная суть, нутро, сердцевина. Она и сама не поняла, зачем сделала это, лишь неясное предчувствие необходимости придало ей сил.

Соперница в ярости стукнула по преграде, неспособная уже выйти наружу. А зеркало стекло под ноги расплавленной

лужицей.

– Доброго тебе утра, – крикнула вслед таявшему сну Эля.

11

Девушка обессиленно уселась на странные, ничем не заканчивавшиеся ступеньки и, оглядевшись, поняла, что это всего-навсего трап к самолету. Вокруг распростерлась посадочная полоса аэродрома.

– А ты, похоже, отрастила зубки, – взвизгнула обретшая дар речи змейка, спрыгнув с пальца.

– Да что уж там, клыки, как у саблезубого тигра, – добавило Нечто.

– Свыкаюсь с гибким графиком катастроф, – промолвила девушка, и все трое облегченно засмеялись, не переставая при этом настороженно оглядываться по сторонам. Кто знает, что принесет очередной сон.

Но смех отдавался в Элиной груди небывалой болью. Сон избранницы Олега не просто освободил ее от наростов на глазах, но и скорректировал мировоззрение. Зазеркальная жена с высоты прожитых лет показала, насколько глупы и необоснованны притязания Эли на ее мужа. И девушке вдруг захотелось оборвать ту эфемерную нить, что все еще связывала ее с миром людей, ту, что тянулась к нему. Но проще решить, чем сделать, несмотря на кажущуюся тонкость, нить не поддавалась, не рвалась, и чем больше Эля ее дергала, тем больше запутывалась в ней, тем сильнее тонула в терпком за-

пахе Олега. К тому же он нуждался в помощи, и отмахнуться от этого Эля не могла.

Где-то неподалеку взмыл в небо самолет, и окрыленная Слипри ринулась с ним знакомиться. При этом она ни на минуту не умолкала, продолжая рассыпать комплименты Элиным талантам. Ее визгливый голосок еще долго сотрясал воздух. А девушка подумала, что змейку не утомляет, а радуется все это пестрое разнообразие событий и теперь от нее просто так не отделаешься.

От усталости она положила голову на ступеньки, а где-то повыше Нечто растеклось дымчатой лужицей.

– Послушай, как тебе это удастся?

– Что?

– Протаскивать в одни сны персонажей из других, постоянно менять сценарии и даже победить хозяйку сновидения.

– Наверное, все дело в том, что я не знаю правил, не знаю, что здесь возможно, а что нет, и от этого внутри твердо уверена, что возможно все.

– А если серьезно, как ты смогла разделаться с ней? Она сильная, ты же едва не погибла.

Девушка протяжно вздохнула.

– Я – мать, и мой ребенок потерялся. Похоже, я «растерзаю» кого угодно, лишь бы мой малыш оказался в безопасности. Тебе, наверное, трудно понять, проще создать для тебя детеныша, но я больше не твой бог.

Нечто задумчиво молчало, то ли переваривало сказанное,

то ли обдумывало, как затащить ее в очередной созданный ей же кошмар.

Самолеты взлетали и садились, и люди выпрыгивали из них прямо на лету, раскрывая в небе цветные зонтики, трап стоял никому не нужный, и уставших путников это устраивало. Они вяло наблюдали за происходившим, убедившись, что сон вполне для них безопасен, и лишь ждали его логического завершения. Идти сейчас куда-то категорически не хотелось.

– Смотри-ка, а этот мужчина решил не спускаться, а полетать.

– Надеюсь, ему не попадется на глаза пикирующая полумная змея, а то еще шмякнется с испугу.

– Вряд ли, это же сон. Даже если мимо пролетит Эйфелева башня, он не слишком удивится.

– А если бы это был кошмар? – Эля растянулась на ступеньках, пытаясь привести мысли и чувства в порядок.

– О-о-о! Тут бесчисленное множество вариантов. В него бы, например, могла палить Царь-пушка, пытаясь сбить как неизвестный объект вражеской армии.

– Ну а если бы мой кошмар?

– Только не твой. Ты не умела летать во сне. Слишком много страхов, с такой ношей не подняться в воздух.

– Ну тебя же я научила летать.

– Меня ты научила преодолевать пространство наиболее подходящим для такого создания способом. Так что это не

твоя заслуга, а единственный возможный вариант.

Эля помолчала, прежде чем озвучить следующий вопрос. Нечто наконец перестало реагировать на нее слишком резко, да и она сама очень уж сроднилась с этим сгустком черноты.

– А что будет дальше, когда я уничтожу все свои кошмары? Ты не боишься, что вместе с ними я уничтожу и тебя?

– О нет, даже не надейся. Свой родной кошмар я тебе не отдам. Он такой закоренелый и жуткий, что ты точно его не осилишь. К тому же я буду холить и лелеять его вечно, тщательно оберегая, прежде всего от тебя.

– О чем он?

– Не твоего ума дело! – привычно рявкнуло Нечто. – Лучше подумай, как попасть в твой следующий кошмар.

– Даже не собираюсь.

Фиолетовые пряди собрались на затылке в строгую ракушку. Эля попыталась их распустить, но они только больно хлестнули по рукам и сделали по-своему.

– Слипри, идем, – крикнула она, подымаясь.

Нечто заворчало что-то на пределе слышимости. Синее гибкое тельце замелькало перед глазами, забавно отдавая честь кончиком хвоста.

– На этот раз короткой дорогой.

Девушка присела на корточки, рассматривая покрытие взлетной полосы. А затем свободно просунула в него руку до локтя. Убедившись, что все именно так, как планировала, она погрузила в него ногу и зашла в асфальт, как в воду,

сначала по пояс, затем по грудь.

Нечто и Слипри пребывали в немом шоке, наблюдая за ней. И очнулись, только когда скрывавшаяся в асфальте девушка протянула к ним руку.

– Быстрее! – крикнула Эля.

Слипри по привычке обернулась вокруг пальца проникавшей в следующий сон руки, а Нечто, недолго думая, окутало облачком единственное, что еще оставалось на поверхности, – голову девушки.

Эля не успела увидеть сон, в который вошла столь оригинальным способом. Дымчатый обруч обвил голову, и невообразимый холод стал проникать внутрь, казалось прямо насквозь в черепную коробку.

Тело девушки дернулось, заметалось, а затем, развивая немыслимую скорость, рвануло куда-то в неизвестном направлении. Хотя почему же в неизвестном? Нечто знало, куда оно несет растерявшуюся спутницу... В бездонный океан ее кошмаров.

Яркие краски со всех сторон напоминали «волны» северного сияния. Ни низа, ни верха, ни права, ни лева – какой-то сумбур и хаос.

А потом началась настоящая пытка. Круги ада обычно ждут после смерти?! Чушь, никого уже не удивишь после собственного ада, который каждый носит в себе.

Эля моментально приготовилась к подземельям, лабиринтам, страхам, слезам, но она явно недооценила свой лич-

ный ад. Восприятие еще пыталось уловить сюжеты и антураж сновидений, но очень быстро перестало справляться с поставленной задачей, поскольку разум полыхал от захлестнувших его эмоций. И каждая из них – не просто на грани, а за ее пределами, до боли, до крика, до хрипоты. Все, что коксувалось в подсознании долгие годы, постепенно, а затем все набирая и набирая скорость, погребало девушку под своими завалами.

Ненужность, никчемность и совершенное несоответствие людям, которые дали ей жизнь, – первый нокаут, от которого девушка не могла прийти в себя долго, а еще предстояло с этим как-то справиться, освободиться, – ледяной обруч внутри головы не давал вариантов. Не победишь – просто умрешь под гнетом непосильной для ребенка ноши. И не к кому обратиться, зачерпнуть чужой силы, уверенности. Слишком мало времени, нужно выискивать в себе то, что можно противопоставить. И она искала, скрутившись в тугой комок и пытаясь совладать с болью.

Да, нелюбимая и ненужная дочь, от этого уже никуда не деться. Но вот же щекочущий ноздри запах банановых оладий, которые так любит Эмиль, и привкус патоки на языке от того, как он все время льнет к маме и находит в ней необходимое тепло, и медовый аромат привязанности и любви сына, и тонкой ноткой запах ландышей, цветущих в ее ребенке от того, что она хорошая мать, может даже лучшая конкретно для него мать на свете. Вот оно – противопоставление, и

достигнутый баланс не побеждает боль, нет, – он, скорее, ее отпускает на свободу. Но лишь для того, чтобы Нечто потащило ее за следующей порцией.

Не такая как все, не принимаемая ни одной детской компанией, не говоря уже о взрослых, пухлая, смешная, нелепая, не знающая, что хорошо, а что плохо, правильно и неправильно, и не потому, что не научили, а оттого, что не укладывается все это в ее голову, ну как ни верти. И детские слезы текут снова, вот только теперь по взрослым щекам, и хочется сказать что-нибудь умное и интересное, но откуда же взять, они ведь говорят, что она дура. И долго приходится искать, и боль практически ломает, выворачивает кости. И все не то, не то, все не подходит. И вся эта толпа вокруг все больше хохочет и тычет пальцами.

Но что это так приятно пахнет, оттуда, из-за их спин, издалека, на пределе чувствительности? Вот оно что, оказывается, именно так пахнет индивидуальность – перченым венгерским печеньем и сливочным сыром. Смешно, но это подарок от тех немногочисленных, но все же восхищенных ее работами клиентов, то, что когда-то уловила от них, но не восприняла всерьез.

Передышка в долю секунды, и снова в бой – безжалостный, убийственный, неравный, и все потому, что это не просто война, а война с самим собой.

С патологической нелюбовью Яна, пахнувшей медицинской ватой, как еда на траурных столах, пришлось сражаться

долго, поскольку цветастых кошмаров на эту тему всплывало великое множество. Ну и что с того? Зато как благоухает его дружба, словно первый весенний день, подсвеченный солнцем. Дружба даже после смерти, – вот где она горстями черпала оружие. Проливала дождем на свои же сновидения, чтобы смыть всю горечь до звенящей чистоты хрустальных бокалов.

Она давно потеряла счет раундам, которые все не прекращались, а только делали ее сильнее с каждой победой. Ее разум уже на автомате научился стряхивать с подсознания ненужный груз. Сколько кошмаров может увидеть человек за почти три десятка лет? Эля не бралась подсчитывать, ведь когда-то она видела и вполне миролюбивые сны.

И тут будто из-за угла выпрыгнуло оно – Безумие. К нему девушка не успела подготовиться. Оно обступило со всех сторон и стало засасывать в свои гнилостные глубины, но почему-то не ударяло в ноздри плесенью и тленом, как ожидалось, а благоухало совершенно непередаваемым букетом луговых трав. В нем смешалось что-то от вереска и мать-и-мачехи, лимонника и рододендрона, полевой ромашки и мелиссы.

И желание бороться покинуло. Все силы вдруг утекли в эти луга, в эти умиротворяющие чащи личностных никому не доступных ощущений. Страх подступавшего безумия породил множество ее кошмаров, и Нечто сдавливающим обручем требовало убить, изничтожить, развеять пеплом. Но

она не могла. То, что человеческое общество загнало в четкие рамки ненормальности, было частью Эли, ее душой, сутью, эфиром. Она, как никогда, понимала, что убить это можно только вместе с ней самой.

И тогда она решилась убить сам страх казаться безумной. Нелегко пришлось. Страх был настойчивым и дурманящим, он выskalзывал из рук и норовил развеяться над миром снов и не только, и чем больше девушка собирала его отовсюду, тем глубже он въедался под кожу, в легкие, кровь.

Но тут на помощь пришла Слипри, ее хохот заполнил все пространство, шарахнув по барабанным перепонкам. Ни капли нормальности, ни толики сдержанности, ни грамма уравновешенности. Смех словно ударил в спину со всей силой, очищая легкие, показывая пример счастливого и ничем не ограниченного безумия, и на его фоне зазвучал все громче и громче девичий безумный крик. Эля больше не сдерживалась, как никогда не сдерживалась змейка, она выплескивала страх и загоняла его глубоко под землю, туда, где больше никто не найдет. Она закопала его там, рядом с каменной плитой, под которой навечно уснула Ира, ведь она так любила и так хотела видеть Элю нормальной.

А следом еще множество и множество страхов, неудовлетворенностей, потаенных желаний и нерастраченных эмоций. Некоторые уже получалось просто перешагивать, другим – долго и мучительно смотреть в глаза, деформируясь и меняясь под натиском этих ужасающих взглядов.

И вот она – смерть сестры, и очередная трансформация – одиночество. А следом неожиданное материнство, к которому не прилагалась, как у всех, подготовка длиною в девять месяцев. Но и с ними девушке удалось справиться, хотя на это, возможно, ушли годы скитаний по собственным кошмарам: отсутствие времени не давало ориентиров.

Краткая передышка, и самое ужасное поджидало впереди; видимо, Элин страх за сына Нечто приберегло на сладкое. Правда и ужас заключались в том, что этот страх был не только вечным спутником ее прошлого, но и неотъемлемой частью настоящего.

– Чего ты хочешь? – крикнула девушка, когда, разрываясь от боли на куски, поняла, что не выдерживает, не справляется. – Я не могу тебя освободить. Пока не найду его, эти сны останутся.

Но Нечто не желало слушать. Нет, ему не нравилось мучить, просто оно уже чувствовало вкус свободы и не могло вот так просто отпустить ее почти на финише.

Эле казалось, что бесконечные потоки слез уже давно вымыли глубокие канавы на ее щеках, что легкие разодраны в клочья, а разум – на грани коллапса. И ничего больше не осталось, только смерть, очередная. Но нет, было самое главное – сын – то, что ее держало, или то, за что она так упорно держалась, то, чего уж точно не будет в следующем посмертии, ее родной любимый мальчик, ее котенок, солнышко и радость. Она вдруг поняла, что, несмотря на расстояния,

отчетливо чувствует его. Он здесь, в этом мире, и она, черт возьми, никуда отсюда без него не уйдет.

И этот раунд резко закончился, кошмары, врезавшиеся в ее уверенность, просто исчезли, истаяли. Так легко.

Разгоряченная и раззадоренная, девушка тут же ухвати-лась за следующую безжалостную эмоцию, уже спешившую навстречу из очередного ее кошмара, но Нечто вдруг неимо-верно сдавило голову, не позволяя не то что побороть – даже понять, что это было. И Эля благополучно потеряла созна-ние.

– Тьфу! Все веселье насмарку. А мы только начали развле-каться. – Широко улыбающаяся змея – не лучшее зрелище.

– Этого достаточно.

Нечто не просто радовалось, оно ликовало, все так удач-но сложилось. Погружаясь в асфальт вместе с Элей, оно и не подозревало, что временно сольется с ней во что-то единое, позволяющее управлять, выскивать и проносить по кошма-рам, которых, к слову сказать, теперь практически не оста-лось.

От знакомых голосов девушка быстро очнулась.

– Вот это аттракцион! – тараторили одновременно оба ее спутника.

– Как ощущения?

Первое желание придушить Нечто подавил здравый смысл.

– Потрясающая легкость, будто я сорвалась с цепей.

Если бы Нечто имело лицо, Эля поклялась бы, что «от уха до уха» – далеко не преувеличение.

– Ну пока, подруга!

– Что?.. – Эля растерянно затрясла головой на тающее облачко последнего из ее кошмаров. – Слипри, куда оно?

– Ха! Веселиться наконец-то без тебя.

Девушка закрыла глаза и безвольным киселем сползла на неопознанную поверхность под ногами. Перевести дух, а еще признаться себе в странном: она жалела об уходе Нечто. Привычка – великое дело. Зареветь от обиды – первое, что пришло в голову, но ее карманный кошмарик постарался на славу, в ней не осталось сейчас ни слезинки, только опустошенность и бессилие.

– А для этой штуки мы, наверное, вроде конфет, – донеслось обычное полоумное хихиканье, но ей даже думать не хотелось о том, где она теперь оказалась. Хотя ее обособленная шевелюра, почему-то мокрая и слипшаяся, настойчиво требовала обратить на себя внимание.

– Ну, открой глазки, – противненько заканючила змейка, для остроты ощущений ей явно не хватало Элиной осознанности. – Вот эти розовые пупырышки внизу и ворсинки впереди явно что-то напоминают.

– Отстань, мне наплевать, – еле промямлила девушка, хотя разум уже делал ставки на тему окружающего пространства и складывавшаяся в голове мозаика получалась так себе.

Еще и запах – ни дать ни взять мусорный контейнер. Но даже в таких условиях Эля не хотела открывать глаза. Ей требовалось собрать воедино себя новую, принять и поверить в те изменения, которые с ней произошли. Нет, она не только развеяла собственные кошмары и распрощалась с Нечто, она отпустила на свободу в первую очередь себя. И от этого мир и собственное место в нем стали более четкими, понятными. То, что доселе представлялось невероятно сложным, оказалось элементарным. Олег и его забавные девочки, жена, Ян, Лем, их любовь и судьбы – все будто на ладони. Вот с Эмилем сложнее – он персонаж снов, но она найдет его, найдет обязательно. А еще поможет Олегу, пока не стало слишком поздно. Вот только с чего начать, кто бы дал подсказку...

А потом эта штука вокруг задвигалась и подпрыгнула, будто бричка на проселке. Но девушка продолжала отлеживаться. И только когда ее слуха коснулось очередное «Будет здорово, если оно начнет нас пережевывать, а потом переваривать... бу-га-га», – захотелось вскочить, но не для разбирательства с новым сновидением, а чтобы схватить Слипри и выкинуть куда-нибудь подальше, за пределы слышимости.

Но для этого пришлось открыть глаза и начать действовать. М-да, в глотке какой-то громадной твари находиться не особо приятно, но совсем не страшно, темно вот только. Особенно данное положение выводило из себя Элины волосы, они оказались поборниками чистоты, а тонны слюней к этому не располагали.

Долго размышлять девушка не стала, она представила, что эта ходячая гора мышц только нарисована, причем не просто, а инеем на морозном стекле, и тщательно стерла ладонью преграду перед собой. Вышло все довольно легко, фантазия ей в помощь, и, схватив за хвост опешившую Слипри, Эля вывалилась сквозь проделанное отверстие к свету.

Но и тут задерживаться не имело смысла, где-то там уже некоторое время спал ее хирург, и не просто спал – мучился болезненным забытием, а она это почувствовала...

– Здравствуй!

– Зачем пришла?

Его очертания, такие размытые, глаза едва узнавали, но зрение уже давно не служило ей единственным ориентиром.

– Свадебные платья снятся к беде. – Элин голос тише шепота, но и слова излишни, он бы понял даже ее молчание.

– Какая разница, главное, что это наша свадьба. Шумное веселье – как раз то, чего мне сейчас не хватает.

Он повернул голову, и девушку почти придавило тяжестью прожитых им лет. Внешность в снах осталась прежней, но вот взгляд...

– А почему в жерле вулкана?

– Хрен его знает, подсознание, мать его.

Под ногами огненными дорожками лава расчерчивала себе тысячи путей, но жарко стало скорее от его близости. А со всех сторон действительно слышались гул голосов, тосты, звон бокалов, крики «Горько!». Эля заозиралась, ища гостей

странного события, но увидела только флешку, вставленную прямо в каменную стену вулкана и воспроизводившую соответствующие звуки.

– Я пришла тебе помочь.

– Тогда убей быстро и безболезненно. – Хриловатый надломленный смех.

Она вдруг жутко испугалась, поняв, что может выполнить просьбу любимого человека. Тело без сознания едва ли проживет.

Они висели над раскаленной рекой, а вверху над головами виднелось небольшое отверстие в голубое небо, откуда казавшееся нарисованным.

– Давай я предложу другой вариант.

– Нет уж, это мой сон, и варианты мои.

Эле вдруг стало радостно оттого, что он понятия не имеет, на что она здесь способна. Ну действительно, кто она такая, чтобы править его... его сценарий.

Она вздохнула и просто поплыла по течению сна, не меняя своего персонажа, не добавляя ему своеволия. Так хотел любимый.

Волосы оттягивали голову, их концы превратились в металл. Скафандр остался на ней, но теперь к нему булавками прищпилились куски белого кружева. Ступни терялись где-то в дыму вулкана, так что не понять, надеты ли на них классические белые лодочки, или нет.

Олег резко оказался рядом и, поддерживая ее затылок, са-

мозабвенно впился губами в ее губы. Это был совсем другой поцелуй, другой Олег, не тот, что она помнила. Ну еще бы, между ними пролегло как минимум двадцать лет. Двадцать лет его опыта, о котором она сейчас не хотела думать, только наслаждаться.

Это был не просто поцелуй, – через его жаркие глубины в Элю проникали терабайты информации о любимом мужчине, о событиях жизни, мыслях, чувствах, желаниях. Все годы, разделившие их, все то, что она о нем не знала, передалось в мгновение ока от него к ней, как по высокоскоростной сети. И вместе с этим то, с чем он не мог справиться, даже будучи врачом с многолетней практикой, то, от чего его близкие приходили в ужас, о чем неосознанно догадывались любимые дочери, то, что убивало, от чего не было спасенья. Поняв все, хирург попытался оградить любимую от неугасающей боли, которую испытывал ежедневно, но обостренное восприятие девушки зацепило немалую порцию.

Все грандиозные планы по его спасению обратились прахом. И она делала единственное, что могла в этой ситуации, – самозабвенно целовалась, давая Олегу то, в чем он так нуждался, – себя. Это ведь их свадьба.

И они переместились в тот старый сон его дочери, где он сидел на троне посреди неувядающего сада. И Эля стала короной, венчающей его голову. Навсегда с ним, а мимо текли ее тысячелетия и его секунды. И не было на земле созданий счастливее.

На прощанье, предчувствуя вечную разлуку, она положила в подсознание Олега маленький подарок, крохотный шанс на будущее. Он смог когда-то подарить ей бессмертие, переместив в этот мир, но взамен все равно остался смертным, она не могла это победить, слишком многое зависело от других, но могла облегчить его боль. И возвращение в реальность оказалось для него счастливым, впервые за много лет.

А Эля двинулась вперед, не разбирая дороги, не отвечая на вопросы ничего не понявшей змейки. Ей просто хотелось уйти подальше, ведь на этот раз она потерпела сокрушительное поражение. Став почти всесильной в этом мире, она не могла спасти любимого от болезни и смерти, – мир людей, будь он проклят.

Она шла прямым тараном через сны, отрешенная, погруженная в горькие мысли, больше ничто не становилось ей препятствием. И только Слипри приходилось порой вытаскивать из неподвластных ей ситуаций.

Эля перестала прислушиваться к снам Олега, не шла на их зов, напротив, она всячески старалась обходить его, не травить душу себе и ему. Зато благодаря ее закладке дочки-близняшки теперь видели собственного папу с нового ракурса, они смотрели и находили то, что ранее было недоступно их пониманию. И девушка чувствовала это и даже сквозь тяжеловесную скорбь хранила искру надежды, понимая, что скорее всего этого мало, ох как мало.

Она шла за сыном, и хотя не могла чувствовать его так, как прирученные сны Олега, знала, что идет в верном направлении. Ну а тропа снов, как всегда, завораживала своей хаотичностью. Крики, брань, стенания, признания в любви, вожделение, страхи, боль замешивались на зрительных образах, иногда неожиданных, порою диких, но чаще всего просто нелогичных. А еще в ноздри ударяли тысячи ароматов в невозможных, а порою и зловонных сочетаниях. Чувствовала их только Эля, но что поделаешь, не каждое подсознание благоухает розами. Она привыкла, этот мир стал для нее родным.

Фиолетовая копна волос устало повисла и слегка трепыхалась в такт шагам. Слипри похихикивала, разговаривая сама с собой на разные голоса, и только за лопаткой пекло привыкшую к холоду кожу.

– Куда бежим? – истеричный возглас змейки вывел Элю из душевного ступора, и волосы хлестнули по лицу.

Вокруг все мелькало с огромной скоростью, так что разглядеть невозможно.

– Все туда же. А почему собственно бежим? И вовсе не...

И только тут девушка обратила внимание на то, что происходит. И в самом деле, о беге не могло быть и речи. Это она тянула окружающее пространство на себя, стоя на одном месте. И мир снов несся на небывалой скорости навстречу. Темп все нарастал, а девушка все никак не могла остановить

это, а может не хотела, она ведь приближала ту часть мира, в которой завяз ее мальчик. Слипри уже кричала во всю глотку от мельтешения образов, слившихся в единую серую массу, а девушка, закрыв глаза, продолжала тянуть пространство, пропуская через себя. Но в таких поисках был и свой огромный минус: сквозь себя приходилось пропускать все эмоции спящих людей, словно нитями прошивающие сны, и неизвестно, во что бы превратилась переполненная ими Эля, если бы не врезалась во что-то странное, непроходимое.

Насильная остановка притушила разгоревшуюся в Эле вседозволенность, оставалось лишь глупо озираться. Для того, что простиралось вокруг, даже названия не находилось.

Набивший оскомину вопрос, где они, никто не услышал; пропала змейка, пропала своевольная грива волос, и пропало вообще все; Эле показалось, что и ее здесь не существует. И это не слепота, как в одном из кошмаров, что пришлось уже преодолеть, не глухота и даже не кома. Отсутствие всего, любого привычного ориентира. Девушка лишь ощущала слабое покалывание сродни электрическим импульсам низкой частоты, но и понять, как конкретно она это чувствует, не представлялось возможным. Казалось, что ее разбили на сотни мелких кусочков, причем настолько мелких, что кварки – это так, детская забава. Сумасшедшее воображение могло объяснить ситуацию тысячей разных вариантов. Кто она сейчас? Сгусток газообразного вещества, поток заряженных частиц, колеблющихся в замкнутом контуре, волна льюще-

гося солнечного света, – да что угодно, но уж точно не создание из плоти и крови.

Покалывание где-то (где?) ощущалось сильнее, где-то слабее, а где-то напоминало отстукивание металлических молоточков. Все это так непривычно, необъяснимо, несвойственно человеку. А уж о людях за свое путешествие она узнала более чем достаточно.

Эля вдруг представила каждый человеческий сон в виде капли воды, и сны-капли образовывали огромный океан, коллективное бессознательное – Мир Снов. Капли то добавлялись, то испарялись, то оставались навечно в этом океане, созданном людьми. Но что если наш человеческий «океан» снов далеко не одинок, а просто располагается рядом с таким же чужим океаном...

Стало страшно и дурно одновременно, а странные покалывания вместе с этим обрели некую ясность, законченность. Она вдруг осознала, что люди давно уже контактируют с внеземными существами и для этого нет надобности породить неизученную вселенную. Физический мир, возможно, существует только для нас, а вот сознание, волны разума реальны, скорее всего, для всех существ. Люди, закрыв глаза, давно соприкасаются с новым, уникальным, неизведанным, вот только проникнуть в сознание брата по разуму вряд ли кому-то до Эли удавалось. Слишком разные.

Девушка понимала, что лучшие умы человечества, войдя в контакт с внеземной цивилизацией, наверняка бы попыта-

лись «поговорить». Вот только ее глупая голова оставалась пустой. Да и как можно обмениваться информацией с тем, что имело абсолютно иную природу, даже структуру самого сознания. Как дереву поговорить с настольной лампой, ветру – с магнитной индукцией, человеческой особи – с тем, что не видит, не слышит, не помнит, не чувствует, в нашем понимании? Зрительные образы не подошли бы, хотя так и напрашивались из горы прочитанной фантастики, речь отпала сама собой ввиду отсутствия речевого аппарата. Оставалось то, что Эля могла лучше всего: обоняние, запахи, – но для их восприятия собеседник должен был обладать хотя бы зачатками дыхательной системы, а этого, как и всего остального, не наблюдалось.

И тогда Эля попыталась передать вовне то, как она мысленно воспринимала человеческие понятия.

«Дружелюбие» – прошло мимо, «Любовь» – тоже попала в «молоко», не вызвав у существа, в подсознании которого она оказалась, никакой ответной реакции. «Радость», «Веселье» – безрезультатно. Тогда девушка попыталась представить, что выдал бы на обозрение внеземной цивилизации Ян. «Космос» затронул лишь в части воспоминания о звездах, покалывание сменилось на нечто другое, более гладкое. Все остальное: «Гордость», «Сила», «Ум» – прошли скорее по касательной. На очереди был Лем, и вот он попал в яблочко со своим «Творчеством». В ответ что-то вокруг завибрировало, затрепетало, отозвалось. Свойства как хирурга, так

и самой Эли оказались слишком специфическими для чужеродного сознания. Зато «Материнство», вырвавшееся при воспоминании о сыне, всколыхнуло все вокруг и заставило придать воздействию покаяванию некоторую температуру, – холодно или тепло, не понять, но по-другому.

Встретив неожиданное понимание, девушка усилила натиск. И в ход пошли «Детская наивность» и «Неожиданность», «Восторженность» и «Восхищение». Она выпускала из себя все это уже не столько от потребности в контакте, сколько от неосознанного желания выговориться. То, что копилось все годы материнства, что обострилось при потере Эмиля, ее потребность излить душу – нашли нестандартного «слушателя». Но самое удивительное заключалось в том, что ее наконец поняли, ей откликались, ее слушали с небывалым вниманием. Бесполое создание иного мира знало, о чем она «рассказывает», встречало сопоставимые понятия. А Эля уже не могла остановиться, поток ее сознания залил все вокруг, но собеседник выслушивал ее с удвоенным интересом. А когда «речь» зашла о красоте сыночка, такой, какой она воспринимает эту красоту, девушке в сознание ринулся ответ, он был ни с чем не сравним, и описать его затруднительно, сродни эмпатии, замешанной на электрических импульсах в нервной ткани.

Существо показало свое видение ее мальчика, и впервые за это путешествие не пришлось спрашивать, просить, убеждать, ей просто так сделали ценный подарок. Она по-

прежнему ничего не видела, не чувствовала, и только по-кальвания напоминали, что она еще есть, но что-то вокруг необъяснимо менялось, превращая сознание чужака в нечто напоминающее воронку, в которую Элю засасывало, как травинку в водоворот ручейка. Но это был не водоворот, а скорее дверь, портал, переход туда, куда Эля стремилась попасть вот уже долгое время.

Где девушка материализовалось, не имело значения, главное, что в ее объятьях оказался Эмиль.

Она прижала его к себе и полной грудью вдохнула чистейший, концентрированный аромат своего сынишки.

«Спасибо!»

Ее снова слышали.

Слезы брызнули из глаз, тело стало свинцовым, но ничто на свете не могло вырвать теперь сына из ее рук. Ничто на свете, кроме голоса сестры.

– Отойди от него, – закричала Ира, и Эля, вздрогнув от неожиданности, ослабила хватку, но не отпустила.

И одновременно почувствовала, как ее зовет Олег. Она не могла слышать его крика, не находилась в его сне, но всем существом ощущала, как необходима в данную минуту любимому человеку. Нужно выбрать, но для нее выбора никогда не было. Сжав посильней в объятьях Эмиля, она приготовилась защищать его от всего, даже если для этого понадобится перечеркнуть свои чувства к Олегу.

Для того чтобы сосредоточиться на происходившем в

этом сне, она в доли секунды выстроила кирпичную стену между собой и хирургом и в пространство полетело только «Прости».

Эмиль захныкал, когда Ира потянулась к нему. Периферическое зрение улавливало очертания автомобиля, зеленый сверток, мужчину, когда-то знакомого, но с давно забытыми чертами лица. Да это же Данил!

Элин разум с несвойственной ему молниеносностью переварил всю поступившую информацию:

– Остановись, ты его пугаешь!

Ира послушно замерла, увидев слезы, катившиеся по щекам сынишки.

Эля поняла, что это сон сестры, поняла, что выброс эмоций был такой сильный, что он так и остался навечно в мире снов, даже после того как сестра умерла, но вот чего девушка не могла понять, так это того, почему у сна не было сценария. Ира не сопротивлялась развитию событий, они будто разговаривали в реальной жизни.

– Отдай его, до твоего прихода мы замечательно играли, он со мной счастлив.

Эля тихонько пятилась назад, в свои три года сынок был уже далеко не легким, но она ни за что на свете не выпустила бы его из рук, даже если бы он весил тонну.

– Так и знала, что ты захочешь забрать его, я говорила Даньке, но он не верил.

Где-то на пределе видимости маячила тень Данила, бес-

словесная, игравшая роль декораций, как и второй автомобиль, несшийся по встречной полосе на высокой скорости. А еще звук сирены скорой помощи, которая когда-то увозила едва живую Иру в больницу.

И не было ни Слипри, ни Нечто, для того чтобы поделиться жуткой догадкой.

Ира умерла по пути в больницу, не выходя из комы, которая в какой-то степени тоже сон. И в этот сон так сильно впечаталась ее душа, личность, что она здесь сохранилась как живая, с тем набором мыслей и эмоций, что сопровождали ее на пути к смерти. Вот почему у сна отсутствовал сценарий, в нем осталось слишком много от хозяйки, которой уже не существовало, когда сон закончился. Несмотря на видимое примирение в машине, она так и не простила Элю за своего ребенка и умирала с мыслью о том, что сестра его отберет. Кто же знал, что так сложится жизнь, кто знал, что идеальный ребенок из снов выберет Элю себе в мамы, но сможет прийти к ней только через Иру...

Просить прощения поздно, сестра не простила будучи живой, значит, уже не простит никогда. И Эмиля отсюда ни за что не выпустит. Как только мир снов снова притянул его, ребенок оказался во власти Ириных чувств и выбраться из этого сна самостоятельно уже не мог, несмотря на свою вольную природу. Но он любил Элю, скучал по ней, именно ее считал матерью, и поэтому она слышала и шла на его зов так долго.

– Ирочка, пожалуйста, выслушай.

– Ты и так слишком много говорила, а в итоге что? Я все равно вижу моего ребенка у тебя на руках. Моего, слышишь, моего!

Слезы из Элиных глаз все катились и катились, она тосковала по сестре все эти годы. Так легко поверить, что вот здесь, в мире снов, она вернула ее, что все будет по-прежнему, как много лет назад, когда ничто не могло их разлучить. Но девушка понимала, что это не так, перед ней не Ира, а лишь часть ее эмоций, причем не самых приятных, навечно запечатанных в мире снов, как раковина в окаменелости. Это последнее сражение, которое ей надо выиграть, ради сына. Вот только как сражаться с той, кого так любишь?

Ира наступала все быстрее и становилась все больше и больше, пока не стала ростом с двухэтажный дом, а Эля уперлась спиной во что-то жесткое, не позволявшее отступить дальше. Девушка медленно гладила прижавшегося ребенка, стараясь его успокоить, хотя самой хотелось кричать в голос от бессилия.

Тихий шепот из-за спины принес видимое облегчение.

– Убей ее, ты можешь.

Он был такой знакомый, такой привычный, но вот смысл слов...

– Нечто, ты сдурело! Это же Ира.

– С кем ты разговариваешь? – спросила гигантская сестра.

– Да так, ни с кем особенным, – заюлила Эля, стараясь от-

влечь ее и не нарваться на выговор за бредовое воображение.

– Это мой карманный кошмар, – сдалась она, как в детстве, не сумев скрыть правду от сестры.

Нечто фыркнуло и привычно похолодило спину.

Ира обреченно вздохнула, да так, что порыв ветра чуть не сдул Элю с Эмилем.

– Ну как ты вообще можешь думать о детях, когда тебе и себя саму доверить нельзя?

От снисходительно добрых ноток в голосе так и повеяло застарелыми воспоминаниями. На мгновение захотелось сделать все что скажет, ведь она всегда защищала и всегда оказывалась права. Только Эля уже давно не та беззащитная девочка, какой ее знала сестра.

– Давай я расскажу тебе о нем? – предложила девушка, одной рукой держа сына, а второй нащупывая сбоку что-то пригодное для сидения.

И пока Ира на мгновенье задумалась, побыстрее начала:

– Эмиль – замечательный мальчик, самый лучший на свете, он родился настолько красивым, что даже детские врачи, видевшие многих, восхищались его ладностью. Он рано заговорил, в пять месяцев, и больше не останавливался.

С каждым сказанным словом черты лица сестры смягчались, она снова стала нормального размера и присела на больничную койку, взявшуюся из ниоткуда.

– Я перепела ему все песни, какие знала, пересказала все сказки и стихи, но он все время требует чего-нибудь новень-

кого, поэтому приходится не отставать и учить и читать все новое. В два года он знал буквы, и теперь мы постепенно осваиваем слоги.

Ира внимала с таким жадным интересом, что Эля не могла и не хотела останавливаться, а Нечто за спиной все бубнило и бубнило о неуспокоенной душе попавшей в сны и необходимости ее уничтожить.

А потом из Иры полились вопросы, да таким нескончаемым потоком, что девушка едва успевала на них отвечать. О здоровье, привычках, интересах, игрушках, книгах, друзьях... о жизни сына, которую она не успела узнать.

– Это мама? – вдруг спросил Эмиль. – Помню фотографии, и ты рассказывала.

– Да, зайчонок, это твоя мама, – едва сдерживая рыдания, ответила девушка.

А Ира вздрогнула и перестала тянуться к ребенку, видя, что его оторвать от Эли можно только силой, но время от времени неосознанно вскидывала руки в инстинктивном желании прикоснуться.

– Почему ты его не отдаешь? – наконец обиженно выпалила она. – Ты правильно сказала, я мама.

Это оказался самый тяжелый вопрос из всех, на которые Эле приходилось когда-либо отвечать.

– Убей ее, пока не поздно, если ты скажешь, она...

Но Эля не слушала.

– Сестренка, на самом деле тебя больше нет с ним, с на-

ми... ты...

– Что ты несешь, ты в своем уме? Пора записывать тебя на прием к доктору, снова. Уж не хочешь ли ты сказать, что я... – Ира как-то неуверенно и совершенно неуместно улыбнулась.

– Хочу...

И тут началось ужасающее. Поднялся штормовой ветер, и сон захлестнула неудержимая стихия Ириных эмоций. В воздух взметнулись непонятно откуда взявшиеся предметы, образ сестры смазался и исказился до неузнаваемости, она взвыла, как банши из киношных ужасов, только все происходило на самом деле. Рыдала, плакала и выла ее душа, непокоенная, оставшаяся в снах, как и говорило Нечто.

Эля попыталась спрятать Эмиля за сиденьем автомобиля, но это оказалось невозможно, слишком быстро все взмывало в воздух и ударялось друг о друга с оглушительным скрежетом.

– Нечто! – крикнула Эля, стараясь перекричать шквальный ветер и завывания, которые уже порядком напугали мальчика. – Забери его, спрячь.

Одно мгновение – и от Нечто и Эмиля не осталось и следа, а по Элиному сердцу будто полоснули ножом.

Она собрала всю свою слабую волю, отменяя неуверенность и горечь, ради сына, ради сестры, и мыльная пена большими невесомыми комками посыпалась с неба, она пахла умопомрачительно ванилью, именно так, как любила Ира.

Когда-то Ира сажала маленькую Элю в ванночку, и все проблемы растворялись в душистом запахе и прикосновении ласковых рук. Только теперь роли поменялись.

Ира сидела в огромной ванной по шею в пене, не прекращая всхлипывать, руки, вцепившиеся в бортики, мелко дрожали, а из горла вырывался уже не вой, а вполне вразумительный женский плач. Эля стояла рядом на коленях и мягкой губкой водила по ее плечам, рукам и коленям.

– Успокойся, родная... ты...

– Вот именно, я. Как я могу успокоиться, я умерла. Точнее, даже умерла не до конца. Осталась между прошлой жизнью и... ну не знаю, что там дальше и есть ли оно. Сестренка, мне плохо, я так долго ждала здесь своего сыночка, а оказывается, меня уже давно нет.

Эля не могла подобрать слова, они застряли колючим комком в горле и обдирали его изнутри, будто сухая бумага.

– А Данька, что с ним? Он с вами?

Эля вздохнула:

– Нет, он ушел вместе с тобой. Но мы с Эмилем не одни, нам помогали родители, Ян и Лем.

– О, твои странные спутники.

«Странные спутники – это про других», – не к месту подумала девушка.

Слезы сестры не заканчивались, и ее слова между всхлипами разобрать можно было скорее интуитивно.

– Но как они могут помогать тебе здесь?

Неверующая Эля в душе молилась лишь о том, чтобы сестра не спросила, что они вообще с сыном тут делают.

– Поверь, даже здесь помогают, и не только они.

– Ты хорошо о нем заботишься, правда? Я видела, как он любит тебя. – Слова дались ей с трудом, будто не произнести их надо было, а выжечь клеймом на нежной коже. – И здесь со мной все время звал «маму», думала, меня, а оказывается...

Эля прижала голову сестры к своей груди.

– Не знаю уж, насколько хорошо, но очень стараюсь, правда. И очень, очень люблю.

Сестра почти успокоилась, и в девушку вдруг вонзился взгляд карих глаз. Немой вопрос невозможно озвучить, но это и не требовалось.

– Он знает все о тебе и Даниле, он знает, кто его родители, и я не позволю ему о вас забыть.

Из Иры вдруг словно воздух выпустили, она стала уменьшаться прямо на глазах и превратилась в упрямого и умного подростка, смотревшего на мир настороженно сквозь линзы очков. Она ткнула пальцем Эле в грудь и произнесла слегка надломленным голосом:

– Мало того, что на меня наплевать, так еще и тебя на шею повесили.

Девушка опешила, но быстро пришла в себя:

– Не переживай, я справлюсь сама.

– Ты? Сама? – прошлое сестры тихо и неверяще захихи-

кало.

Девушка сориентировалась быстро, в мире снов она давно уже чувствовала себя как рыба в воде, в отличие от человеческого, в котором скорее походила на рыбу, выброшенную на берег.

Элины воспоминания и впечатления о самостоятельной жизни без сестры и о путешествии за сыном закружились вокруг Иры, как легкие облачка, подхваченные бризом.

Просмотрев все, умный не по годам подросток обронил на прощание:

– Поверю, если начнешь есть нормально. А то пинай тебя вечно в спину и корми с ложечки.

Эля засмеялась в ответ. Ира в детстве вечно ее перекармливала, считая, что сытость для ребенка – самое главное, а на тропе снов надобность в еде практически не возникала, только если сон не был на это ориентирован.

Тем временем на месте подростка оказалась новорожденная девочка с характерной мимикой и живыми карими глазами, смотревшими на мир с восторгом. Вот только лежала она не в детской кроватке, как сверстники, а в устланной одеялами огромной коробке из-под какого-то прибора.

«Родителей в то время явно деньгами не баловали», – подумала Эля и взяла на руки резко зарыдавшую в голос малышку.

Догадаться, что ее тревожит, не составило труда, росли-то они у одних увлеченных всем, кроме детей, родителей. А уж

успокоить и подавно проще простого, девушка ведь уже вынырнула Эмиля. Вот только здесь обычные приемы не подошли бы. Плакал не просто маленький ребенок – плакала душа. Элиного материнского тепла нашлось с избытком, его хватило бы на нескольких детей, и девушка щедро окунула в него крохотную сестру. Улыбка на розовых губках и трогательная дрема стали ответом на заботу. Но вот отпускать душу самого близкого человека оказалось очень сложно, так хотелось ее оставить, но нельзя, нельзя, – Эля понимала.

А ребенок уже растворялся прямо в ее руках, отпущенные страхи больше не держали душу многотонным балластом.

И Эля снова плакала, пока перебиралась в соседний сон, где Эмиль прыгал через удлинившуюся Слипри, как через синюю скакалку. Слезы текли по щекам беззвучно, чтобы не напугать сына.

– Мам, мамочка, – тут же потеряв к игре интерес, он бросился к девушке.

– Да, родной, я здесь, все хорошо.

Она целовала его крохотные веки, щечки, ладошки, опустившись на колени, не помня себя от счастья. А внутри что-то жгло, терзало, не давало забыть, да она и не пыталась.

– Ты уверена? Там этот твой тонет. – Беспольный голос из-за спины.

Пожалуй, она даже соскучилась.

– Почему ты вернулось? – уже направляясь в указанную сторону, спросила Эля. А Эмиль вполне комфортно путеше-

ствовал на ее руках и комментировал все, что происходило вокруг.

– Считай, что соскучилось.

– Вот так комплимент.

– Даже и не думай, скорее всего мне еще что-то от тебя нужно.

– Как интересно, что же?

– Позже придумаю.

– Фу, какая горькая гадость, – отфыркивалась опередившая всех змейка, выныривая из странно мутной реки, в которой тонул едва видимый сквозь мириады брызг Олег.

Река бурлила, впечатляя множеством водоворотов и порогов. Хирург с большим трудом преодолевал течение. И в противоположность этому смертельному заплыву, сверху с невидимых глазу деревьев медленно падали в осеннем вальсе пожелтевшие листья.

Зрелище было страшное, Олег явно не справлялся с течением, его искаженное лицо, полное боли, ужасало. Ему хотелось выплеснуть все в крик, но река не позволяла, заливая в рот свою отравленную жидкость.

– Что это?

Эля коснулась поверхности и слизнула капли с ладони.

– Морфий.

Слипри отряхивала мокрое тело, но тщетно, капельки на гладкой коже застывали сероватыми кристаллами.

Эля обрушила на едва шевелившуюся змейку водопад чи-

стой воды.

– Нечто, попридержи ее в этой луже.

– И долго будет откисать?

– Долго.

– Откуда такие познания?

– Наглоталась перед смертью.

– Мам, кто это? – Эмиль не был удивлен, он, рожденный в этом мире, привык и к более странным вещам.

– Мой друг, солнышко.

– Умирает, – влезло Нечто.

– Нет, не умирает, мучается от боли, – сказала Эля, чувствуя почти физически отголоски эмоций любимого человека.

– Не он, они? – указал ребенок пальчиком на всплывавшие из воды бледные фигуры.

Завидев их, Олег практически перестал сопротивляться, и бурное течение затрепыхало его тело как безвольную щепку.

Слипри тарашилась из лужи пьяными глазами и даже пыталась вяло вырваться, но с Нечто сладить не могла.

– Лежи смирно, – рявкнуло оно, – змея под кайфом, какая пошлость.

Элины мысли лихорадочно заметались в поисках решения, а руки инстинктивно поудобнее перехватили ребенка. Эмиль же тренировался в математике, пересчитывая фантомы людей, дрейфовавших по реке.

Нечто, как всегда, переполняло нетерпение.

– Ну и чего застыла, спасай своего ненаглядного. Ты же все можешь, кинь его в какой-нибудь водоем, как Слипри, немного побарахтается и проснется.

– Все не так просто, – вздохнула девушка.

Она окунула ноги в бурный поток и прикрыла глаза, чтобы в полной мере прочувствовать через сон, что происходит с любимым. И все оказалась страшнее, чем можно было ожидать. Вводимые в больших количествах опиаты обездвижили мужчину, лишили воли, но тем не менее со своей задачей не справились, боль никуда не ушла, она сжирала его, истязала. Только вот о ней не рассказать, не закричать. Врачи не могли его спасти, они только продлевали мучения, с молчаливого согласия родных, не желавших с ним прощаться. Ему хотелось кричать «Отпустите!», но никто, кроме Эли, не мог его услышать.

Когда она подняла веки, от хрупкой девушки в ней осталась только оболочка, выжженная изнутри испытаниями. В черных глазах отражался нелегкий опыт принятого решения.

– Они – его личное кладбище, – тихо шепнула она, чтобы сын не услышал. – Такое есть у каждого хирурга.

– Ну, значит, дело дрянь.

– Зайчонок, – целуя в висок ребенка, вымолвила она, – побудь на берегу с Нечто и Слипри, а я скоро вернусь.

– Ты хочешь его спасти? – маленький пальчик указал в сторону Олега.

– В какой-то мере да, родной, я хочу избавить его от боли.

– Я помогу, – решительно сказал Эмиль и слез с маминых рук.

– Но ты не можешь... – растерялась Эля, – ты еще совсем маленький.

– Я все могу, – уверенно ответил златовласый мальчик и потянул девушку за руку прямо к реке, жидкость которой превратилась в воду ровно в том месте, где мама с сыном стали в нее погружаться.

Нечто ругнулось на каком-то неизвестном диалекте, оно все старалось перестать удивляться, но в присутствии Эли это никак не получалось, а теперь и ее сынок добавлял впечатлений.

Вместе они нырнули и поплыли под водой, держась за руки, и золотые кудряшки Эмиля распрямились, а Элины фиолетовые волосы наслаждались водными процедурами, барахтались как шальные. Девушка и подумать не могла, что ребенок умеет так уверенно плавать, и вдруг вспомнила, что и сама раньше не умела.

Погружались все глубже и глубже, может вниз, а может вверх, туда, где душу Олега железной хваткой держало его истерзанное и обезумевшее от боли тело.

– Не знаю что искать, – сказала Эля, рассуждая вслух, но сын понял ее, это ведь был только сон.

– Ма, давай просто послушаем музыку.

Эмиль закружился под водой, плавно двигая руками. И

Эля улыбалась, глядя на своего мальчика, но ничего не слышала, только чувствовала концентрирующийся запах тополиной листвы, купающейся в весеннем дожде. Ориентир сына маме не подошел, он слышал музыку души, она чувствовала только ее аромат. Зато девушка удостоверилась, что они плывут в верном направлении.

Они с трудом увернулись от стремившихся навстречу металлических ниток неизвестного происхождения, и лишь спустя время Эля догадалась, что это проплывали гитарные струны. Эмиль потрогал за руки двух одинаковых кукол в разноцветных платьях, утопленных в водоеме сознания хирурга, очевидно они принадлежали дочкам-близняшкам. Здесь было на что посмотреть, вот только кишевшие образы не спасенных врачом людей очень мешали. Но все же в мутном пространстве удалось разглядеть шлем от Элиного скафандра, он погружался все глубже и глубже в толщу воды, а пузырьки кислорода, покидавшие его, стремились вверх. Девушка застыла, не в силах отвести взгляд от металлической сферы, и только интуитивно взяла сына покрепче за руку.

Что ее остановило, трудно сказать, то ли предчувствие, то ли ощущение затаившейся неизбежности.

Из шлема росло маленькое деревце, цепляясь гибкими корнями за гладкую и холодную поверхность. И это зрелище резануло глаз противоестественностью, неправильностью, впрочем лишь для реального мира. Зато в Мире Снов смотрелось очень органично, так одна душа вплеталась в

другую, прорастала все глубже, не отпуская.

– Родной, а если я... – обратилась она к сыну, толком не зная, как закончить вопрос.

– Угу, – кивнул ребенок, разбиравшийся в происходившем лучше, чем мама.

Оказалось, убить человека просто, – неподъемно сложно решиться на это, даже ради него самого. Но, кроме Эли, никто не мог сейчас помочь парализованному Олегу, и его беззвучный крик раздирал только ее душу.

Все действие не заняло и нескольких секунд: вытрясти из памяти запах морозного воздуха, чуть терпкий, оседавший на языке свежей мятой, сконцентрировать и направить на маленький тополь. Эля потратила на это столько моральных сил, что практически потеряла сознание, но даже в таком состоянии ее рука крепко сжимала ладошку сына.

Шлем расчертили серые уродливые трещины, маленькое растение на его дне, ранее напоминавшее искусство бонсай, превратилось в хрусткую ледяную скульптуру. Реку до дна выстудил вызванный девушкой холод, а Эмиль, видя состояние мамы, просто крикнул посильнее, и ледяное безумие сна вокруг осыпалось к их ногам колкой крошкой инея.

На то, чтобы открыть глаза, ни моральных, ни физических сил просто не оставалось, единственное, что могло заставить ее, – это отсутствие сына, но его теплые пальчики находились по-прежнему в ее ладони. А значит, можно было позволить себе полежать еще немного. Но повседневные реалии в виде

запрыгавшей на животе Слипри не позволили ей это сделать.

– Вставай, вставай, вон он идет!

Девушка открыла глаза и окинула взглядом пространство, уже занятое другим сном. В воздухе плавали символы и надписи на разных языках, написанные разными почерками, там, где они натыкались на удлиненные шпалеобразные строения неизвестного происхождения, оставались бурые мазутные пятна, на периферии зрения дрейфовал в небе почти разрушенный Колизей. А под ним сидела сухонькая старушка с пером в руке и декламировала что-то жизнеутверждающее.

– Хозяйка, – хмыкнуло подоспевшее в теплую компанию Нечто.

И по этому вполне безопасному сну шел стремительной походкой Олег, запинаясь на каждом шагу и заинтересованно озираясь. Увидев странную компанию, он направился к ним, а Эля, поцеловав ребенка, ждала затаив дыхание.

Любимый был гораздо старше, чем она помнила. Морщинки в уголках глаз – отпечатки прожитых лет, усилившаяся сутулость, местами поседевшая щетина, а в глазах больше нет бесшабашной восторженности – растерялась где-то в пути. Но для Эли все эти мелочи не имели значения, главное – это был он: его острый умный взгляд, порывистые движения, непоколебимая уверенность, на которой хотелось повиснуть плющом, сбрасывая с себя всякую ответственность. Она вдохнула родной запах и почувствовала его как никогда

остро.

Но вдруг в Элину голову прокрались сомнения.

«Почти он», – маячило в голове, не давая покоя.

И абсолютно стерильная улыбка мужчины, обращенная к ней, подтвердила все ее подозрения.

– Дочки и жена будут горевать. Как мне дать им знать, что не стоит? – Олег всегда оставался Олегом, даже после смерти целеустремленный и деловой.

– Никак, – удивленно произнесла Эля, – но я позабочусь об их спокойном сне.

– Мам, играет Моцарт, «Ночная серенада», слышишь?

– Моцарт, – поправила девушка. – Нет, дорогой, не слышу, но аромат потрясающий. Познакомься, Олег, это мой сын.

Мужчина обвел их странную компанию недоуменным взглядом, и Эля уже тогда испустила тяжелый вздох, а когда он спросил: «Вы из моих пациентов?», все поняла окончательно.

Нечто раздраженно сплюнуло, а Слипри, полоумно захотав, утвердительно закивала.

Близняшки справились с матрицированием папы, Элина закладка очень помогла в этом процессе, и жена получила нужную долю информации. Но в матрице обнаружился один-единственный изъян: в ней, естественно, не осталось никаких упоминаний об Эле.

Приготовившись угощать любимого страшной историей,

девушка протянула свободную руку для пожатия:
– Давай знакомиться, любимый.

Изображение на обложке:
наименование: Тропою сна
автор: Олег Полевич

Нарисовано с фотографии автора книги Скубицкой Ольги Николаевны (этого изображения в сети на данный момент нет)